

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР



АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР



БАКУ—1984

3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 3

МАЙ—ИЮНЬ

БАКУ — 1984

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Г. К. КУЛИЕВ

ГЛАГОЛ *sa-//sa-* И ЕГО ДЕРИВАТЫ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(НА МАТЕРИАЛЕ ОГУЗСКИХ ЯЗЫКОВ)

Глагол *sā-//sa-* 'говорить, считать' относится к числу древних глаголов тюркских языков. От данного глагола морфологическим путем развился ряд имен и глаголов. Прослеживание процесса образования последних имеет определенное значение для исторической лексикологии [1, стр. 5].

Основным источником материалов для данной работы послужили древнетюркские письменные памятники, словари древних и современных тюркских языков, главным образом — огузских.

Глагол *sa-* 'считать' представлен в «Диване» Махмуда Кашгари: *Eg kouyğ sadı* [2, III, стр. 247] 'Человек считал овец'; *Sadı penğni* [2, I, стр. 281] 'Считал что-то'. Данный глагол реконструирован А. М. Щербаком с долгим гласным, то есть в форме *cā-* [3, стр. 135, 196]. Кстати, отметим, что корень *sā-* в туркменском языке сохранил долготу гласного: *sa:n-* 'считать, полагать', *sa:n-* 'число, количество' [4, стр. 564, 562].

Глагол *sā-* в понудительном залоге имеет форму *satur-* 'дать, заставить, позволить считать', которая встречается в «Диване» Махмуда Кашгари: *Ol aḡar kou saturdı* [2, стр. 186]. 'Он заставил его считать овец'.

Корень *sa-* сохранился и в составе имени: тур. *salık* 'сообщение, новость, весть, известие, совет, рекомендация' [5, стр. 748]. В турецком языке это имя исторически имело и форму *sali*. Имя *salık//sali* выступает в составе аналитического глагола *salık//sali ver-* 'сообщить': *...evini salı verdi...* [6, стр. 3267] '...сообщил (место) своего дома...'. Аналитический глагол *salık ver-* в современном турецком языке имеет значение «рекомендовать, советовать кому-то» [5, стр. 748]. Этот глагол, по нашему наблюдению, имеется и в западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка: *Сән һәмин јери салых вер, мән тапарам* 'Ты сообщи (опиши) мне то место, я найду'. Имя *салых* 'известие, сообщение' отмечено и в «Диалектологическом словаре азербайджанского языка», где приводится пример: *Салығыны алмышам, кедиф алажам* [7, стр. 354] 'Мне сообщили, пойду куплю'. Имя *salık//sali//салых* легко разделяется на корень *sa-//sa-* и аффикс *-lık//-li//-лых*. Ср.: азерб. *ач* 'голодать', *ач* 'голодный', *ачлыг* 'голод, голодовка'; *эм* 'сосать', *эмлик* 'ягненок, вскармливаемый молоком'; *ан* 'миг, мгновение', *ан-* 'помнить, вспоминать (кого-либо), припоминать', *анлыг* 'мгновенный, на мгновение'; *көз* 'глаза', *көзлүк* 'очки' и т. д.

В азерб. форме *-лых* аффикса *-lık* конечный согласный *к* переходит в *х*. Что же касается формы *-li* данного аффикса, то следует отметить, что параллельное употребление ее встречается и в ряде современных

тюркских языков, как, например, тур. *rahmetli, rahmetlik* 'покойный, усопший, блаженной памяти' [5, стр. 730].

Аффикс *-lyk/-ly* исторически образовывал как имена существительные, так и имена прилагательные, что отмечается и в большинстве современных тюркских языков.

Глагол *sā-//sa-* отмечен В. В. Радловым в значениях «говорить, считать» и проиллюстрирован следующими примерами из «Кутадгу билиг»: *Обыр әмді алтымыш маңа кәл тәјү — пузук чыкмаза јолда пардым сају* 'Теперь меня зовут шестьдесят (лет): иди ко мне! — говоря, если несчастье мне не встретится, то я скажу, что отправился в дорогу к ним'; *Обымыш Әлік әмді кәлгүл тәјү-камык әткүлүкни адамыш сају* 'Я читал, как Элик говорит иди ко мне, как он перечислил все добро (что там для меня)'; *Аңар актым әмді пірәр пағнача — пажынға тәгі пағна садым нәчә* 'Теперь я поднялся (шагая) по одной ступени; до самой вершины я считал, сколько ступеней' [8, стр. 216—217]. В первом и втором примерах имеется слово *сају*, которое расчленяется на корень — *са-* и аффикс деепричастия — *у* [9, стр. 190], а в третьем примере (*садым*): *са-* корень, *-ды* — аффикс прошедшего времени, *-м* — личный аффикс первого лица единственного числа. В первом примере корень *са-* обозначает «сказать», а во втором и третьем — «считать».

Деепричастие *сају* 'читая' (от *sa-*) встречается и в древнетюркских письменных памятниках: *ogun ogun saju* 'по различным местам'; *jäg saju* 'по разным местам'; *māñilik saju* 'с постоянной веселостью, по мере веселости' [9, стр. 419].

Корень *са-* сохранился и в составе туркм. *сакырда-* 'болтать, тараторить, говорить без умолку'; *узынлы гүн сакырдамак* 'болтать целый день'; *сакырды* 'болтовня', *сакырдыңы бес эт!* 'прекрати болтовню! перестань тараторить!' [4, стр. 559].

В чувашском языке имеется глагол *сәмахла* в значении «говорить» [10, стр. 132], корнем которого является глагол *са-*. Кроме того, глагол *са-* в значении «знать, уметь, понимать» имеется и в тунгусо-маньчжурских языках: эвенкийском, солонском, негидальском, орочском, удайском, нанайском и маньчжурском [11, стр. 50].

В огузских языках употребляется глагол *сан-* 'полагать, предполагать, думать, считать' [12, стр. 298; 4, стр. 564; 5, стр. 751; 13, стр. 396].

Глагол *сан-* 'считаться' как форма возвратного залога глагола *sa-* отмечен Махмудом Кашгари: *Ol er?... bile sandı* [2, II, стр. 28] 'Тот человек считался из всадников'; *Anuk utru tutsa yokka sanmas* [2, I, стр. 68] 'Если все приготовленное преподнесут (гостю), не считается, что ничего нет'. Глагол *сан-* С. Е. Малов также расчленяет на корень *sa-* и аффикс *п-*; со ссылкой на письменный памятник «Золотой блеск» (X в.) им приводятся формы *sa-, saju-, sana-* [9, стр. 419].

В древнетюркских письменных памятниках имеется «синкретичное»¹ с данным глаголом имя *сан* 'счет' [9, стр. 419]: *An bitig ičintä sāñiñ öz jaş sanu saquş u taqu tükämäjük әrmiş tәg...* [9, стр. 155] 'В книге предопределений (оказалось написанным): похоже, что еще не исполнились число и мера лет твоей жизни...'.²

Имя *сан* встречается и в «Диване» Махмуда Кашгари: *Koy sanı pe-*

¹ Подробные сведения о синкретичности именных и глагольных основ в тюркских языках и список литературы по данному вопросу приводятся А. М. Щербаком, который отмечает, что «факты глагольно-именной омонимии в древних и современных тюркских языках, результаты проведенных в этой области исследований и отчасти соображения теоретического порядка, подкрепленные ссылками на материалы нетюркских языков, позволяют думать, что в тюркском праязыке почти любой первичный корень обозначал и предмет, и действие-состояние, т. е. был синкретичным» [14, стр. 12].

се [2, III, стр. 157] 'Количество овец каково?'. Имя *sap* в азербайджанском и турецком языках имеет также значение «слава, почет, репутация» [12, стр. 298; 5, стр. 750].

Имя *sāp* в значении «счет, число, количество» сохранилось в туркменском языке [4, стр. 563]. В азербайджанском языке в этом значении употребляется *saj*, а в турецком и гагаузском языках *sayı* [15, стр. 330; 13, стр. 391]. Как видим, в туркменском языке имя *sāp* в значении «счет, количество» сохранило свою древнюю форму, зафиксированную еще Махмудом Кашгари. В остальных огузских языках, то есть в азербайджанском, турецком и гагаузском, вместо ожидаемого *sāp* выступают формы *saj* и *sayu*.

В. В. Радловым даются два значения этого глагола: «считать» и «рассказывать» (в турецком языке). Приводя глагол *saj-*, В. В. Радлов сравнивает его корень с *sa-* [8, стр. 220—221].

Выше уже отмечалось, что форма *sayu*, представленная в «Кутадгу билиг», может считаться формой деепричастия от глагола *sa-*. По-видимому, деепричастная форма *sayu* стала употребляться и в значении «счет, число», отсюда азерб. *saj-*, тур. *say-*, гаг. *сай-* [12, стр. 297; 5, стр. 757; 13, стр. 391] 'считать', 'число'; тур. *sayı*, гаг. *сайы* [5, стр. 756; 13, стр. 391] 'число'; тур. *sayma* 'счет, исчисление' [5, стр. 557]. Азерб. *saj*, туркм. *sāp*, тур. *sayı* употребляются и как грамматический термин «имя числительное».

Глагол туркм. *сайла-*, тур. *sayla-* 'выбирать, избирать', туркм. имя *сайлав* 'выборы, баллотировка', тур. *sayılav* 'делегат' [4, стр. 557; 5, стр. 757] также являются однокоренными.

В сравниваемых языках много слов, связанных со вторичным корнем от глагола *sā-*, то есть *saj*: тур. *sayar* 'почтительный', *saygı* 'почет, уважение, почтительность, учтивость', *saygılı* 'почтительный, внимательный, вежливый, учтивый', *saygın* 'уважаемый, почтенный', *sayıca* 'численно, по численности', *sayılı* 'считанный', *sayın* 'перепись', *sayısız* 'неисчислимый, бесчисленный', *sayışma* 'оплата, возмещение', *sayış-* 'рассчитаться', *saymaca* 'условный, номинальный', *sayman* 'счетовод, бухгалтер', *saymanlık* 'бухгалтерия', *sayın* 'уважаемый, почитаемый' [5, стр. 756]; азерб. *сайгач* 'счетчик', *сайычы/сайчы* 'счетчик (ведущий перепись)', *сайма* 'отсчитывание, насчитывание, исчисление, подсчет', 'уважение, почитание', *саймаз* 'невнимательный, пренебрежительный', *саймазјана* 'с пренебрежением, не считаясь ни с кем, безразлично, игнорируя, пренебрежительно, беспечно', *саймача* 'считалка, считалочка (в игре)', *сайсыз* 'без числа, без счета, бесчисленный, неисчислимый' [12, стр. 297]; туркм. *сайгар* 'различать, разбирать', *сайлавчы* 'избиратель', *сайла-* 'выбирать, отбирать, избирать'. Өлүм адам *сайламаз* (посл.) 'Смерть не разбирает чина' [4, стр. 557]; гаг. *сайгы* 'почет, уважение, почтительность', *сайгы тафтасы* (табласы) 'доска почета', *сайгылы* 'достойный почета (уважения)', *сайгылык* 'почтительность' [13, стр. 39].

Древнетюркский послелог *sajın//saju* 'каждый, всякий' [16, стр. 481, 482] также восходит к корню *saj-*, где *-in* и *-ju* деепричастные аффиксы [9, стр. 190; 17, стр. 141]. Приведем пример из письменного памятника «Покаянная молитва манихейцев» (приблизительно V в. н. э.): (137) *Kün saju nācā j(a) vlaq saqunč saqunur biz...* [9, стр. 119] 'Ежедневно сколь (много) мы обуреваемы бываем дурными помыслами...'; (122) *Aı t(ä)ŋgi künin saju...* [там же] 'В каждый день бога луны...'

Saju в функции послелога встречается также в «Памятнике Тоньюкуку»: (42) *...ol oq tün budunyn saju ıtymuz* [9, стр. 63] '... в ту же ночь мы отправили (послов) к каждому народу'.

В современных азербайджанском и туркменском языках в значении «считать» употребляется глагол *saṇa-*, образованный от синкретичной основы *saṇ* 'счет' с прибавлением аффикса *-a* [18, стр. 440].

Глагол *saṇa-* в том же значении употреблялся в «Памятнике Тонью-куку»: (27) *Ol sub qody bardymyz, saṇaṇaly tösürtimiz, atyṇ uqabajur ärtimiz...* [9, стр. 62] 'Мы шли вниз по течению этой реки. Чтобы пересчитать (свое войско), мы приказали остановиться, а лошадей мы привязали к деревьям...'

В «Памятнике в честь Бильге-кагана (Могиляна)» употребляется слово *сансыз* 'без счета': *Едгү өзлек атын қара кісін көк тейиңін сансыз келүрпін қоп қотты* (Мог., Ха) [19, стр. 315] 'Они доставили без числа своих хороших верховых лошадей, черных соболей, голубых белок и пожертвовали покойнику'.

Глагол *saṇa-* отмечен также Махмудом Кашгари: *Ol koyın saṇadı* [2, III, стр. 274] 'Он считал (своих) овец'.

Глагол *saṇa-* в средневековом турецком языке выражал значения 'хотеть, желать; думать; подозревать': *Kıyamet günü olucak sen inan Javuzluğu görmeye eylik saṇan* (XIV в.) 'Судный день настанет, ты поверь, для того, кто для благополучия своего чинит насилие другому'; *Yamanlık sansa bir kişi eşine Sonucu sandığı gelir başına* (XIV в.) [6, стр. 3304—3305] 'Если кто желает собрату своему зло, то зло его обратится на него же'.

В маньчжурском и чжурчженском языках имеется глагол *saṇa-* (**sāṇa-*) 'думать', который сопоставляется авторами «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» с древнетюркским *saṇ-* 'думать' [11, стр. 50].

Глагол *санаа-* 'думать, мыслить' имеется и в якутском языке [20, стр. 30].

В историческом словаре турецкого языка имя *saṇ* дается в следующих значениях: «сильное желание, чаяние, стремление»; «слава»; «признак, примета»; «след»; «словно, будто, как будто» [6, стр. 3293—3294]. В том же словаре отмечены также имя *saṇış-* 'понятие' и синкретичный с этим именем глагол *saṇış-* 'думать, предполагать, обдумать вместе'; *Önün sonun bu işin saṇışayım Bu emri halkım ile danışayım* (XVI в.) (досл.) 'Я хорошо обдумаю это дело, а в отношении этого приказа посоветуюсь со своим народом'; *Bu işin ardin önün danışalım Olsağın işin saṇışalım* (XVI в.) [6, стр. 3303] (досл.) 'Я об этом деле посоветуюсь, а осуществление этого дела обдумаю'.

В современных огузских языках также употребляется ряд слов, корнем которых является *saṇ*: азерб. *санки* 'будто, как будто, словно, мол, якобы', *санлы* 'почетный' [12, стр. 298]; туркм. *сан* 'число, количество', *санавач* 'считалка (в детских играх)', *санавачы* 'числитель', *санаг* 'считка', *сана-* 'считать'; 'столько же, одинаковое количество кого-, чего-либо' [4, стр. 563]; тур. *saṇ* 'слава, известность, почет', *sana* 'ум, разум', *sangı* 'изумленный, потрясенный, пораженный, ошеломленный', *sangıla* 'быть изумленным, пораженным, потрясенным, ошеломленным; изумляться, поражаться', *sangılık* 'изумление', *saṇı* 'предположение, догадка', *saṇık* 'обвиняемый (в чем-либо)', *saṇı* 'творящий, создающий; производящий', *sania* 'выдумка', *saṇih* 'приходящий на ум', *saṇiha* 'внезапно мелькнувшая мысль, идея', *saṇih olmak* 'приходить на ум' [5, стр. 750, 751]; гаг. *санки//санким//санкилим* (модальное слово, выражающее предположение, сомнение) 'неужели, разве, будто, якобы', *сансын* (модальное слово) 'как будто, словно, вроде, кажется, надо думать, надо полагать'; (союз) 'как будто, словно, будто' [13, стр. 397].

От корня *sa-* с прибавлением аффикса *-q* образована глагольная

форма *saq-* 'думать, считать, принимать за что-либо' и синкретичная с ней именная форма *saq//saγ* 'ум, сообразительность, сметливость' [16, стр. 486, 485, 480]. Как видим, данный аффикс, выступает в двух фонетических разновидностях, то есть *-q//γ*.

Аффикс *-q, γ* исторически служил средством образования синкретичных глаголов и имен. Так, например, глагол **jūd-* 'нагружать, навьючивать' [16, стр. 283], который А. Н. Кононов разлагает на **jū- + -d* (аффикс понудительного залога), получил развитие в виде глагольно-именного омонима: *jū + -k* 'навьючивать', 'вьюк'; дальнейшее развитие: *jūk + lā-* 'навьючивать' (ср. *ba-, baγ-, baγla-*) [17, стр. 80].

Глагольная форма *saq-* и именная форма *saq* встречаются в «Диване» Махмуда Кашгари: *Bardı eren kopuk köğür kutka sakar* [2, I, стр. 85] 'Ушли (те) мужи, (которые) считают счастьем принять гостя'; *Sende sağ yok* [2, III, стр. 154] 'У тебя нет ума'. В значении «ум» в турецком языке, как уже выше отмечалось, употребляется имя *sapa* [5, стр. 750].

В «Диване» Махмуда Кашгари и «Кутадгу билаг» Юсуфа Баласагуни встречается имя прилагательное *saq* 'внимательный, чуткий, настороженный': *sak er* [2, I, стр. 333] 'бдительный человек', 'осторожный': *İkinçi usal bolma saq tur obuγ* 'Во-вторых, не будь нерадивым, будь внимателен, бодрствуй'; *Jiti köz qulaq saq köñül keñ keräk* 'глаз (у него) должен быть острым, ухо — настороженным, а сердце — щедрым'; *Qaju-sı saq ersä ol üstän bolur* 'Кто будет осторожен, тот одержит верх' [16, стр. 485—486].

Имя *sak* в значениях «чуткий, чуткость», «осторожный, внимательный, разумный» и т. д. отмечено и В. В. Радловым [8, стр. 239]. В таком же значении слово *sak* встречается и в письменных памятниках турецкого языка XIV века: *Kişi yolda azat iken sak gerek* [6, стр. 326], 'Мужчина, будучи свободен в пути, должен быть бдительным'. Слово *sak//cak* в значениях «бдительный, чуткий, зоркий» употребляется и в современном турецком [5, стр. 745], гагаузском [13, стр. 392] и туркменском [4, стр. 558] языках. В этом же значении в азербайджанском языке употребляется *saγmγ* (*saγ-* 'почитать, уважать').

В письменных памятниках турецкого языка встречаются имена *sağı* и *sağunc* 'элегия', 'причитание, траурное, заунывное пение'. Там же встречается и ряд аналитических глаголов, в качестве именной части которых выступает слово *sağı* и синтетически образованные от него имена: *sağuculuk et-, sağı sağ-, sağ kul-* 'оплакивать с причитаниями'; *Döşek edinip sağı sağdu yine* (XIV в.) 'Постелив себе постель, (он) опять оплакивал (его) с причитаниями'; *Bu şi'ri deyip sağı sağar idi* (XIV в.) [6, стр. 3246] 'Читая эту элегию, (он) оплакивал (его)'.

От корня *saq-//saγ-* 'думать' образованы *sağa-* 'выполнять траурные обряды (носить траурное платье, петь печальные песни)' [8, стр. 261], *sağı* 'оплакивание умершего с причитаниями, причитания над умершим', *sağisci* '(наемный) плакальщик (на похоронах)' [5, стр. 744], *saqin-* 'сожалеть, грустить', *saqinç* (от *saqin + ç*) 'забота, печаль' [16, стр. 486].

От корня *saq* 'чуткость' прибавлением аффикса *-la* был образован глагол *saqla-*, имевший значения «внимать» и «сохранять». Этот глагол широко распространен в древнетюркских письменных памятниках. Приведем примеры из письменного памятника «Легенда об Огуз-кагане» (XIII в.): *Oşul urum qaγan oγuz qaγanpın jarlıyın saqlamas erdi qataγlayu bargmas erdi* 'Этот Урум-каган не внял приказанию Огуз-кагана, не пошел, чтобы присоединиться (к нему)'; *Baluqñi jaqşı saqlap sen der dedi anıñ ücün saqlap at qojdı* '«Ты хорошо сохранил город», — сказал (Огуз-каган): потому он дал (ему) имя Саклап' [16, стр. 487].

Глагол *saqla-* в значении «сохранять» представлен и в языке «Кутадгу билиг»: *Bu saqlıq bilä kör elin saqladı* 'Он сохранил свое государство благодаря этой осторожности' [там же].

Эвенкийский глагол *саксэ* 'интересоваться, пытаться узнать, стремиться к знаниям' [11, стр. 50] по семантике совпадает с тюркским *saqla-* 'внимать'.

Глагол *saqla-* употребляется в современных огузских языках: азерб. *saqla-*, туркм., гаг. *сакла-*, тур. *sakla* [12, стр. 300; 4, стр. 559; 13, стр. 392; 5, стр. 747]. Основные значения его в азербайджанском, туркменском и турецком языках «хранить, охранять, беречь, сохранять». В «Гагаузско-русско-молдавском словаре» приводятся следующие значения этого глагола: «утаивать, прятать, скрывать, укрывать».

Глагол *saqla-* семантически сближается с древнетюркским *saqlı-* 'заботиться, присматривать за кем-либо' [16, стр. 486].

От имени *saq* прибавлением аффикса *-ış* образовано имя *saqış//saıış* 'счет, число, исчисление', встречающееся в памятнике «Золотой блеск», в «Диване» Махмуда Кашгари и в поэме «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни: *Otrü bütär bir jılta altı keşinlär saqışi* («Золотой блеск»). 'Затем в одном году завершается счет шести кешинам (то есть отрезкам времени в два месяца)'; *Jetikenig kaçırsadım Sakış içre küpüm togdı* [2, III, стр. 247] 'Я считал (на небосводе) обороты Большой Медведицы. Во время (моих) расчетов вошло мое солнце'; *Saqış birlä saqlar kişi iş ködük/Saqışın seçar er jıl aj kün ödüg* («Кутадгу билиг») 'Человек счетом сохраняет (свои) труды и дела, благодаря счету определяет муж годы, месяцы и дни' [16, стр. 487].

Имя *сағыш* в значении «счет, число, исчисление» употребляется и в произведениях азербайджанского поэта XIV века Имадеддина Насими: *Түррәсинүн җәфаләри сағышә кәлмәз, еј көнүл, Сән бу шумарә дүшмә ким, бән билүрәм шумарәси* (досл.) 'Эй! Сердце мое, муки (от ее) доконов неисчислимы, Ты не попадай в это число (страдальцев), я знаю число это'; *Һесабун сағышы кәлди, нә санырсын, нә санырсын? Шумарун сағышын бил ким, һесабун би-шумар олды* [21, стр. 319] (досл.) 'Доносилось (до нас) количество чисел, что ты считаешь, что ты считаешь? Знай, что количество чисел стало количеством неисчислимым'.

С именем *saqış//saıış* связан также целый ряд слов: *saıışlıq//saqışlıq* [16, стр. 481, 487] 'численный, исчисляемый, считаемый'; *saıışsız//saqışsız* [16, стр. 481, 487] 'бесчисленный'; *saıınclıq//saqınclıq* 'думающий, мыслящий'; *saıınčsız//saqınčsız* [16, стр. 480, 487] 'беспечальный, беззаботный' и т. д.

Saqın- как форма возвратного залога глагола *saq-* дается авторами «Древнетюркского словаря» в значениях «думать, размышлять, представлять», «хотеть, сожалеть, грустить», «беспокоиться, заботиться». Ср. примеры из древнетюркских письменных памятников: *Ol işniñ öñini soñini saqın* 'Подумай о начале и конце того дела'; *Ol ödüñ maıast-vi bodisatva jorıju inča tep saqıñtı* 'В то время Магастви-бодисатва доброй (букв. идя) так размышлял'; *Inim Kül Tegin kergäk boltı özim saqıñtım* 'Кюль-Тегин, мой младший брат, скончался, я же заскорбел' [16, стр. 486].

Глагол *sakın-* в «Диване» Махмуда Кашгари приводится в значениях «считать, избегать, стесняться»: *Tawağ uğıp suw akın indi sakın* [2, III, стр. 61] 'Собранное богатство подобно (целому) потоку'; *Ol men-din sakındı* [2, II, стр. 153] 'Он избегал меня'.

Глагол *sakın-* употребляется в современном турецком и гагаузском языках: тур. *sakın-* 'воздерживаться, уклоняться, избегать': *günahlañ sa-*

kip- 'избегать греха, беречься, остерегаться', *hastalıktan sakın-* 'остерегаться заболевания', *soğıktan sakın-* 'беречься холода; беречь, оберегать, охранять', *sakın!* 'осторожно! берегись! смотри!' [5, стр. 746]; гаг. *сакын-* 'уклоняться, отодвигаться, отстраняться': *сакынмаа урмактан (дайактан)* 'отстраниться от удара', *сакын!* 'берегись! осторожно! смотри!', *перен.* 'быть нерешительным (робким, стеснительным), робеть, стесняться': *Буйур, буйур — сакынма, геери ол — сокулма* 'Пожалуйста, пожалуйста — не стесняйся, но и вперед не лезь' [13, стр. 393].

Глагол *sakın-* отмечен и в историческом словаре турецкого языка в значениях «отдаляться; хранить, беречь, жалеть (что)» [6, стр. 3255].

Глагол *сагын-* в значениях «беречь себя, остерегаться» встречается и в письменном памятнике «Китаби-Дәдә Горгуд»: *Сагын, гадын ана!* [22, стр. 39] 'Остерегайся, мать!'.

Глагол *сагын-* 'остерегаться' встречается в языке произведений Имадеддина Насими: *Мәжәр һәгдән зијан көрдүн ки, батил гөвлә јанышдун, Чевирдүн јузуни һәгдән, сагын ким, һәг декил батил* [21, стр. 325] 'Ты отвернул свое лицо от Истины, но остерегайся, ибо Истина не является нереальной'.

Данный глагол употребляется также и в азербайджанской классической ашугской поэзии: *Јандырырсан бизи јан кәзә-кәзә, Сагын сејрагыбдан, кәләрсән кәзә* (Ашыг Алы) 'Избегая нас, причиняешь нам страдание, Остерегайся соперника, сглазит он тебя'.

От корня *sa-* образовано также имя *саб//сап//сав* 'слово, речь, известия' [8, стр. 401, 424]; *sab//sav* 'слово, речь' [9, стр. 418, 420]. Данная словообразовательная модель отмечается во многих тюркских языках, например: *qadaв/xadaq* (от *qada-* 'вбивать') 'гвоздь'; *satuq/satux/satov* 'торговля'; *tatyу/tatov* 'вкус'. По данному поводу Э. В. Севортян пишет: «В половецком „Кодексе“ встречается много случаев параллельного употребления формы *-(a)w* [*-(a) ү/g*] и *-(a)q/w*, что говорит о переходном положении памятника в рассматриваемом отношении» [23, стр. 216].

Имя *саб* встречается уже в древнетюркских письменных памятниках: (2) *Токуз оғуз бәгләрі будуны бу сабымын әдгүти әсид катынды тыңла* (Кюль-Тегин, малая надпись) [9, стр. 27] '(Вы) начальники и народ «девяти огузов» эту речь мою хорошенько слушайте и крепко (ей) внимайте!'; (12) *Ol sabуу әsidiр, tün idysuqum kälmaди...* (Тоньюкук) 'Услышав эти слова, ночью не приходил мой сон...'; (9) *Kötüg sabу аптау...* (Тоньюкук) 'Слова лазутчика таковы...' [9, стр. 61]. Это имя имеется и в письменном памятнике «Золотой блеск»: (609) *Бу савығ әшитп, үчүнчi Мағастви тигін iki iчläриңә өтрү ынча тiп өтүнтi* 'Услышав эти слова, третий (из них) Магастви — царевич, затем так взмолился и сказал своим двум старшим братьям' [9, стр. 174].

Имя *saw* в значениях «поговорка, поговорка», «рассказ, письмо, слово, известия, слава» зафиксировано и в «Диване» Махмуда Кашғари [2, III, стр. 154].

Слово *сав//сап* сохранилось в следующих выражениях чувашского языка: *ан та каләр сав* 'и не говорите', *кёнекере сапла каланә* 'так говорится в книге' [10, стр. 132].

В эвенкийском языке имеется глагол *сāv-, сāvув-*, выражающий значение «быть известным», а имя *сāvун* в том же языке обозначает «знание, наука». Корень *сāv* фигурирует и в составе ряда глаголов других тунгусо-маньчжурских языков: негидальское *сāвкāн-* 'известить, уведомить, сообщить'; ульское *сāван-* 'известить, уведомить, сообщить', *сāвачу-//сāвчу-//сāучу-* 'извещать, уведомлять, сообщать'; нанайское

sāwāchi 'извещать, уведомлять, сообщать'; маньчжурское *сабу-* 'быть узнанным, вразумлять, дать знать' [11, стр. 49—50].

В «Диване» Махмуда Кашгари зафиксированы также: глагол *saw-īa-* 'рассказывать, говорить поговорки': *Ol telim sawladı* [2, III, стр. 297] 'Он много говорил' и имя *sawcı* 'пророк, сваха, сват' [2, III, стр. 441].

Имя *savčy* переводится С. Е. Маловым как «пророк, проповедник» и сопоставляется с формами *sap, sav, sapčy, sabčy* [9, стр. 420].

Имя *sav* 'рассказ, слово, известие' и глагол *savla-* 'рассказывать', а также имя *savacı* употребляются в письменных памятниках турецкого языка [6, стр. 3332]. Имя *sav* в современном турецком языке имеет значения «слово, новость, тезис», отсюда *sava* 'известие, радостное известие, приятная новость', *savsa* 'обвинительное заключение', *savcı* 'прокурор', *savcılık* 'положение или должность прокурора, прокуратура', *savla-* 'утверждать (что), настаивать (на чем)', *savlayıcı* 'утверждающий (что-либо)' [5, стр. 755].

Как видно из приведенных материалов, вторичный тюркский корень *saw-* и тунгусо-маньчжурский *sāw-* — являются лексическими параллелями.

Анализ рассмотренных языковых фактов показывает, что исторически глагольные и именные основы в тюркских языках были синкретичными, то есть почти любой корень обозначал и действие, и предмет. Основным способом словообразования являлась аффиксация, при помощи которой обогащался лексический состав древнетюркского языка. Агглютинативный строй тюркских языков позволял и позволяет образовываться от одного корня целому ряду новых слов. При этом следует отметить, что семантическая близость неологизмов с их первичной основой вполне прозрачна.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Очерки сравнительной морфологии алтайских языков». Л., 1978.
2. «Divanü Lûgat-it-Türk tercümesi». Çeviren: Besim Atalay, cilt I—III, Ankara, 1939—1941.
3. А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
4. «Туркменско-русский словарь». М., 1968.
5. «Турецко-русский словарь». М., 1977.
6. «Tagama sözlüğü», с. V. Ankara, 1971.
7. «Азербайджан дилинин диалектологи лугәти». Баку, 1964.
8. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV. СПб., 1911.
9. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности М.-Л., 1951.
10. «Русско-чувашский словарь». М., 1971.
11. «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», т. II. М., 1977.
12. «Азербайджанско-русский словарь». Баку, 1965.
13. «Гагаузско-русско-молдавский словарь». М., 1973.
14. А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л., 1981.
15. «Русско-турецкий словарь». М., 1972.
16. «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
17. А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VIII—IX вв. Л., 1980.
18. Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.
19. Г. Айдаров. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата, 1971.
20. Л. Н. Харитонов. Типы глагольной основы в якутском языке. М.-Л., 1954.
21. Ч. Гайраманов. Нәсими «Диваны»нын лексикасы. Баку, 1970.
22. «Китаби-Дәдә Горгуд». Баку, 1962.
23. Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

З. И. БУДАГОВА

К ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКО-АРМЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Социально-политические, экономические и культурные связи азербайджанцев и армян имеют многовековую историю. Контакты предков этих народов в древности оставили следы в азербайджанском и армянском языках. К этому же историческому периоду относятся регулярные контакты армянского языка с турецким, ибо общение армян с тюркским миром происходило одновременно как через территорию современного Азербайджана, так и современной Турции.

Результаты двухсторонних языковых контактов заметно сказались на армянском языке, что отмечалось не только видными армянскими лингвистами, но и писателями. Основоположник новоармянской реалистической литературы Хачатур Абовян писал, что «тюркским языком владеют в Армении даже дети и женщины. Поэтому сочинение и импровизация песен-стихов на тюркском языке талантливыми армянскими поэтами и ашугами-импровизаторами абсолютно естественное явление»¹. Х. Абовян объясняет это тем, что «татарский (то есть азербайджанский. — З. Б.) своей гармоничностью, поэтичностью и простотой грамматического строя особо выделяется среди других языков Закавказья»².

Объективные экстралингвистические факторы, обусловившие влияние азербайджанского языка на армянский, а также взаимоотношения этих языков были объектом исследований многих армянских и азербайджанских лингвистов³.

В данной статье автор пытается подвести некоторые итоги изучению азербайджанско-армянских языковых контактов. Следует отметить, что эти контакты проявлялись двояко: как в области диалектов и говоров, так и литературных языков. Армянский язык начал испытывать влияние тюркских литературных языков, по-видимому, с XII—XIII веков. Не случайно именно в XIII веке появились стихи, написанные армянскими поэтами на азербайджанском и турецком языках. Характеризуя этот период, Э. В. Севортян писал: «Еще до монголов, в XII веке, если не раньше, армяне вступили в контакт с сельджуками, туркменами, а затем с османами и предками современных азербайджанцев и находились с ними в постоянных сношениях, нередко живя бок о бок с ними. Только повседневным общением с огузскими племенами и народами объясняется факт весьма раннего проникновения южнотюркских слов в произведения армянской средневековой литературы»⁴. Говоря о тюркизмах в стихах армянского поэта конца XIII века Ованнеса Ерзнкаци, Э. В. Севортян замечает: «Употребляемые Ованнесом Ерзнкаци заимствования из тюркского разговорного языка и диалектов — собственно тюркского или арабо-персидского происхождения — являются не авторскими, а общепринятыми в разговорном армянском

языке тех далеких веков, о чем свидетельствуют произведения его современников, у которых встречаются те же тюркизмы»⁵.

К ранним тюркизмам в армянском языке Р. А. Ачарян относит такие слова, как *агх* 'арык, канава', *авсі* 'охотник', *ауа* 'господин, хозяин', *atabek* 'атабек, воспитатель принцев', *bek* 'бек', *hazal* 'лист', *уош* 'баран племенной', *yuš* 'птица', *kišmīš* 'кишмиш', *turaž* 'птица', *хосах* 'молодец, шустрый', *жејгап* 'джейран, газель', *собап* 'чабан, пастух' и т. д.⁶, которые всецело входят в исконный лексический фонд азербайджанского языка. Количество подобных примеров можно умножить, причем некоторые из них могут быть отнесены даже к более раннему периоду. К. Патканов, например, слова *агуг/агуг* 'тощий, худой', *ариг* 'арык, канава', *от/хот* 'трава, сено' и т. п. относит к V—VI векам⁷, а Р. А. Ачарян заимствование *агх* относит к X веку (*Berdkaј ajgin, or žgancі agxi fagnē*⁸ 'Виноградник, расположенный по руслу канавы'). Некоторые тюркские слова, заимствованные в тот период армянским языком и впоследствии вышедшие из употребления в азербайджанском, сохранились в некоторых других тюркских языках. Например, армянский глагол *bol-* (*bola-*), кирг. *бол-, вболды-* 'хватать'.

У армянского поэта конца XIII—начала XIV века Фрика встречаются такие азербайджанские (тюркские) слова, как *vārk*, *ауа*, *kōš*, *огтау*, *уапмаз*, *хап*, *bāj*, *сууал* и др.⁹

Часть тюрко-монгольских слов, зафиксированных в «Истории» Киракоса Гандзакеци, также вошла в лексический состав армянского языка (например: *ака*, армян. диал. *ака* 'тетя', *ауа* 'господин', *elci* 'посол, посланник', *guš* 'птица', *ахса* 'деньги', *гош* 'баран-самец' и многие другие)¹⁰.

Из армянских письменных памятников XV—XIX веков явствует, что в последующие века количество азербайджанских и турецких лексических заимствований в армянском языке намного увеличилось. В книге Р. А. Ачаряна «Тюркские заимствования в армянском языке» отмечено 4200 таких слов. Широко представлена тюркская лексика не только в художественных произведениях XVII—XVIII веков, но и в исторических сочинениях Аракела Даврижеци, Симеона Ереванци, Захария Канакерци и др. У этих авторов отмечены такие топонимы и слова, как *Kasym günei*, *Kyghbulag*, *Agžagala*, *Kordara*, *Kyzyl*, *Gaži*, *Tfangči*, *bolukbaši*, *halvači*, *čarči*, *argalyx*, *bajдах* и др. У Аракела Даврижеци встречаются: *Kültāpā*, *Alibejli*, *Üč kilisā* (Эчмиадзин), *Sorlu*, *Gara-Gojunlu*, *Dašburun*, *Dārāčičāg*, *Gyzyltopa*, *Jedākajol*, *Gorug*, *Jonžalyk* и др.¹¹; у Симеона Ереванци: *gaturčy*, *ata*, *gadaуа*, *gugat*, *dāli*, *gardaš*, *хагžči* и др.¹². Отметим, что в Армении имеется множество азербайджанских географических названий, в том числе названий отдельных сооружений, например, мостов: *Cirpili* (XI в.), *Cubug köpri*, *Хап köpri*, *Galın köpri*, *Soban köpri* (XIII—XIV вв.)¹³ и т. д.

Большое количество заимствований из диалектов и говоров азербайджанского языка представлено в диалектах и говорах армянского языка на территории Азербайджанской ССР. Проживающие в Азербайджане армяне в своем большинстве практически двуязычны (армянско-азербайджанское двуязычие), а двуязычие, как известно, создает благоприятные условия не только для многочисленных лексических заимствований, но и для фонетической и грамматической интерференции, происходящей под воздействием влияющего языка в языке (диалекте) подвергающемся влиянию. Не случайно гласные *ä*, *ö*, *ü* и глухой спирант *f*, чуждые армянскому языку, получили довольно широкое распространение в его диалектах и говорах. Мы не разделяем мнения лингвистов, полагающих, что фонемы могут заимствоваться. Новые

звуки появляются в языке только при условии взаимодействия как внешнего фактора (то есть влияния другого языка), так и внутреннего, заключающегося в артикуляторной предрасположенности¹⁴. А. Мартине, Л. Р. Зиндер, Е. Курилович и ряд других языковедов указывают, что заимствование фонемы возможно лишь при существовании в заимствующем языке соответствующих артикуляторных особенностей, способствующих освоению нового звука¹⁵, ибо необходима выработка навыка произношения этого нового звука у носителей данного языка (диалекта).

Исследователи диалектов и говоров армянского языка на территории Азербайджана отмечают наличие в них гласных *ä, ö, ü* и согласного *ʃ* (в шемахинском диалекте), которые возникли в результате их длительного и интенсивного контактирования с азербайджанским языком. Судя по исследованиям К. С. Давтяна, Р. А. Баграмяна и других диалектологов, *ä, ö, ü* в армянских диалектах Азербайджана фонологизировались и коррелируют с широкими гласными *a, o, u* во всех позициях в слове¹⁶.

Влияние азербайджанского и турецкого языков сказалось и на морфологии армянского языка, особенно на аффиксальном словообразовании (использование аффиксов *-luç, -lu, -çi, -miş*) и образовании порядковых числительных (например: *mekumzi* 'первый', *jerkumzi* 'второй', *tasumzi* 'десятый' и др.).

Можно указать также многочисленные фразеологические обороты, образованные при помощи азербайджанских заимствований или путем калькирования. Во фразеологическом словаре армянского языка, составленном М. А. Сукиасяном и С. А. Галстяном (Ереван, 1975), подобных оборотов десятки. Немало там пословиц и поговорок, целиком заимствованных из азербайджанского языка, например: *tika-tika anel* (азерб. *тика-тика етмак*) 'изрубить на куски'; *xatri xoş anel* (азерб. *хатрини хош етмак*) 'ублажать чью-то прихоть'; *däli šejtany asume* (азерб. *дәли шејтан дејур*) 'сатана подталкивает к чему-то'; *gjal-gjal anel* (азерб. *кәл-кәл демәк*) 'заманивать', букв. 'иди-иди ко мне' и множество подобных им.

Другим следствием азербайджанско- и турецко-армянских языковых контактов являются заимствования в азербайджанский и турецкий языки армянских слов. Р. А. Ачарян в своем докладе на I Тюркологическом съезде в Баку в 1926 году отметил, что в азербайджанском языке и особенно в диалектах турецкого языка им обнаружено 200 армянских слов. Эти слова Р. А. Ачаряном включены в его многотомный «Этимологический коренной словарь армянского языка», хотя и не все слова этого списка являются исконно армянскими. К исконно армянским в первую очередь следует отнести такие древнетюркские заимствования из армянского, как *ot>xot* 'трава, сено', *koşgar* (о́схаг/во́схаг) 'племенной баран', *gojup>goj* 'овца, баран' и ряд других¹⁷. Говоря о слове *koşgar*, К. Патканов еще в 70-х годах XIX века писал: «Возьмем еще одно до сих пор также нетронутое слово и сравним: о́схаг, во́схаг 'баран, овца'. Это слово V века. Я нахожу его в словаре Будагова, джаг, тат. قوچولای (khosehkaz) 'баран племенной'; в алтайском — *koşkor* 'дикий баран'... Нельзя же присутствие этого слова в армянском языке V века объяснить только случайностью. Утрата гортанного *k* перед *o* тоже не без аналогии»¹⁸. Однако, по мнению Р. А. Ачаряна, как *koşgar*, так и *goj* (up) в тюркские языки были заимствованы из армянского. Верно наблюдение автора о том, что *goš* и *goj* однозначны, и различия здесь чисто диалектного характера. В «Диване» Махмуда Кашгари, в «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни и в других древнетюркских источ-

никах эти слова отмечаются как исконно тюркские названия овцы, барана¹⁹. Как полагает К. М. Мусаев, «основное название овцы, как нам представляется, вошло и в дагестанские языки, причем в формах, характерных для юго-западных и кыпчакских языков: лак. *ку*, авар. *куй*, *квц*, карат. ботл. *куни*, тинд., чамал., багул. *квин...*»²⁰.

В азербайджанском языке, особенно в его диалектах и говорах, контактирующих с армянским языком, немало армянских заимствований. Их можно подразделить на две группы: а) слова, употребляемые в азербайджанском литературном языке, б) слова, функционирующие в диалектах и особенно в говорах, представленных на территории Армянской ССР.

В азербайджанском литературном языке отмечаются армянские заимствования двух видов: широко употребительные слова и слова, относящиеся к пассивному лексическому фонду, в том числе и «экзотические».

Армянские заимствования в азербайджанском языке отмечались многими азербайджанскими лингвистами. М. Ш. Ширалиев и А. М. Демирчизаде первыми указали на такие армянские заимствования в диалектах и говорах азербайджанского языка, как *барров* (< *bagov*) 'старое, неработоспособное животное', *андыр* (< *anter*) 'не имеющий хозяина, беспризорный', *хахчых* (*aḫčik*) 'девочка, девушка', *дыга* (< *dyga*) 'мальчик, сын' и др.²¹ А. М. Демирчизаде полагает, что *джурдак* 'кувшин для воды', *такур* (*tagavor*) 'царь' — также армянские заимствования в азербайджанском. К их числу он относит и *һерик* (*шуму*) 'пашня', *сал/даш гаја* 'каменная плита, утёс', *чәрән- (ләмәк)* 'говорить долго, произносить многословную речь', *хосун- (лашмаг)* 'говорить шепотом', *кирвә* 'крестный', *ләчәр* 'бесстыжая, истеричная' и некоторые другие широкоупотребительные в азербайджанском литературном языке слова²², а также некоторые «экзотические» слова, встречающиеся в произведениях азербайджанских писателей Наджафбека Везирова, Абдурагимбека Ахвердова, Ю. В. Чменземинли, Наримана Нариманова, Джафара Джабарлы, Сулеймана Рагимова и других, которые в своем творчестве обращались к теме многовековой дружбы азербайджанского и армянского народов. Герои произведений этих писателей отличаются яркими речевыми характеристиками, их язык насыщен бытовой лексикой, включающей употребительные армянские слова: *һарс* (*һарс*) 'невестка, сноха', *аḫčik* (*һахчых*) 'девочка', *dyga* (*дыга*) 'мальчик, сын', *хум* (*хум*) 'глава отряда', *һулавер* (*һуливер*) 'пожилой человек', *банвор* (*банвор*) 'рабочий', *хаç* (*һаç*) 'крест' и др.

Армянские заимствования, как правило, характерны для диалектов и говоров азербайджанского языка, контактирующих с армянскими диалектами и говорами (для карабахского и нахичеванского диалектов, закатало-кахских говоров). Диалектологи обнаруживают в них такие армянские заимствования, как *pat* (> *тәндриң бад*) 'стена', *asuta* (> *асма*) 'говорит', *him* (> *һим*) 'фундамент', *aybjug* (> *ахбур*) 'ключ, родник', *tasçal* (> *мажжал*) 'пахарь', *hotay* (> *һодах*) 'подпасок', *fom* (> *ком*) 'хлев, загон; овчарня', *tar* (> *тар*) 'насед', *tapap* (> *тапан*) 'борона', *tagaj* (> *марой*) 'сарай для соломы', *cicernak* (> *тзитзернак*) 'ласточка', *zyt* (> *тсыт*) 'цыпленок' и др.²³

В говорах азербайджанского языка, представленных на территории Армянской ССР, в ряде случаев армянские заимствования вытеснили исконные азербайджанские слова. Такие заимствования, как *akos* (*агос*) 'ряд в пашне', *akumb* (*акумб*) 'дом культуры', *anhat* (*чанһад*) 'единственный', *aşxog* (*ашхор*) 'трудодень', *kot* (*гот*) 'рукоятка', *koşak* (*годжаг*) 'пуговица', *balanik* (*баланик*) 'ключ, замок', *tap* (*тан*)

'айран, пахталка', *şenk* (*шенк*) 'здание, дом, стройка', *пахагаһ* (*нахага*) 'председатель' и десятки других полностью заменили в этих говорах их азербайджанские синонимы²⁴. Подобное явление обусловлено общностью жизни и быта армянского и азербайджанского народов на территории Армении, где основным средством их общения является армянский язык.

Взаимоотношениям азербайджанского и армянского языков посвящено немало работ. Однако изучение многовекового тесного языкового, социального и культурного общения азербайджанского и армянского народов, с древних времен проживающих бок о бок в добром соседстве, требует создания капитальных монографических исследований.

¹ Х. Абовян. Избранные сочинения (на армян. яз.), т. I. Ереван, 1940, стр. 47.

² Х. Абовян. Полное собрание сочинений (на армян. яз.), т. V. Ереван, 1950, стр. 174.

³ К. Патканов. О месте, занимаемом армянским языком в кругу индоевропейских. — «Известия Кавказского отдела императорского русского географического общества», т. VI, № 1, Тифлис, 1881, стр. 27—49; Р. А. Ачарян. Тюркские заимствования в армянском языке (на армян. яз.). Москва—Вагашамат, 1902; *его же*. Взаимное влияние тюркского и армянского языков. — I Тюркологический съезд. Стенографический отчет. Баку, 1926; А. С. Гарибян. Введение в изучение истории армянского языка (на армян. яз.). Ереван, 1937; Р. А. Баграмян. Армянские диалекты в Азербайджанской ССР. Автореф. докт. дисс., Тбилиси, 1969; J. Мирбабаев. Азербайжан ва ермани диллэринин гаршылыгы элагеси. — «Азербайжан ССР ЕА Дилчилик Институтунун эсэрлэри», ч. I, Баку, 1947, стр. 16—22; А. А. Григорян. Опыт историко-лексикологического исследования азербайджанских заимствований в армянских источниках и диалектах армянского языка. Автореф. канд. дисс., Баку, 1981 и др.

⁴ Э. В. Севортян. Тюркизмы у ранних армянских писателей. — В кн.: «Структура и история тюркских языков», М., 1971, стр. 264—265.

⁵ Там же, стр. 266.

⁶ Р. А. Ачарян. Этимологический коренной словарь армянского языка (на армян. яз.). Тт. I—IV, Ереван, 1971—1979.

⁷ К. Патканов. Указ. раб., стр. 45—49.

⁸ Р. А. Ачарян. Указ. словарь, т. I. Ереван, 1971, стр. 317.

⁹ Фрик. Стихотворения (на армян. яз.). Ереван, 1941.

¹⁰ Киракос Гандзакеци. История. Научно-критический текст (на армян. яз.). Ереван, 1961, стр. 273—275.

¹¹ Аракел Даврижеци. Книга историй. М., 1973.

¹² Симеон Ереванци. Джамбр. М., 1958.

¹³ Об этом см.: О. Х. Халпачян. Инженерные сооружения Армении. — В журн.: «Архитектурное наследство», М., 1964, № 17, стр. 67—120.

¹⁴ Подробнее об этом см.: В. Л. Гукасян. О фонемном новообразовании. — «Советская тюркология», Баку, 1978, № 5, стр. 33—43.

¹⁵ А. Мартине. Принципы экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 135—139; Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. М., 1960, стр. 67; Е. Курилович. О методах внутренней реконструкции. — В кн.: «Новое в лингвистике», т. IV, М., 1965, стр. 405.

¹⁶ Р. А. Баграмян. Указ. автореф., стр. 38.

¹⁷ Р. А. Ачарян. Указ. словарь, т. II. Ереван, 1973, стр. 390—391; т. III. Ереван, 1977, стр. 562—563.

¹⁸ К. Патканов. Указ. раб., стр. 49.

¹⁹ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 451—453.

²⁰ К. М. Мусаев. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975, стр. 57.

²¹ М. Ш. Ширэлиев. Баку диалекты. Баку, 1957, стр. 162—201; *его же*. Азербайжан диалектоложиясынын эсаclarы. Баку, 1962, стр. 350—351.

²² Э. М. Дамирчизаде. «Китаби-Дэде Горгуд» дастанларынын дили. Баку, 1959, стр. 149—150; *его же*. Азербайжан эдэби дилинин тарихи, ч. I. Баку, 1979, стр. 44—45.

²³ «Азербайжан дилинин диалектоложии лугэти». Баку, 1964; А. А. Хусейнов. Азербайжан дилинин шимал-герб групп диалект ва шивэлэринин лугэти. — «В. И. Ленин адына АПИ-нин елми эсэрлэри», IX серия, Баку, 1964, № 6; 1965, №№ 1—4; «Азербайжан дилинин герб диалект ва шивэлэри». Баку, 1964 и т. д.

²⁴ М. И. Мамедов. Взаимоотношения современного азербайджанского и армянского языков. Автореф. канд. дисс., Баку, 1981, стр. 22—23.

Г. Ф. БЛАГОВА

ЯЗЫКОВОЕ КОНТАКТИРОВАНИЕ В ТИМУРИДСКИХ ГОСУДАРСТВАХ ПО ДАННЫМ АРЕАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Пространственное изучение языковых явлений в тюркологии было начато Е. Д. Поливановым и В. А. Богородицким. В конце 20-х и в 30-е годы Е. Д. Поливанов, заложивший научные основы узбекской диалектологии, предложил одну из первых классификаций узбекских диалектов и говоров, основываясь на пространственном факторе в распределении языковых явлений. Этот фактор учитывался ученым при изучении исторических миграций огузских и кыпчакских племен в юго-восточном регионе (Средняя Азия и сопредельные с ней тюркоязычные районы Северо-Восточного Ирана и Афганистана). Это позволило Е. Д. Поливанову разработать теорию огузской миграции в Средней Азии¹.

В настоящее время интерес к теории огузской миграции возрос в связи с проводимыми ареальными исследованиями тюркских языков Средней Азии и Кавказа². На обширном языковом материале прослеживается перемещение мощной сельджукской волны, продвигавшейся в XI—XIII веках в Закавказье и Малую Азию, что нашло отражение «в тех общих изоглоссах, которые регистрируются в диалектах азербайджанского, туркменского, турецкого языков, вытянутых в линию, идущую с Востока на Запад»³.

Вместе с тем целый ряд вопросов, связанных с огузской миграцией в Средней Азии и примыкающих к ней районах, остается открытым. Среди них — вопрос о том, сохранились ли следы языковых контактов с мигрирующей сельджукской волной помимо туркменского языка, еще и в других языках Средней Азии? Более широко эта проблема может быть сформулирована как изучение исторических взаимоотношений тюркских языков и диалектов юго-восточного региона в средние века. Решению ее должно способствовать применение картографирования и последующая интерпретация полученных изоглосс.

В настоящее время крайне необходимым является проведение комплексных этно-лингвистических ареальных изысканий, совершенствование и дальнейшее развитие приемов и техники картографирования⁴. Между тем в ареальных исследованиях по тюркским языкам пока

¹ См.: Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1933, стр. 25 и сл.; *его же*. Материалы по грамматике узбекского языка. Вып. 1, Ташкент, 1935, стр. 13—14 и сл. Подробнее о роли трудов и идей ученого в развитии ареальных исследований по тюркским языкам см.: Г. Ф. Благова. Е. Д. Поливанов и тюркская ареальная лингвистика. — «Советская тюркология», 1981, № 1.

² Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. Среднеазиатский ареал. М., 1975, стр. 13 и сл.

³ Н. З. Гаджиева. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979, стр. 250.

⁴ См.: сб. «Проблемы картографирования в языкознании и этнографии». Л., 1974.

еще не уделяется должного внимания вопросам картографирования. В этих исследованиях либо излагаются умозрительные представления о пространственном распределении языковых явлений (а собственно ареаграфический материал отсутствует), либо же читателю предлагаются синтетические карты. Этот тип карт, дающих картографическое отображение языкового явления в изучаемом регионе, относится к области лингвистической географии. Синтетические карты являются одним из источников проведения ареальных исследований: они могут лечь в основу последующего этапа картографирования — построения аналитической карты, предполагающей предварительное вычленение различительных признаков изучаемого явления и их картографирование⁵. Аналитическая карта используется в тех случаях, когда необходим «показ структурных разновидностей явления» в пространстве⁶.

Составление аналитической карты подразумевает схематичное представление пространства, ориентированного по странам света, с минимальной географической нагрузкой. На аналитическом уровне, как правило, не требуется равномерной плотности лингвистической карты и, следовательно, для такой карты она является излишней. Приближенное изображение на аналитическом уровне однородного множества изменяющихся в пространстве величин⁷ в литературе именуется по-разному: «ареаграфический материал», «рисунок», «схематическая карта», «картосхема». Аналитические картосхемы широко используются и в лингвистической географии, и в ареальной лингвистике как отечественной, так и зарубежной⁸.

Применение приемов картографирования к имеющемуся в распоряжении тюркологов богатейшему материалу по диалектологии среднеазиатских тюркских языков позволяет проследить языковые процессы, происходившие много веков тому назад. Использование всей совокупности приемов и методов ареальной лингвистики дает возможность при изучении исторических контактов тюркских языков юго-восточного региона не ограничиваться только областью книжно-письменных языков, но реконструировать также взаимоотношения средневековых народно-обиходных языков. В плане изучения исторических языковых контактов результативным оказалось предпринятое ареальное обследование системы склонения в тюркских языках и диалектах Средней Азии и некоторых прилегающих к ней территорий⁹.

Контакты между сельджукидским Хорасаном (Северо-Восточным Ираном и Западным Афганистаном) и Мавераннахром (областями, расположенными между Амударьей и Сырдарьей, а также севернее Сырдарьи) имеют длительную историю. Хотя интересы Сельджукидской державы в Малой Азии требовали притока свежих сил из Хорасана, однако, это не препятствовало ей расширять свои восточные пределы за счет Мавераннахра¹⁰. При последнем «великом Сельджукиде» сул-

⁵ «Проблемы картографирования...», стр. 37—39.

⁶ «Вопросы теории лингвистической географии». М., 1962, стр. 241.

⁷ К. А. Салищев. Картоведение. М., 1976, стр. 290, 291.

⁸ См.: А. Dauzat. Les Patois. Evolution — classification étude avec 7 cartes. Paris, 1946, стр. 67, 74, 131; «Вопросы теории лингвистической географии», стр. 242, 244 и сл.; «Русская диалектология». М., 1964; М. А. Бородин. Проблемы лингвистической географии. М.-Л., 1966, стр. 47—193; «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров по материалам лингвистической географии». М., 1970, стр. 87—115, 265—268; А. Dees. Atlas des formes et constructions des chartes françaises du 13-e siècle. Tübingen, 1980.

⁹ Г. Ф. Благова. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-восточный регион). М., 1982.

¹⁰ Вл. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.-Л., 1941, стр. 24, 26.

тане Санджаре (ум. в 1157 г.) эти земли фактически были подчинены контролю сельджукидского Хорасана. С конца XIV и до начала XVI века Мавераннахр и Хорасан входили в состав Тимуровой державы, когда, по словам В. А. Гордлевского, «происходил частичный отлив огузов — обратное движение на восток», в Среднюю Азию¹¹. Как отметил в свое время историк-медиевист А. Я. Якубовский, Хорасан «в средние века экономически, политически и культурно больше был связан со Средней Азией, чем с Персией»¹².

Лингвонисторические исследования Г. Дёрфера показали, что в средневековом Хорасане был распространен один из тюркских языков — восточносельджукский огузский язык, по своим классификационным признакам занимавший промежуточное положение между турецким и азербайджанским, с одной стороны, и туркменским — с другой. По мнению ученого, восточносельджукский язык имел прямое отношение к предыстории османотурецкого языка. Современные тюркские говоры на территории Северо-Восточного Ирана Г. Дёрфер именует хорасанотюркскими, возводя их к средневековому восточносельджукскому огузскому языку. По его мнению, хорасанотюркский язык вместе с туркменским составляет восточную ветвь языков огузской группы¹³. А. П. Поцелуевский, обративший внимание на необычный для туркменского языка факт, а именно на то, что «в словах с окончанием на гласный звук в диалектах пограничной с Ираном полосы: анаули, хасар, нохурли употребителен аффикс (дательного падежа. — Г. Б.) *-ûa/-ûe/...*»¹⁴, наметил тем самым зону интерференции этих двух восточноогузских языков.

Естественно предположить, что между двумя областями Тимуровой державы, которые были населены тюркоязычными народностями и связаны между собой экономически, политически и культурно, существовали также языковые контакты. Однако вопрос о контактировании между собой средневековых живых тюркских языков и диалектов Мавераннахра и Хорасана в науке пока не ставился. Правда, в исторической тюркологии давно уже обсуждаются и исследуются близкие к этой тематике вопросы, связанные с влиянием чагатайского книжно-письменного языка на османотурецкий язык; при этом, естественно, имеются в виду письменные фиксации языка, определенный круг письменных памятников¹⁵.

В этой связи естествен вопрос: как можно изучать взаимодействие между живыми средневековыми тюркскими языками и диалектами двух областей державы Тимура, если оно находилось на уровне прямого речевого общения носителей этих языков и диалектов? Думается, что ключ к решению проблемы можно найти в материалах современной тюркской диалектологии юго-восточного региона при соблюдении сле-

¹¹ Вл. Гордлевский. Указ. раб., стр. 43, прим. 7.

¹² «История народов Узбекистана». Т. I, Ташкент, 1950, стр. 14.

¹³ G. Doerfer. Das Chorasantürkische. — «Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten». 1977, Ankara, 1978, стр. 131—133, 192—195.

¹⁴ А. П. Поцелуевский. Избранные труды. Ашхабад, 1975, стр. 107.

¹⁵ См.: М. Mansuroğlu. Das Altosmanische. — «Philologiae Turcicae Fundamenta». Т. I, Wiesbaden, 1959; его же. Anadolu'da Türk yazı dilinin başlaması ve gelişmesi. — «Türk dili ve edebiyatı araştırmaları», IV, 3, İstanbul, 1951; О. F. Sertkaya. Osmanlı şâirlerinin Çağatayca şiirleri. — «Türk dili ve edebiyatı dergisi» [İstanbul üniversitesi edebiyat fakültesi], cilt XVIII. İstanbul, 1970, стр. 133—138. В. Г. Гузев полагает, что среднеазиатское влияние проявляется только в стихах Джеляледдина Руми и Султана Веледа (см.: В. Г. Гузев. Краткий обзор исследований по языку тюрок Малой Азии XIII—XVI вв. — «Тюркологический сборник. 1972», М., 1973, стр. 83). Г. Дёрфер отмечает большое значение, которое имеет для старой истории османского языка хорасанотюркский, относимый им к подгруппе восточноогузских языков (см.: G. Doerfer. Указ. раб., стр. 131).

дующих методически необходимых условий. Во-первых, это отбор материала, важного в классификационном отношении. Во-вторых, выявление пространственной упорядоченности отобранного материала с помощью картографирования и последующее обобщение полученных изоглосс приемами ареальной лингвистики. Как известно, лингвистическая карта признается «одним из основных источников познания народно-разговорных диалектных форм речи разных языков — от языков с давней письменной традицией до языков младописьменных и бесписьменных»¹⁶. При соблюдении перечисленных условий историку языка удастся заставить «заговорить» прежде разрозненные и, казалось бы, незначительные факты.

Рассмотрим формы склонения, традиционно относимые к классифицирующим признакам тюркских языков¹⁷.

В современном узбекском языке, в диалектах и говорах центрального Узбекистана дательный падеж имеет показатель *-ga/-ka* для имен, оканчивающихся как на гласный, так и на согласный (*ata-ga, at-ka*). Вместе с тем в ряде пунктов центрального Узбекистана диалектологами отмечен дательный на *-ja* для имен на гласные (*ata-ja*).

Эти наблюдения диалектологов, за неимением публикаций по тюркской диалектографии юго-восточного региона, рассматривались в качестве важных источников ареального исследования¹⁸ и анализировались в соответствии с разработанными нами принципами описания тюркского склонения¹⁹. Вычлененные в результате этого специфические признаки разных типов тюркского склонения картографировались. Аналитическое картографирование типов тюркского склонения (с нанесением на картосхемы различительных признаков этих типов) осуществлено нами в монографии «Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-восточный регион)» (М., 1982). В соответствии с принятыми нами упомянутыми принципами описания тюркского склонения, проводился дифференцированный показ пространственного распределения дательного на *-ja* по парадигмам склонения — именной, посессивно-именной и местоименной. В этих целях при картографировании были приняты следующие условные обозначения, обеспечивающие компактность изображения. За дательным падежом закреплён цифровой знак 3; соответственно за местным падежом — цифра 4, за дательным местным падежом — сложный цифровой знак 3×4. Именной парадигме присвоен буквенный индекс А, местоименной парадигме — индекс М. Разным частям посессивно-именной парадигмы присвоены следующие индексы: 1-го — 2-го лица единственного и множественного числа — индекс Б, 1-го — 2-го лица единственного числа — индекс б, 3-го лица — индекс В. Специфичность варианта форматива дательного падежа *-ja* для склонения огузского типа подчеркивается за счет наличия подстрочной цифры 2 при буквенно-цифровом индексе (т. е. 3А₂).

Вторым этапом работы явилось изоглоссирование специфических

¹⁶ М. А. Бородина. Лингвистическая география и ее значение для исследования тюркских языков. — «Проблемы современной тюркологии», Алма-Ата, 1980, стр. 95.

¹⁷ См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940, стр. 55; *его же*. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948, стр. 64; *его же*. Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. 1. Фонетика. М., 1955, стр. 287; Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 118 и сл.; *его же*. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 244 и сл.; G. Doerfer. Указ. раб., стр. 132, 194.

¹⁸ Подробнее об источниках ареального исследования в тюркологии см.: Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики, стр. 9 и сл.

¹⁹ Г. Ф. Благова. К теории тюркского склонения. — «Советская тюркология», 1978, № 5.

огузских форм склонения. Прилагаемая картосхема 1, на которой это изоглоссирование осуществлено, построена на основании ранее выполненного нами аналитического картографирования типов тюркского склонения²⁰.

В ряде пунктов центрального Узбекистана отмечена огузская форма дательного падежа на *-ja* для имен, оканчивающихся на гласный: *boläjä* 'ребенку', *tüjäjä* 'верблюду' (подобные формы при изоглоссировании обозначаются — $3A_2$). На основании сведений, извлеченных из диалектологических работ, изоглосса $3A_2$ на картосхеме проведена от Шахрисябза на юго-западе, верхней и нижней Кашкадарьи, Карши и Касана, Карнаба на западе Самаркандской области через Джизак, Ниязбаш, Ташкент, Пскент до Намангана, Андижана, Коканда на восток²¹.

Дательный на *-ja* принадлежит к числу форм склонения огузского типа, причем эта форма характерна не только для туркменского, но также для азербайджанского, турецкого, гагаузского языков. Дательный на *-ja* по Г. Дёрферу является одним из важных различительных признаков, по которому в юго-восточном регионе хорасанотюркский противопоставляется туркменскому языку. Опираясь на наблюдения А. П. Поцелуевского и исследование Г. Дёрфера, изоглоссу дательного на *-ja* на Среднем Востоке мы провели через территорию распространения хорасанотюркского языка (Северо-Восточный Иран) и пограничных с ним южнотуркменских говоров (Нохур, Маныш, Хасар). На крайнем западе Узбекистана изоглосса дательного на *-ja* проходит через Хиву, Хазорасп, Ургенч²².

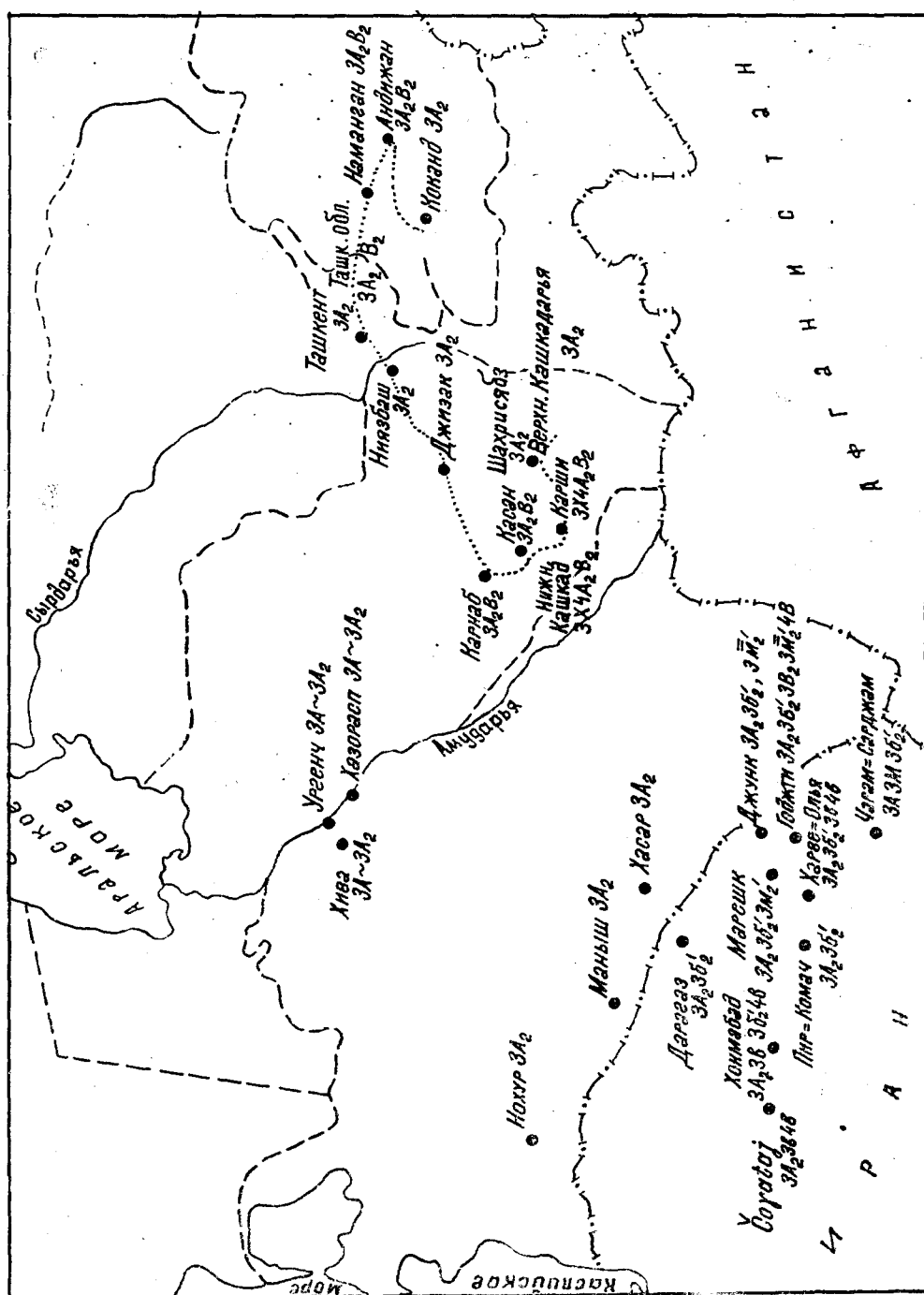
Третий этап изучения включил анализ и трактовку характера распространения изоглоссы дательного на *-ja* на территориях как центрального Узбекистана, так и Северо-Восточного Ирана. На этом этапе проводятся сравнительное изучение и учет следующих картографических характеристик изоглоссы дательного падежа на *-ja*, построенных на различных участках картосхемы 1.

Во-первых, учитывался характер распределения каждой из таких изоглоссы на разных территориях. На картосхеме 1 видно, что изоглосса дательного на *-ja* ($3A_2$), хотя она и окаймляет обширные территории центрального Узбекистана, представляет собой полузамкнутую изоглоссу. Она проходит через Коканд, Андижан, Наманган — на востоке, Ташкент и Ташкентскую область (населенные пункты Пскент, Сыдж-

²⁰ Предварительное аналитическое картографирование различительных признаков тюркского склонения представлено в работе: Г. Ф. Благова, Об ареальных системнотематических исследованиях по грамматике тюркских языков (Падежное склонение). — «Советская тюркология», 1978, № 1, стр. 23—28.

²¹ Изоглоссирование производилось на основании сведений, извлеченных из следующих работ: Б. Джураев. Шахрисябзский говор узбекского языка (Фонетико-морфологический очерк). Ташкент, 1964, стр. 82, 83; Б. Жўраев. Юкори Қашқадарё ўзбек шевалари. Тошкент, 1969, стр. 23, 110, 114 и сл.; В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов. Узбек диалектологияси. Тошкент, 1962, стр. 271, 272; А. Шерматов. Узбек халқ шеваларидан текстлар. Тошкент, 1975, стр. 42, 43 и сл.; его же. Қуйи Қашқадарё ўзбек шевалари. Тошкент, 1972, стр. 46; его же. Узбекские народные говоры Кашкадарьинской области. Ташкент, 1978, стр. 23, 25, 141; его же. Каршинский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1960, стр. 19, 26; «Узбек диалектологиясидан материаллар». I. Тошкент, 1957, стр. 86; II, 1960, стр. 183, 265; Н. Раджабов. Карнабский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс., Самарканд, 1958, стр. 10; Н. С. Гафурова. Ниязбашинский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1962, стр. 14; «Тошкент области ўзбек шевалари (Фонетика, морфология, лексика, синтаксис)». Тошкент, 1976, стр. 34—35; А. Ю. Алиев. Наманганская группа говоров узбекского языка. Автореф. докт. дисс., Ташкент, 1975, стр. 62; А. Маматов. Андижанский городской говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1964, стр. 19; С. Иброҳимов. Узбек тилининг Андижон шеvasи (Фонетика ва морфология). Тошкент, 1967, стр. 84.

²² См.: В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов. Узбек диалектологияси, стр. 209.



Картограмма 1.

джак, Ниязбаш), Джизак, Карнаб в Самаркандской области, Касан, Карши, низовья и верховья р. Кашкадарьи, Шахрисябз — на юго-западе. Замкнутой является изоглосса $3A_2$ в Южном Хорезме, где Хазораси, Хива и Ургенч объединены ею в один небольшой изолированный ареал. В Северо-Восточном Иране и пограничных с ним районах Южной Туркмении с помощью изоглоссы $3A_2$ вычленяется обширная зона, не только окаймленная, но и как бы пронизанная в разных направлениях этой изоглоссой. В Северо-Восточном Иране дательный на *-ja* зарегистрирован в населенных пунктах Шайх-Таймур, Боджнурд, Зейрат, Ширван, Кучан, Шурак, Лотфабад, Дарагаз, Доуган, Джунк, Годжги, Марешк, Лангар, Чарам, Рухабат, Харве-Олья, Пир-Комач, Карабаг, Солтан-абад, Хокмабад, Чогатай, Калат, Асадли. В Южной Туркмении это населенные пункты Хасар, Маныш Ашхабадской области, Нохур Бахарденского района, Байрам-Алийский район.

Во-вторых, учитывалась компактность — некомпактность распространения дательного на *-ja* на изучаемых территориях. В Северо-Восточном Иране налицо компактная зона, включающая в себя также пограничные районы Южной Туркмении (Нохур, Маныш, Хасар). На других территориях в Средней Азии дательный на *-ja* не составляет столь обширной и компактной зоны. В центральном Узбекистане изоглосса дательного на *-ja* не компактна, поскольку она, по сути дела, лишь окаймляет зону, начиная от Шахрисябза — на юго-западе, верхней и нижней Кашкадарьи, Карши и Касана, Карнаба — на западе Самаркандской области, через Пскент и Ташкент к Намангану, Андижану, Коканду — на востоке. Такой же окаймляющий характер, не позволяющий говорить о компактности, эта изоглосса имеет на территориях Южного Хорезма.

В-третьих, учитывалось положение зон и ареалов, вычленяемых на указанных территориях с помощью изоглоссы $3A_2$, по отношению друг к другу, а также конфигурация изоглосс в каждой из зон. Оказалось, что изоглосса дательного на *-ja* для имен на гласный располагается на севере Южного Хорезма и в центральном Узбекистане на восток от хорасанотюркской зоны. Конфигурация зоны, очерчиваемая этой изоглоссой в центральном Узбекистане, характерно вытянута с юго-запада на восток, что указывает на продвижение дательного на *-ja* в этом направлении.

С точки зрения лингвистической географии такое истолкование конфигурации изоглоссы $3A_2$ в центральном Узбекистане, равно как и положения зоны, очерчиваемой здесь этой изоглоссой, по отношению к соответствующей зоне в Северо-Восточном Иране, вполне допустимо. Препятствием к такому истолкованию не может служить отсутствие фиксаций дательного на *-ja* на довольно обширном пространстве, разделяющем эти две зоны. Дело в том, что лингвистической географии известны по крайней мере два способа распространения инноваций: это «медленное, постепенное распространение и более быстрое перенесение из центра на периферию, минуя ряд промежуточных пунктов»²³. А. Бах, различая эти два способа продвижения языковых форм из центра наиболее интенсивного их распространения, писал: «Как правило, наступающие издали языковые элементы, перескакивают через широкие пространства, чтобы завоевать отдельные „точки прицела“ городских коллективов, откуда они... проникают на подчиненную им территорию...»²⁴. Тот способ, при котором языковые явления как бы «перелетают» из

²³ М. А. Бородина. Проблемы лингвистической географии, стр. 161.

²⁴ См.: сб. «Немецкая диалектография». М., 1955, стр. 130.

центра своего распространения на другие территории, П. Гардетт образно назвал «парашютажем»²⁵.

В-четвертых, учитывалась тотальность распространения дательного на *-ja* (то есть, когда нет вариантов в данной фонетической позиции) — отсутствие такой тотальности (то есть наличие вариантов форматива дательного падежа в данной фонетической позиции, характерных для системы склонения неогузского типа). В хорасанотюркском все именные основы, оканчивающиеся на гласный, регулярно получают в дательном падеже аффикс *-ja*. Между тем в любом из узбекских говоров, локализуемых в перечисленных выше населенных пунктах центрального Узбекистана, дательный падеж на *-ja* представляет собой всего лишь одну из вариантов форм, причем далеко не самую распространенную. Типичным является положение, например, в шахрисябзском говоре узбекского языка, где для основ на гласный распространено варьирование *-ja~ga* (*äittäjä/äittägä* 'завтра', *hämmejä/hämmeägä* 'всем')²⁶.

В-пятых, принималось во внимание отсутствие — наличие изменений в характере семантики и функционирования формы на *-ja* на разных языковых территориях. В хорасанотюркском (Северо-Восточный Иран) и южнотуркменских говорах дательный падеж имеет форму на *-ja*, как и в турецком, азербайджанском, гагаузском языках. Иное положение наблюдается в тех говорах узбекского языка, где произошла контаминация дательного и местного падежей (в ряде этих говоров наблюдается также контаминация родительного и винительного падежей). В шахрисябзском, каршинском, нижнекашкардарьинских говорах узбекского языка форму на *-ja*, *-je* имеет дательный-местный падеж²⁷. На юго-западе центрального Узбекистана, таким образом, проходит изоглосса $3 \times 4A_2$ — производная от $3A_2$, но не тождественная ей.

В-шестых, учитывалась сочетаемость дательного (или дательного-местного) падежа на *-ja* с формами склонения того или иного типа на различных территориях. В тюркоязычных районах Северо-Восточного Ирана дательный на *-ja* органично и закономерно выступает наряду с другими падежными формами огузского типа, образуя непротиворечивую систему склонения. То же следует сказать о пограничной с Ираном полосе Южной Туркмении.

Для характеристики распространения изучаемой изоглоссы на центральных территориях Узбекистана важно подчеркнуть, что ею охвачены в основном говоры с четко выраженным карлукским типом склонения (за исключением Карнаба, говор которого характеризуется смешанными формами кыпчакско-карлукского типа), а конфигурация этой изоглоссы здесь в значительной мере приближается к очертаниям границ центральной зоны распространения карлукского типа склонения. В центральном Узбекистане дательный на *-ja* ($3A_2$) выступает наряду с инотипными формами склонения карлукского типа: дательный на *-ga* после аффиксов принадлежности ($3B$, $3B$), отсутствие «вставочного» *-n-* после аффикса принадлежности 3-го лица в локальных падежах, в том числе в дательном и местном падежах ($3B$, $4B$). (Отметим, что на юго-востоке за пределами изоглоссы $3A_2$ остаются группа говоров фер-

²⁵ P. Gardette. Deux itinéraires des invasions linguistiques dans le domaine Provençal. — «Revue de linguistique romaine», t. XIX, № 75—76, 1955, стр. 183—196. Аналогичные высказывания о двух способах продвижения языковых явлений от центра к периферии см.: K. Baldinger. Kontribution à une histoire des provincialismes dans la langue française. — Там же, t. XXI, № 81—82, 1957, стр. 62—92.

²⁶ Б. Джурраев. Шахрисябзский говор узбекского языка, стр. 83.

²⁷ Б. Джурраев. Указ. раб., стр. 82—83; А. Шерматов. Каршинский говор узбекского языка, стр. 25—26; Б. Жұраев. Юқори Қашқадарё ўзбек шевалари.

ганского диалекта узбекского языка и говоры уйгуров ферганской долины).

Такой характер сочетаемости дательного на *-ja* с классифицирующими признаками склонения различных типов на разных языковых территориях указывает на то, что для хорасанотюркской зоны дательный на *-ja* может считаться исконной чертой, а для центральноузбекистанской зоны — это инновация, возникшая в результате исторического влияния восточносельджукского огузского языка Хорасана на язык тюркоязычного населения Мавераннахра.

В-седьмых, обращалось внимание на наличие — отсутствие связанных изоглосс дательного падежа именной, посессивно-именной и местоименной парадигм. В Северо-Восточном Иране дательный на *-ja* именной парадигмы (после имен на гласный $3A_2$) закономерно сопряжен с дательным на *-ja* в посессивно-именной парадигме — после аффиксов принадлежности 2-го лица единственного числа ($3B'_2$: *älijä* 'к тебе') и 3-го лица единственного и множественного числа ($3B_2$: *älijä* 'к нему' — без «вставочного» *-n-*) — и в местоименной парадигме ($3M'_2$ — *-ja* для местоимений 1-го и 3-го лица единственного числа: *mājä* 'мне', *u-ja* 'ему'; 'тому' и для указательного местоимения единственного числа *bu* 'это': *bu-ja* 'этому')²⁸. Все эти изоглоссы очерчивают здесь достаточно компактную зону, а связанные изоглоссы $3A_2$ и $3B'_2$ проходят в Северо-Восточном Иране через населенные пункты Чарам, Харве-Олья, Пир-Комач, Хокмабад, Марешк, Годжги, Джунк, Дарагаз.

В центральном Узбекистане в таких узбекских говорах крайней южной и западной его части, как карнабский, нижнекашкарьинские, каршинский, шахрисябзский, дательный-местный на *-ja* отмечается как в именной парадигме ($3 \times 4A_2$), так и в посессивно-именной парадигме 3-го лица ($3 \times 4B_2$; например: *uj-i-ja* 'к себе домой', 'у себя дома'). Однако по мере продвижения на восток от этого окраинного ареала, образуемого изоглоссой $3A_2$ и дополнительно изоглоссой $3 \times 4B_2$ (Карнаб — Касан — Нижняя Кашкадарья — Карши — Шахрисябз), в глубь центрального Узбекистана дательный на *-ja* после аффикса принадлежности 3-го лица встречается значительно более разрозненно. Дательный на *-ja* зафиксирован в именной парадигме и в посессивно-именной парадигме 3-го лица (то есть изоглоссы $3A_2$ и $3B_2$) в узбекском говоре одного из населенных пунктов Ташкентской области (Пскент), а также в андижанском городском и наманганском «умлаутном» говорах (*osmon-a* 'в небо', *ogpu-ja* 'на свое место')²⁹.

Таким образом, изоглосса $3B_2$ (или $3 \times 4B_2$) на территории центрального Узбекистана лишь частично совпадает со связанной изоглоссой $3A_2$ (или $3 \times 4A_2$), не повторяя ее конфигурации: в восточной части этой территории изоглосса $3B_2$ представлена в виде отдельных точек (Пскент, Андижан, Наманган). Получается, как мы видим, что изоглоссы $3A_2$ и $3B_2$, исходящие из хорасанотюркской зоны склонения огузского типа, по мере отдаления от этого центра иррадиации и продвижения на восток в компактной центральноузбекистанской зоне склонения карлукского типа утрачивали связь друг с другом. В результате, продвинувшаяся на восток изоглосса $3A_2$, лишилась поддержки изоглоссы $3B_2$, то есть иррадирующее воздействие юго-западной зоны огузского типа

²⁸ G. Doerfer. Указ. раб., стр. 163, 165, 166.

²⁹ «Тошкент области ўзбек шеваляри», стр. 35; А. Маматов. Указ. раб., стр. 19; А. Ю. Алиев. Указ. раб., стр. 62.

склонения проявилось здесь слабее, чем на более близких к ней территориях Шахрисябза, Карши, Касана, Карнаба³⁰.

Такой размытый характер распространения связанных изоглосс $3B_2$ и $3 \times 4B_2$ в центральном Узбекистане позволяет охарактеризовать эти территории как периферийные по отношению к центру, то есть компактному и равномерному распространению изоглосс $3A_2$, $3B'_2$, $3B_2$. На картосхеме 1 отчетливо видно, как, преодолевая большие расстояния, ослабевала сила иррадирующего воздействия хорасанотюркского центра (см. непрерывную изоглоссу $3 \times 4B_2$ только на крайнем юго-западном участке центральноузбекистанской зоны распространения изоглосс $3 \times 4A_2$ и $3A_2$).

Весьма знаменательно, что посредством миграционной изоглоссы $3A_2$ ($3 \times 4A_2$) на территории современного Узбекистана выделена часть тех говоров, языковые истоки которых были представлены там в средние века, а носители их имели языковые контакты с жителями Хорасана, носителями восточносельджукского огузского языка. Получается, таким образом, что с помощью миграционной изоглоссы $3A_2$ на территории современного Узбекистана вычленяется историческая центральная зона распространения склонения карлукского типа.

По характеру языковых контактов с Хорасаном, запечатленных в современном Узбекистане изоглоссами $3A_2$ ($3 \times 4A_2$) и $3B_2$ ($3 \times 4B_2$), вычлененная центральная зона имеет историческую глубину, исчисляемую, по крайней мере, не менее чем шестью веками.

Исторические связи центральной зоны Мавераннахра с хорасанотюркской зоной подтверждаются тем, что языковое влияние этих зон было обоюдным. Присутствие чагатайской администрации, наличие чагатайского войска в Хорасане отразилось в топониме *Soḡataj* — одном из населенных пунктов, где живут современные носители хорасанотюркского языка.

Не менее важно отметить, что в хорасанотюркской зоне на фоне абсолютного преобладания форм склонения огузского типа отмечаются формы карлукского типа — дательный на *-ga* для имен, оканчивающихся на гласный ($3A$), и для местоимений ($3M$), а также местный падеж имен с аффиксом принадлежности 3-го лица без «вставочного» *-n-* ($4B$). Специфичная для хорасанотюркского форма дательного на *-ja* после аффикса принадлежности 3-го лица без «вставочного» *-n-* ($3B_2$) возникла, по-видимому, также не без влияния соответствующей формы склонения карлукского типа ($3B$), то есть $al-i-ga \rightarrow al-i-ja$.

Соответствующими изоглоссами на картосхеме 1 очерчиваются изолированные микроареалы, в которых законсервировано языковое воздействие тюркоязычного населения Мавераннахра на восточносельджукское население Хорасана. Наиболее показателен в этом отношении населенный пункт Годжги, который по совокупности трех разнотипных изоглосс — огузского дательного падежа на *-ja* для имен на гласный ($3A_2$), дательного падежа на *-ja* без «вставочного» *-n-* после аффикса принадлежности 3-го лица ($3B_2$) и карлукского местного падежа без «вставочного» *-n-* в тех же условиях ($4B$) — составляет один такой изолированный микроареал. Этот микроареал в Северо-Восточном Иране типологически подобен исторической центральноузбекистанской зоне по

³⁰ Заслуживает быть особо отмеченным то, что обе изоглоссы — $3A_2$ и $3B_2$ — проходят через населенный пункт Карнаб Самаркандской области. Карнабский говор узбекского языка ученые относят к среднеузбекской группе говоров (см.: Н. Раджабов. Указ. раб., стр. 16). Между тем, склонение в этом говоре имеет смешанный кыпчакско-карлукский характер. Изоглоссы $3A_2$ и $3B_2$, свойственные смешанному склонению карлукско-кыпчакского типа в карнабском говоре, могут служить подтверждением гипотезы о сравнительно раннем формировании этого говора (там же, стр. 2).

сочетанию разнотипных изоглосс — дательного падежа $3A_2 \sim 3A$, $3B_2$, $3M$, а также местного падежа $4B$ (последняя из них — одна из тех, которые в совокупности противопоставляют карлукский тип склонения всем остальным типам).

Таким образом, препарирование материалов, полученных современной тюркской диалектологией, путем вычленения различительных признаков изучаемого языкового явления по языкам и говорам, последующее картографирование этих различительных признаков (то есть построение аналитической карты) и их изоглоссирование, а затем интерпретация изоглосс с помощью приемов и методов ареальной лингвистики позволяют восстановить, казалось бы, навсегда утраченное звено в языковой истории тюркоязычных народов Средней Азии и Северо-Восточного Ирана. Тем самым подтверждается справедливость утверждения, что даже начальное представление конфигураций и пространственного соотношения языковых единиц дает объективный и показательный материал для выдвижения гипотез по истории языков изучаемого региона³¹.

ЛЕГЕНДА К КАРТОСХЕМЕ 1

- $3A$ — дательный падеж имен типа *kiši-ga*.
- $3A_2$ — дательный падеж имен типа *ata-ja*.
- $3B_2$ — дательный падеж имен с аффиксом принадлежности 2-го лица единственного числа, типа *älijä* (вместо *äliñä*).
- $3B$ — дательный падеж имен с аффиксом принадлежности 3-го лица без «вставочного» *-n-*, типа *äligä*.
- $3B_2$ — дательный падеж имен с аффиксом принадлежности 3-го лица без «вставочного» *-n-*, типа *älijä*.
- $3B$ — дательный падеж имен с аффиксом принадлежности 3-го лица при наличии «вставочного» *-n-*, типа *älinä*.
- $3M'$ — дательный падеж местоимений типа *mäjä* 'мне', *uja* 'ему'.
- $3 \times 4A_2B_2$ — дательный-местный падеж на *-ja-* для «чистых» имен и имен с аффиксами принадлежности 3-го лица (без «вставочного» *-n-*), типа *uñijä*, *älijä*.
- местный падеж имен с аффиксом принадлежности 3-го лица без «вставочного» *-n-*, типа *älidä*.
- $4B$ — местный падеж имен с аффиксом принадлежности 3-го лица при наличии «вставочного» *-n-*, типа *älinä*.
- $4B$ — местный падеж имен с аффиксом принадлежности 3-го лица при наличии «вставочного» *-n-*, типа *älinä*.

³¹ См.: М. А. Бородина. О закономерностях пространственного распределения тюркских языков. — «Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной тюркологической конференции». Алма-Ата, 1976, стр. 18.

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Л. Л. ГАБЫШЕВА

ЦВЕТО- И ЗООСИМВОЛИКА В ЯКУТСКОМ ЭПОСЕ ОЛОНХО

В поэтическом языке олонхо кони и рогатый скот имеют метафорические названия, связанные между собой цветовой оппозицией: *үрүҥ сүүрүк* — *хара сүүрүк* 'белые бегуны — черные бегуны', *маҕан түүлээх* — *хара түүлээх* 'белошерстные — черношерстные'. Данная цветовая оппозиция усиливается в тексте с помощью повтора: «Тут был прежде белый скот (многочисленный), точно белый ерник, был черный скот, точно черный ерник»¹. Или: «..белых бегунов, что до белого леса доходят, самых видных в приданое дали, самых круторогих черных коров, что стадами до черного леса пасутся, в приданое дали»².

В примечаниях к данным текстам исследователи пишут, что «метафорические обороты *үрүҥ сүүрүк* и *хара сүүрүк*, возможно, появились под влиянием таких фактов, как в преобладающей своей массе якутские лошади светлых мастей; подателем и покровителем их, по якутской мифологии, является светлый небожитель Дьөнөгөй; преобладающая масть рогатого скота якутов черная, бурая, пестрая»³.

На наш взгляд, данные метафорические имена получают более простое и убедительное объяснение, если исходить из системы цветовой символики олонхо, где черный цвет выступает как атрибут темных хтонических сил, а белый — связан с небесным божественным началом (ср. переносные языковые значения слов *хара* 'дурной, злой, несчастный' и *үрүҥ* 'светлый, чистый')⁴. Следует учесть также традицию наименования эпических героев, по которой «эпитет *үрүҥ* дается именам персонажей племени *айыы*, т. е. светлых сил, а *хара* — обычно именам племени *абааһы*, т. е. темных сил»⁵.

Наиболее почитаемые объекты поклонения у древних якутов — небо, солнце, верховное божество — имеют эпитеты *үрүҥ*, *маҕан* 'белый'.

¹ «Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки, песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым». — «Записки Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества по этнографии», т. I, вып. 3, Иркутск, 1890, стр. 152.

² «Якутский фольклор». Л., 1936, стр. 75.

³ «Якутские народные песни», ч. I. Якутск, 1976, стр. 226—227. Авторам примечаний можно возразить, что цветовая оппозиция, в которую включены кони и рогатый скот, встречается не только у якутов, но, например, и у казахов: *ак мал* 'кони' — *кара мал* 'верблюды, коровы, овцы, козы'. Словом *гага* в некоторых тюркских языках обозначается рогатый скот. (См.: А. Н. Кононов. Семантика цветообозначений в тюркских языках. — «Тюркологический сборник. 1975», М., 1978, стр. 161).

⁴ Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Т. 3, М., 1959, стлб. 3332 и 3179.

⁵ Н. И. Филиппова. Об одном эпитете Юрюнг Айыы Тойона. — «Мифология народов Якутии», Якутск, 1980, стр. 72.

С черным цветом связана Земля (ср. устойчивое словосочетание поэтического языка олонхо *буор хара* 'черный, как земля'); в турецком и узбекском языках слово *гага* имеет значение «земля», «суша», «материк»⁶. Дух Земли в якутской мифологии и фольклоре тесно связан (а в ряде случаев отождествляется) с божеством — покровителем рогатого скота: корни мирового древа нисходят, по описанию олонхо, «к духу земли, к создателю черношерстных, идучи — идучему никогда не достигаемому Манхалыын Тойону — *Аан дойду иччитигэр, хара түүлээби айааччыга, баран-баран баһын ситтэрбат Манхалыын Тойонго*»⁷. Конь в якутском эпосе имеет божественное происхождение и спускается к своему хозяину с небес: «Дыырай Бёгё обратился к Джёсёгёй Тойону с просьбой указать предназначенного ему коня, как только сказал он это, подул свежий ветер, и по дороге Иэйэхсит с неба спустился богатырский конь, оседланный, готовый к боевому походу»⁸.

Связь рогатого скота с землей, а коня с небом нашла некоторое отражение в системе обрядов древних якутов и четко прослеживается, например, при описании жертвоприношений, совершаемых героями олонхо: «Обозналась я, невпопад заклинала конем; думала сверху ниспал: видно, снизу тот абаасы вышел», — рассуждает одна из героинь олонхо. Затем «криком вызвала черного беломордого быка, вколотила жертвенный столб...»⁹.

Подобный характер жертвоприношений П. А. Ойунский объяснял, тем, что «на верхнем мире хозяйство основано исключительно на конном скоте, на нижнем мире — только на рогатом скоте...»¹⁰. Это подтверждается локализацией божества коней и покровителя рогатого скота при описании мирового древа: «Священное дерево задумало достичь своей верхушкой страны верхних абаасы и уничтожить их, но отказалось от этой греховной мысли и проросло в страну божества коней Джёсёгёй Иэйэхсита, превратившись там в самую лучшую коновязь. Джёсёгёй Тойон не дал священное дерево в обиду абаасы. Нижними корнями дерево хотело прорасти до нижних абаасы и уничтожить их, но отказалось и от этой греховной мысли и проросло в урочище божеств рогатого скота, духов-хозяев Среднего мира, превратившись в вешалку для белого илгэ — молочных продуктов. Духи-хозяева не дали священное дерево в обиду нижним абаасы»¹¹.

Если обратиться к художественным тропам олонхо, то в основе многих сравнений, метафор, метаморфоз и эпитетов обнаруживается пространственная оппозиция по вертикали — коней и рогатого скота. Одно из эпических клише, описывающих богатство богатыря, строится на сопоставлении слов «небо—звезды—кони», с одной стороны, и «земля—кочки—рогатый скот», с другой:

*Халлаан сулуһун курдук
Халын элбэх
Сылгы сүөһүлэммит;
Сир дулбатын курдук*

⁶ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 161. Однако существует и другое мнение (Г. Дёрфер, Х. Короглы), согласно которому подобные значения тюркскому кага приписываются в связи с его фонетической близостью к арабскому кага 'суша, земля, материк'.

⁷ «Образцы народной литературы якутов». Под ред. Э. К. Пекарского, ч. I, вып. 2, СПб., 1916, стр. 115—116.

⁸ Н. В. Емельянов. Сюжеты якутских олонхо. М., 1980, стр. 24.

⁹ «Якутский фольклор», стр. 111, 112.

¹⁰ П. А. Ойунский. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание. — «Сборник трудов исследовательского общества „Саха кэскилэ“», вып. I (4), Якутск, 1927, стр. 101.

¹¹ Н. В. Емельянов. Указ. раб., стр. 23.

*Сиэрэ суох элбэх
Ынах сүөһүлэммит.*

'Сколько на небе звезд,
Так много имел он коней;
Сколько на земле кочек,
Так много имел он рогатого скота'¹².

Пространственная оппозиция небо—земля (*халлаан—сир*) четко выделена на фонетическом уровне: данные слова вынесены в начало строк, задают аллитерацию и как бы включают в оппозицию и другие слова *ынах сүөһү—сылгы сүөһү* 'рогатый скот — кони'.

В тропах образы коня и быка могут непосредственно сопоставляться с пространственной моделью мира. Так, по представлениям древних якутов, три мира связаны дорогами: «В Верхний мир поднимался изогнутый перевал, подобный шее Ексёку (мифической птицы. — Л. Г.); в Нижний мир спускалась дорога, подобная горлу быка, по Среднему миру шла дорога, как будто бы посланная хвостом и гривой лошади серой масти»¹³.

Семантика сравнений прозрачна: образы птицы, коня, быка выступают своеобразными индексами трех миров. Данные устойчивые сравнения могут варьироваться. В олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» описание двух дорог как бы обрамляет пятую песнь, посвященную первому бою эпического богатыря. Перед битвой героя с абаасы-богатырем описывается дорога в Нижний мир:

*Атыыр обус хабарбатын быһа баттаабыт курдук
Тимир дьулуу аартык
Таннары дьулуһуйан түспүтүн устун баран итэ*

'Он спустился вниз по Тимир Дьулоу аартык,
Железному, крутому и страшному,
Зияющему, словно перерезанное горло быка-пороза'¹⁴.

После победы Нюргуна Боотура Стремительного над врагом следует описание дороги в Верхний мир:

*Эбэрдэлээх илин халлаан
Эгийэтин диэкиттэн
Сиэр сылгы сиэлин — кутуругун
Силэйэ туппут курдук
Сизги дьабыл аартык
Силэллэ түстэ...*

'Под благодатным восточным небом
Раскрылся пятнистый перевал
Сизги дьагыл аартык,
Словно развеянные на ветру грива и хвост
Рыжей лошади — коня'¹⁵.

По тем же законам общей образной системы олонхо строятся метаморфозы. Достаточно сопоставить, например, сравнение и метаморфозу: «громкая слава родоначальников якутов ворвалась в Нижний мир, как рев быка, достигла Верхнего мира, как ржание лошади, закружилась в Среднем мире, как снежная буря»¹⁶; «Слово, сказанное богатырем, летит в Верхний мир, превратившись в молодого жеребца; в образе быка-пороза спускается в Нижний мир»¹⁷.

¹² Күннүк Уурастырап. Нуобалдын Кугас Аттаах Тойон Дьабырыма Бухатыыр. Якутская, 1941, стр. 30.

¹³ Н. В. Емельянов. Указ. раб., стр. 189.

¹⁴ К. Г. Оросин. Нюргун Боотур Стремительный. Якутск, 1947, стр. 120—121.

¹⁵ Там же, стр. 158—161.

¹⁶ М. М. Куобарап. Бүдүрүйбэт Мүлдьү Бөбө. М. — Якутск, 1938, стр. 19.

¹⁷ А. Е. Кулаковский. Научные труды. Якутск, 1979, стр. 45.

В другом олонхо говорится, что «жар от раскаленного угля печи, проникший в непоколебимую преисподнюю до проторенного громадного прохода, оборотившись серовато-рябеньким быком, встал там, загораживая проход. Здесь главного из грязнолицых, господина закоптелых лицом, отца мутнолицых, грубых восьми колен-родов атамана, Арсан Туолая демонского быка, ... этот бык не пропускает. А вверх вздымающаяся горячая струя пламени свечи, донесшись до близкого к земле светлого неба и оборотившись темно-гнедым жеребцом, стоит, говорят... и не пропускает ржаво-рыжего жеребца Улуу Тойона»¹⁸.

Одна из особенностей олонхо (вероятно, еще шире — тюркского эпоса) заключается в том, что образ коня выступает в качестве своеобразного эталона и прообраза всего божественного и прекрасного: «поперечное сидище Белого господина бога подобно рубцам неба четырехтравого жеребца»¹⁹, «Сабыйа Баай Хотун, прославленная праматерь племен, как матерая, снежная кобылица, поступью горделивой идя, как равнинная кобылица, голову красиво держа...»²⁰, у красавицы «глаза что у черного жеребенка, в морозы родившегося»²¹, кудри героя «крученые, словно пуповина жеребенка»²².

При этом надо отметить, что уподобление почтенной матери-хотун, например, корове, или сравнение глаз красавицы с коровьими явно противоречило бы эстетическим нормам олонхо.

Таким образом, оппозиция *сылгы сүөһү*—*ынах сүөһү* 'кони — рогатый скот' проявляется на всех уровнях якутского эпоса.

Следует отметить, что по традиции олонхо бык не может быть изображен ездовым животным айыы-богатыря, именно конь является своего рода *alter ego* героя. Истоки данной традиции и ее семантики до сих пор не выяснены. Можно предположить, что традиция изображения абаасы-богатыря на быке в санной упряжке, а эпического героя — верхом на коне, восходит к семантической оппозиции Коня и Быка как чистого небесного и нечистого хтонического животных. В некоторых олонхо данная традиция нарушается — айыы-богатырь на быке (или в образе быка) спускается в преисподнюю: «К серебряной коновязи, находившейся напротив дома, привязана была прекрасная белая лошадь. На ней он ездил пасти свой скот. Позади дома стояли коновязи, похожие на танцующих девок Джэгэ Бааба. К ним привязал он трех огненно-рыжих быков. На этих быках ездил он по дорогам абаасы»²³.

Однако и в этих случаях сохраняется противопоставление Конь—Бык и связь последнего с Нижним миром.

¹⁸ «Верхоянский сборник», стр. 57.

¹⁹ И. А. Худяков. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969, стр. 230.

²⁰ П. А. Ойунский. Нюргун Боотур Стремительный. Якутск. 1975, стр. 291.

²¹ «Якутский фольклор», стр. 71.

²² С. А. Новгородов. Первые шаги якутской письменности. М., 1977, стр. 150.

²³ Н. В. Емельянов. Указ. раб., стр. 182.

ОНОМАСТИКА

А. А. КАМАЛОВ

СИСТЕМА ОБОЗНАЧЕНИЯ, АРЕАЛЫ И ТЕРМИНОЛОГИЯ ТОПОНИМИИ БАШКИРИИ

Наиболее разработанной и дифференцированной в башкирском языке в области географических названий является гидрографическая и орографическая терминология. Это вполне закономерно, ибо из 490 башкирских географических терминов более двух третей (67,5%) относятся к гидрографическим и орографическим. Это объясняется тем, что исторически главными хозяйственными занятиями башкир были скотоводство и охота. Преобладание физико-географических терминов в башкирском языке объясняется также особенностями географической среды, в которой обитали аборигены края.

Географическая терминология башкирского языка охватывает естественные и искусственные гидрографические и орографические объекты. К числу гидрографических объектов, обозначенных соответствующими терминами, относятся: море, река, озеро, пруд, исток, верховье, приток и устье реки, полынья, залив, водопад, омут, перекат, излучина, переправа, болото, топь и т. п. Орографическая терминология включает такие объекты, как горы, горный массив, возвышенность, холм, вершина, мыс, гребень, склон, подошва (горы), а также ущелье, теснина, вымоина, лог, овраг, долина.

Особенностью башкирской и, по-видимому, всей тюркской географической терминологии является то, что в ней наравне с родовыми и видовыми фиксируются и подвидовые объекты.

В современном башкирском языке для обозначения водных объектов, рек, их притоков и истоков, а также озер и болот используются 160 слов. При этом наибольшую дифференцированность получили родовые объекты, такие, как вода, река, озеро.

Вода в башкирском языке обозначается несколькими терминами. Но это не диалектные или функциональные варианты или формы одного понятия, а самостоятельные обозначения разновидностей объекта. Например, общее понятие воды передается терминами *dağja*, *päher*, *huu*. Кроме того, выделяются: дождевая (*gögön, öjär*), талая (*gar huuy*), стоячая (*küläüek, mal*), проточная (*ayup, ayup huu*), паводковая (*jäjek, jäjet, jäjpen*) вода и т. д.

В терминологической системе башкирского языка различаются реки большие (*idel, übän, huu*) и малые (*ineš, jyl'a, saj*), горные (*jyl'a*) и степные (*saj*), с постоянным течением (*jyl'a*) и засыхающие (*qoğabaq, qoğat, qoğon, qura*), питающиеся выходами грунтовых вод (*qarahuu*) и вытекающие из озера (*quly*) и др.

Также дифференцированно обозначаются в башкирском языке и озера. В некоторых говорах озеро больших размеров обозначается отдельным термином. Например, айские и зауральские башкиры большое

озеро называют küл, маленькое — külmäk. Хотя слова küл и külmäk являются однокоренными, однако в современном языке они функционируют в качестве отдельных лексических единиц.

Анализ орографических терминов показывает, что большей дробности подвергаются родовые объекты. Например, понятие горы передается термином tau. Скалистые горы с обнажениями на вершине и у подножия именуются словом taš. А горы с мягкими округленными очертаниями, покрытые травой и кустарником, называются saуl. Горные массивы обозначаются термином quғаа.

Возвышенность (qalquуlyq) и холм (tübä) относятся к родовым объектам в орографической системе башкирского языка. Среди них выделяются по форме одинокие конические возвышенности (uba), вытянутые возвышенности со сглаженным верхом (tünğäl), холмик (tün), острый холм, небольшая возвышенность (tündäk).

В составе объектов с отрицательными параметрами формы родовыми являются долина и овраг.

В физико-географическом отношении в развитии оврагов отмечается несколько этапов: в начальный период это вымоина, рытвина; в дальнейшем — лог, ложбина, лощина, балка. Конечную ступень этой цепи составляет долина. В башкирском языке для обозначения разных форм оврага, то есть вымоин, рытвин употребляются слова јуба, јубуп, југа, југаа, југуапа, југуп, һуба (suda). Лог, ложбина, лощина, овраг, балка обозначаются терминами qul, soqog, suqға, übäk. Для обозначения долины утвердился только один термин — übän.

Изучение денотативной структуры башкирских географических терминов позволяет выявить дифференциальные признаки, которые легли в основу возникновения апеллятива. В качестве денотата башкирских физико-географических апеллятивов служат указания на размер, местоположение, наличие или отсутствие растительности, на форму, происхождение и различные физические особенности объекта. Например, выделяются реки большие и малые (дифференциальный признак — размер), реки степные и горные (за основу здесь принимается местоположение объекта). Различаются реки засыхающие, питающиеся грунтовыми водами и реки каменистые (выделение основано на физических признаках).

Известно, что общие, родовые географические объекты характеризуются разнообразными чертами. Однако, как это ни парадоксально, родовые объекты обозначаются меньшим количеством терминов. Так, например, для родовых объектов — вода, река, озеро, гора имеются термины: вода — darja и һу; река — idel, јуlға, qura, һу; озеро — küл, külmäk, sügermäk; гора — tau, saуl.

К видовым объектам относятся: речка, источник, а также части гор и т. п.; они в языке представлены значительно большим количеством терминов. Например: ineš, јуlға, qorou, quу — названия малых речек. Источник обозначается терминами baš, bašlau, bašlanуys, bolaq, ineš, köb, küdbäü, qagan, qodoq, qojo, qotoq, šišmä. Части горы (в частности, её гребень) характеризуются терминами quғ, quға, quғаd, quғla, quғlas, һуrt.

Изучение семантики отдельных слов, употребляющихся в качестве терминов, показывает, что они в процессе формирования, в зависимости от условий географической среды, характера обозначаемого объекта, а также этнического состава носителей языка, могут приобретать различные значения. Исследование характера и особенностей значений терминов указывает на наличие определенных принципов и закономерностей в их формировании.

Одним из основных путей образования географических наименований в башкирском языке является отражение в термине какого-либо признака объекта. Таким путем образованы термины: аҗуру, ақта, аулақ, batqyl, bejek, bolıyanaq и многие другие.

Признаком географических объектов часто является их конфигурация, довольно активно используемая в терминологии. Одни термины непосредственно указывают на форму объекта — suqu, susaq, другие передают форму объекта путем уподобления его другим предметам. Довольно часто объектом, используемым для аналогии, служат части тела человека и животных, а также птиц. Ср.: arqa 'спина', аууҙ 'рот', barmaq 'палец', baş 'голова', bil 'спина', bit 'лицо', boyaд 'горло', bot 'нога', küd 'глаз', qabaq 'веко', qaş 'бровь', qul 'рука', qolaq 'ухо', qultuq 'подмышки', moqon 'нос', möjöd 'рога', sat 'пах', tamaq 'горло', tomşoq 'клюв, морда', tüş 'грудь', terhäk 'локоть' и др.

В отдельных случаях для сравнения могут быть использованы и названия частей одежды, такие, например, как balaq 'штанина' и itäk 'подол' и др.

В качестве терминов употребляются также названия посуды, утвари и других предметов хозяйственного обихода. Например: qauça 'ведро', qura 'бокал, чашка', диал. аҗақ 'миска', диал. soqoq 'чашка', qadaп 'котел', döngäl 'кувшин', hike 'нары', händrä 'полати', ejär 'седло', qaltaj 'сумка', qarsuq 'мешок' и др.

Иногда названия растений и их частей используются для обозначения самих географических объектов. Например, слово күтер обозначает и трясину, и ее растительность. Термином quğu называют как сам объект, так и растительность, характерную для него. Так, например, quлу и 'протока, соединяющая озеро с речкой или два озера', и 'растительность, произрастающая вокруг этого объекта и в реке'. Слово saj, например, обозначает и «водоросль» и «речку».

Разветвленность начала верховьев рек обозначается термином botaq 'ветвь, сук'. Этот термин примечателен тем, что он позволяет объяснить и другие названия, возникшие аналогичным путем, в частности, термин и гидроним Bögö. Мы полагаем, что слово bögö букв. 'почка' в более ранний период развития башкирского языка употреблялось наряду с терминами bot, botaq, аҗуру, sat для обозначения притоков реки и указывало на разветвленность ее верховьев. Одним из аргументов в пользу этого предположения служит наличие гидронима со словом bögö (ср.: Bögö — правый приток реки Белой) и употребление слова bögö 'почка' в значении «ветвь» в языке западносибирских татар¹, ибо слова, выражающие значение «ветвь, сук» могут выполнять функцию номенклатурного термина.

В исследованиях, посвященных названиям растений в тюркских, шире — алтайских языках, отмечается устойчивость заложенных в них семантических моделей. Эти семантические модели отражают внешние различительные признаки растений и их частей². Семантические модели географических терминов, наряду с этим, включают еще указание на местоположение объектов, на характер их возникновения и многие другие характерные особенности.

По нашему мнению, такие термины, как agal 'остров', uba в значениях «кочевье» и «холм», аҗтақ в значениях «род» и «район обитания

¹ Д. Г. Тумашева. Көнбатыш Себер татарлары теле. Казан, 1961.

² Л. В. Дмитриева. Из этимологий названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. — В кн.: «Исследования в области этимологии алтайских языков», Л., 1979.

рода», возникли по модели «место—объект». А термины *juga*, *jugaqa*, *jugaŋaqa*, *jugup* указывают на существование семантического перехода типа «действие—результат»; термины *kiseŋ*, *kismälek syŋuŋ* 'брод, место перехода вброд', *ütkaŋ* 'проход в горах'—на модель типа «действие—место».

Некоторые термины возникли как результат семантического развития значения слова по типу «материал — изделие из него». Таковыми, по нашему мнению, являются термины *sitän* и *sybuq*. Ср.: якут. *siden* 'лес, кустарник, густой мелкий сосняк; забор, изгородь' и башк. *sitän* 'плетень'; зап. сиб.-тат. *ŋybaq* 'кустарник' и башк. *sybuq* 'прут' и др. Правда, эти термины в башкирском языке не функционируют в качестве географических, а указывают на наличие такого семантического переосмысления в тюркских языках.

Семантическая модель «часть и целое» хорошо прослеживается в значениях терминов *igtaŋ*, *aŋas*. Термин *igtaŋ*, хорошо известный нам в значении «лес», в западносибирско-татарском языке употребляется в значении «ель». А термин *aŋas* на северо-западе Башкирии употребляется в значениях «береза» и «дерево», ср. с башк. лит. *aŋas* 'дерево'.

Следующие термины указывают на существование семантического перехода «верх—низ». Ср.: башк. *baŋ* 'яма' — *baŋu* 'вершина', балк. *saut* 'чашка' и 'гора', башк. *türä* 'холм, вершина, макушка' — тур. *kora* 'бокал, чашка', башк. *düngäl* 'возвышенность' — тув. *döŋgöl* 'кувшин, бидон', азерб. *domba* 'холм' — зап. сиб.-тат. *tömrä* 'лодка-долбленка', башк. *ıba* 'впадина, маленькое углубление на холме' — *ıba* 'холм, курган', башк. *ıg* 'ров' — *ıg* 'возвышение, подъем' и др.

Некоторые термины, кроме функции названия географического объекта, могут выполнять и другие, в частности, употребляться для обозначения сторон света. Например, слово *syrt* в караимском и ногайском языках означает «обратная сторона, наружная сторона» и семье «север». Широко известный тюркским языкам термин *aŋqa* 'спина' в якутском языке употребляется для обозначения запада. В башкирском языке слово *tura* 'прямо, прямой', в тувинском и якутском языках выражает значение «поперек». Ср.: тув. *dooga*, як. *tuoga* 'поперек'. Можно сравнить термин *alıu* 'перед, передний' башкирского языка со словом *aldu* 'нижний' тувинского языка (по соответствию *d—y*).

Углубленные семасиологические исследования лексики башкирского языка, равно как и любого другого языка, способствуют выявлению новых связей слов, которые могут быть использованы в этимологических разысканиях.

Попытаемся проиллюстрировать данное положение на примере слов, связанных с понятием «голый, нагой, обнаженный и т. д.». Вне всякого сомнения, значения «голый», «нагой», «раздетый», «обнаженный», «непокрытый», «открытый» связаны между собой. Они связаны также и со значением «чистый, без примеси». Последние два значения имеют отношение к понятию «ровный, гладкий». Все эти слова отражают один из признаков объекта. Значение «открытый» способствовало появлению понятия «открытое место»; значения «безводный, безлесный» — образованию «прогалина», «поле», «поляна», «степь», значение «ровный» — возникновению «равнина». Эти значения в башкирском языке передаются словами *jalanaŋaqa*, *jalanbaŋ*, *jalanaŋas*, *ŋyrgananaŋas*, *taŋa*, *dala* (диал. *tala*), *asyq*, *tigeŋ*, *qaq*, *taqut*. Таким образом, можно констатировать, что указанные слова в семантическом плане имеют непосредственное отношение друг к другу. Можно также проследить и фонетическую взаимосвязь между этими словами. Так, например, слово *taŋa* может быть связано с *tala* (литературная форма *dala*) по фонетическому соот-

ветс
қақ
скаямой
фун
ет б
упот
фич
дали
sibäсло
кир
«ли
сло
име
«зе
в ч
голсвя
ля,
юц
ли
суисп
то
«З
ти
ты
яз
зв
с
ти
ли
та
м
jä
qu
al
al
и
с
н

з

м

н

.

t

-

з

ветствию $l \rightarrow \delta$, слово *taquɣ* — с *tigeɖ* по соответствию $r \rightarrow \delta$, слово *qaq* — с *taquɣ* по соответствию $t \rightarrow q$ и т. д. Таким образом, семантическая связь дополняется фонетическими соответствиями.

Слово *šägä* имеет отношение к слову *siɣäm*, ибо корневой морфемой здесь является *šag-*, *siɣ-*. Последняя в некоторых тюркских языках функционирует как термин. Например, якутское слово *siɣ* соответствует башкирскому *jeg* 'земля'. Чувашское *veg*, хакасское *šig*, тувинское *šeg* употребляются почти в том же значении, что и башкирское *jeg* (орфографически — *eg*). Корневая морфема *siɣ* входит в слово *siɣäm*, которое в дальнейшем, видимо, трансформировалось в слова с вариантами *siläm*, *šidäm* (по соответствию $\delta \rightarrow i$ и $r \rightarrow l$).

В монгольском языке понятие «земля, пыль, почва» обозначается словом *šogoɣ*, которое по своему фонетическому облику близко к башкирскому *suɣaj* 'лицо'. Кстати, в монгольском для выражения понятия «лицо» имеется слово *saɣaj*. Таким образом, можно констатировать, что слова, означающие понятие «голый, обнаженный» и т. п. (прежде всего имеется в виду слово *šägä*), связаны со словами, имеющими значение «земля» в других тюркских (например, со словом *siɣ* в якутском, *veg* — в чувашском, *šig* — в хакасском, *šeg* — в тувинском), а также и в монгольских (монг. *šogoɣ*) языках.

Анализ значений слова способствует выявлению его последующих связей. Например, через значение «лицо» (ср. монгольское *šogoɣ* 'земля, пыль, почва' и башкирское *suɣaj* 'лицо, облик'), учитывая все имеющиеся в употреблении слова для передачи понятия «лик, лицо, облик» (например, *jöd*, *höɣöm*, *suɣaj*), можно предположить и возможность существования связи между словами *jöd* и *jeg*, *höɣöm* и *suɣaj*.

Изучение семантики апеллятива, положенного в основу топонима, способствует глубокому раскрытию его значения. В. А. Никонов некоторые группы микротопонимов называет «зародышами названий»³. «Зародышами» башкирских географических названий служат апеллятивы, ибо в их возникновении главную роль играют почти те же моменты, которые способствуют возникновению топонима. Топонимы любого языка и региона по своему лексическому составу подразделяются на названия, отражающие какой-либо признак самого или соседствующего с ним объекта. Часто название возникает в связи с общественно-политическими или историческими событиями. Подобная особенность топонима обнаруживается и в самом апеллятиве. Например, признак объекта отражен в терминах *aɣuɣ* 'развилистая, развилка', *aɣlan* 'открытое место', *beɣek* 'высокий, высота', *iŋkeɣ* 'низменное место, низменность', *jäɣek* 'место разлива реки', *käkeɣe* 'кривая, извилистая, извилка', *quvuɣ* 'тесная, теснина', *susaɣ* 'островерхая, пик'. Значения некоторых апеллятивов могут быть установлены только после лингвистического анализа. Например, термины *kälpäk* и *tälpäk* (по соответствию $t \rightarrow k$) имеют значение «раскидистый, низкий». В терминах *äse*, *äseɣ* 'кислый, соленый, солоноватый, солончак' нашли отражение вкусовые особенности воды и земли.

Основу многих терминов составляет глагольная морфема, что связано с деятельностью сил природы и человека. Это обнаруживается при морфологическом расчленении слова. Ср.: термин *aɣta* 'протока' состоит из корневой морфемы *aɣ-* 'течь, литься' и аффикса *-ta*. *Büläk* 'лес' < *bül-* 'делить' + афф. *-äk*; *besän* 'покос, сенокосное угодье' < *bes-* 'кроить, резать' + афф. *än*.

³ В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965, стр. 19.

В основу отдельных апеллятивов положены слова, указывающие на удаленность объекта от мест обитания человека. Ср.: *töbäk* 'урочище, расположенное вдали от населенного пункта' < *töb* // *tör* 'дно, корень, основание' + афф. *-äk*; *törköl* 'урочище, расположенное вдали от населенного пункта' < *tör* 'дно, корень, основание' + афф. *-köl* и т. д.

Некоторые апеллятивы, правда, не физико-географические, могут выражать количественные показатели объекта. К ним относятся термин *kübä* 'копна', образованный от *kür* 'много'. Ср.: *kür-* 'вспухать, возвышаться'. Такое же значение имеет орографический термин *tübä*, который по соответствию *t—k* может быть общего происхождения с *kübä*. Для сравнения можно привести башкирский апеллятив *daṇa* 'штука'. Он заимствован из иранских языков, где слово *daṇ* имеет значение «зерно, семя». Здесь также налицо связь понятий «количество» и «объект».

Изучение башкирских физико-географических терминов в ареальном плане показывает, что одни термины имеют широкий ареал, другие — локальное употребление. Количество терминов, имеющих широкий ареал, незначительно. Это апеллятивы *buua*, *kiseü*, *jylʒa*, *kül*, *soqog*. Названия с указанными апеллятивами охватывают всю территорию Башкирской АССР. Они отмечены также за пределами Башкирии, в зонах как бывшего, так и нынешнего проживания башкироязычного населения. Различие между апеллятивами этой группы состоит лишь в плотности распространения. Одна часть из них имеет сравнительно равномерное распространение, другая часть характеризуется уплотнениями. В частности, неравномерно распределены по Башкирии названия с термином *soqog* 'овраг, яма'. Наибольшая густота их наблюдается на северо-западе республики и в бассейне реки Дема.

К числу терминов, имеющих обширный ареал, нужно отнести и такие, которые, будучи представленными на большой территории, могут отсутствовать в какой-либо ее зоне. Например, топонимы с терминами *ajug*, *qojo*, *qaḡan* отмечаются почти во всех зонах республики, а в некоторых случаях выходят далеко за ее пределы (см. карту № 1). Однако эти термины отсутствуют в топонимии северных районов. Аналогично положение и с терминами *aḡa* 'хребет', *avt* 'подножие', *tübä* 'холм', *hugt* 'хребет, возвышенность' (см. карту № 2). Активно участвуя в создании географических названий почти всей Башкирии, они не встречаются в топонимии ее юго-западной зоны. Названия с термином *küläñek* 'лужа' характерны для территории, охватывающей северную, северо-западную, центральную, южную, юго-западную, юго-восточную и восточную зоны. Не отмечаются они только в северо-восточной зоне, где наибольшее распространение получили названия с апеллятивом *külmäk* (см. карту № 3).

Ареалы некоторых терминов могут совпадать. Например, термины *aḡal* 'остров', *qolaq* 'затон, заливчик', *quvuq* 'теснина', *mämerjä* 'пещера' распространены почти повсеместно на территории Башкирской АССР, за исключением ее севера и северо-запада. Граница, проведенная между зонами употребления и зоной отсутствия этих терминов, проходит косой линией от западных районов до крайнего севера (см. карту № 4).

Своеобразную конфигурацию имеет ареал термина *atau* 'остров'. Термин *atau*, свидетельствующий о связях башкирского языка с огузскими и некоторыми кыпчакскими языками, занимает северо-западные, центральные, северо-восточные и юго-восточные зоны. Не отмечен он на севере, востоке и юго-западе Башкирии.

Преобладающее большинство башкирских народных географических терминов имеет локальное распространение. Это термины *auḡb*

‘опушка, вход’, *balaq* ‘приток’, *batqyl* ‘топь’, *bolaq* ‘ключ’, *boromta* ‘извилина’, *botaq* ‘приток’, *bögöl* ‘извилина’, *biŋ* ‘долина’ и т. д. Ареалы таких локально распространенных терминов своими очертаниями напоминают острова, и поэтому в лингвистической литературе они именуются «ареалами островного типа»⁴. Островные ареалы располагаются как в центральных, так и в маргинальных зонах. Учитывая, что территория обитания носителей демского, среднего и ик-юшатырского говоров, занимая срединное положение, находится в окружении других окраинных (маргинальных) зон, этот регион рассматривается как одна зона под названием «центральной». Другие зоны, находящиеся относительно нее в оппозиции, считаются маргинальными. Несмотря на некоторую условность такого деления, оно оправдано тем, что центральная зона в прошлом (и не только в прошлом) была ареной интенсивных многосторонних контактов. Это видно хотя бы из того, что ареалы многих терминов проходят через центральную зону. Количество собственно центральных (то есть относящихся только к центральной зоне) терминов невелико. К числу их, например, относятся термины *batqyl*, *kismälek*, *qadaŋ*, *qoŋoŋ*, *öŋ*, *sügermäk* (см. карту № 3), *syuŋuš*, *tomsoq*. Что же касается терминов, ареалы которых только связаны с центром, то их в несколько раз больше (в скобках указаны районы распространения) (см. также карту № 5): *aqma* (Центр и Юго-восток), *juga* (Центр и Юг), *jurganaq*, *tübäläv* (Центр и Северо-восток), *küter* (Центр и Северо-восток), *qılauuq* (Центр и Северо-восток), *qultuq* (Центр и Юг), *poğa* (Центр и Восток), *biläp* (Центр, Северо-восток и Юго-восток), *biŋ*, *kün* (Центр, Юг и Юго-восток) и т. д.

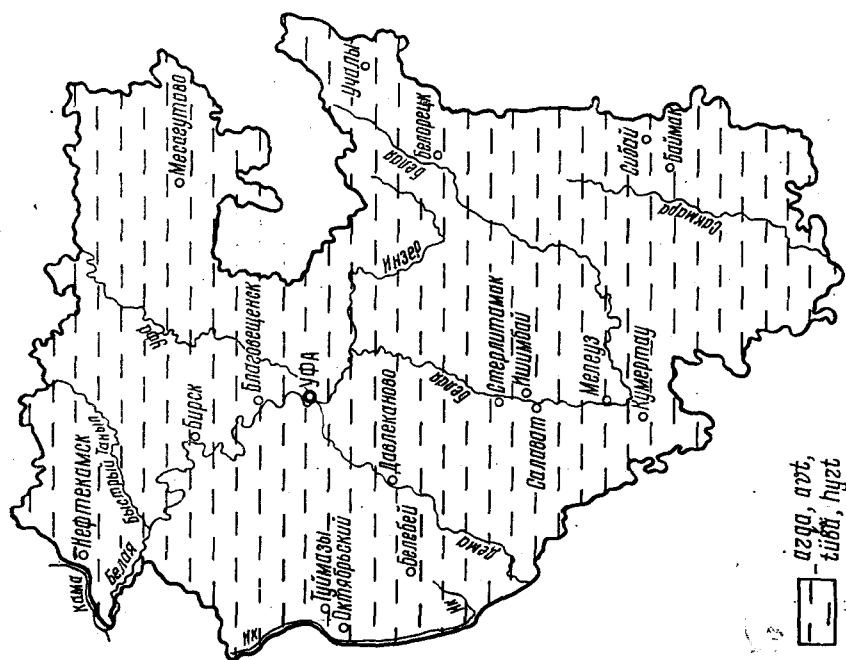
Интенсивность этнолингвистических контактов, в свою очередь, привела к увеличению количества терминов, функционирующих в центральном ареале. Подсчет показывает, что указанная зона характеризуется использованием наибольшего количества географических терминов. На втором месте — южная зона. Это вполне закономерно, ибо центральная и южная зоны являются частью того региона, где некогда происходила консолидация башкир как народности.

Интересные результаты дает изучение географической терминологии ареалов островного типа. Дело в том, что локально распространенные термины могут указывать на территорию обитания их носителей. Такими терминами являются апеллятивы: на Деме — *batqyl*, *kismälek*, *qadaŋ*, *qoŋoŋ*, *sügermäk*, *syuŋuš*, *tomsoq*; на Севере — *botaq*, *irem*, *iŋkeulek*, *qaš*; на Востоке — *qauŋa*; на Юго-востоке — *art*, *boromta*, *juda*, *suqu*, *tünel*; на Юго-западе — *qıra*; на Северо-востоке — *qüngäl*, *jeges*, *qaštaq*, *händrä*.

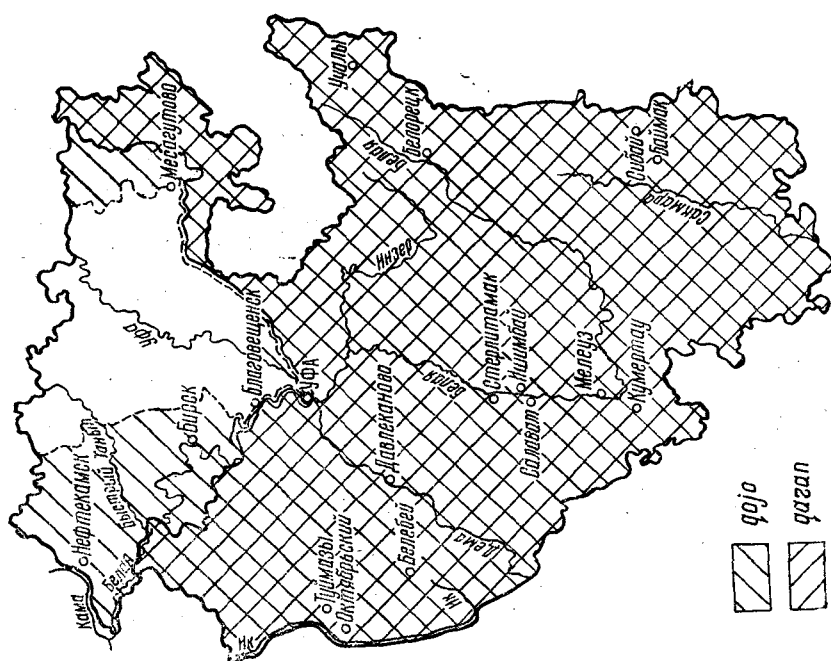
Исследование в сравнительном плане данных топонимии и этнографии, а также изучение апеллятивов, имеющих широкий ареал, позволяет установить носителей того или иного термина. В частности, удалось установить, что термины с компонентом *ajug*, как правило, обнаруживаются только там, где некогда обитали представители кыпчакского племени. Этот факт указывает на кыпчакское происхождение топонимов с апеллятивом *ajug* и его вариантами⁵.

⁴ Г. Ф. Благова. О несходствах типологически подобных ареалов (*иш* — как показатель множественности в среднеазиатских тюркских говорах). — В кн.: «Ареальные исследования в языкознании и этнографии», М., 1977, стр. 83—91.

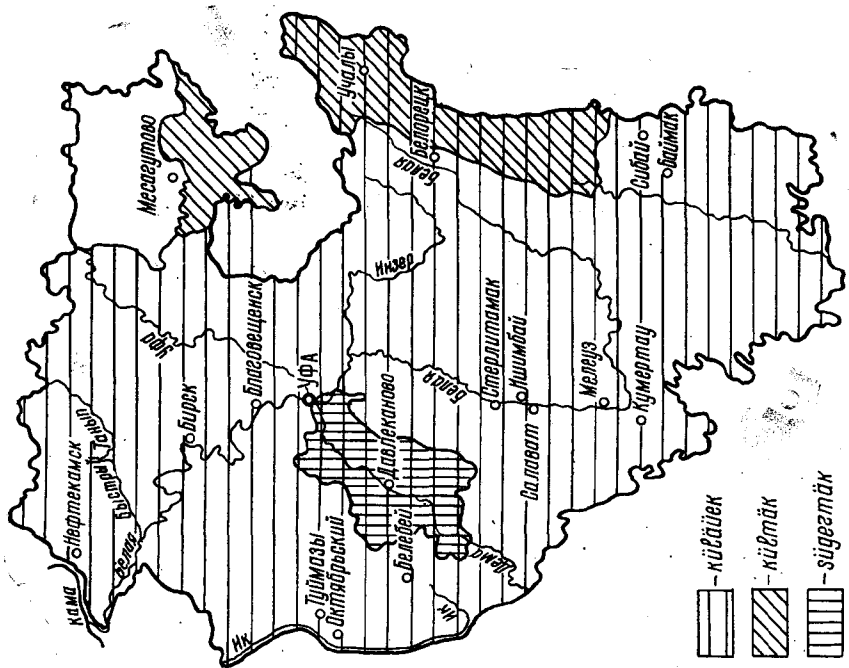
⁵ А. А. Камалов. Кыпчакские элементы в топонимии Башкирии. — В кн.: «Всесоюзная тюркологическая конференция. Тезисы докладов и сообщений», Алма-Ата, 1976, стр. 264—265.



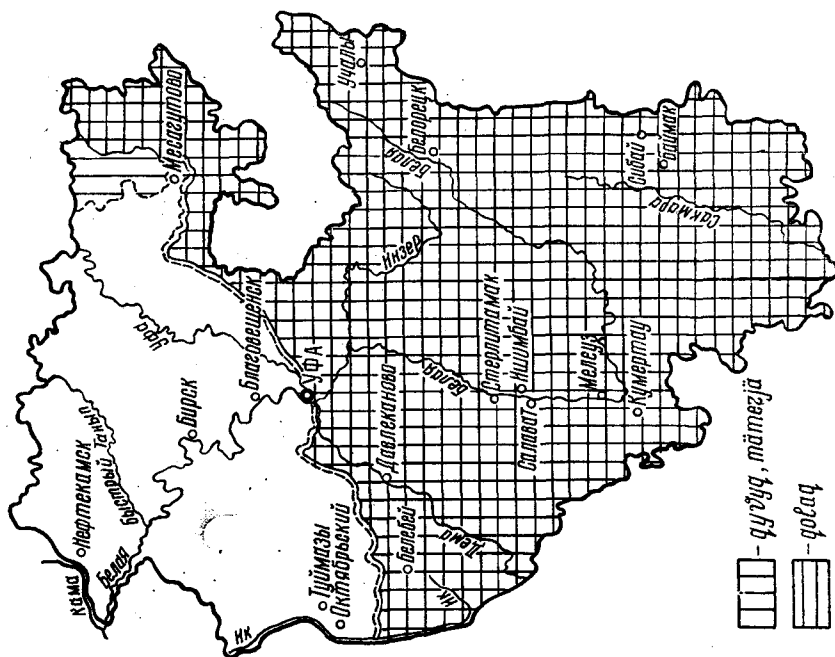
Карта 2. Ареал топонимов с терминами *azqa*, *avt*, *tübä*, *hugt*.



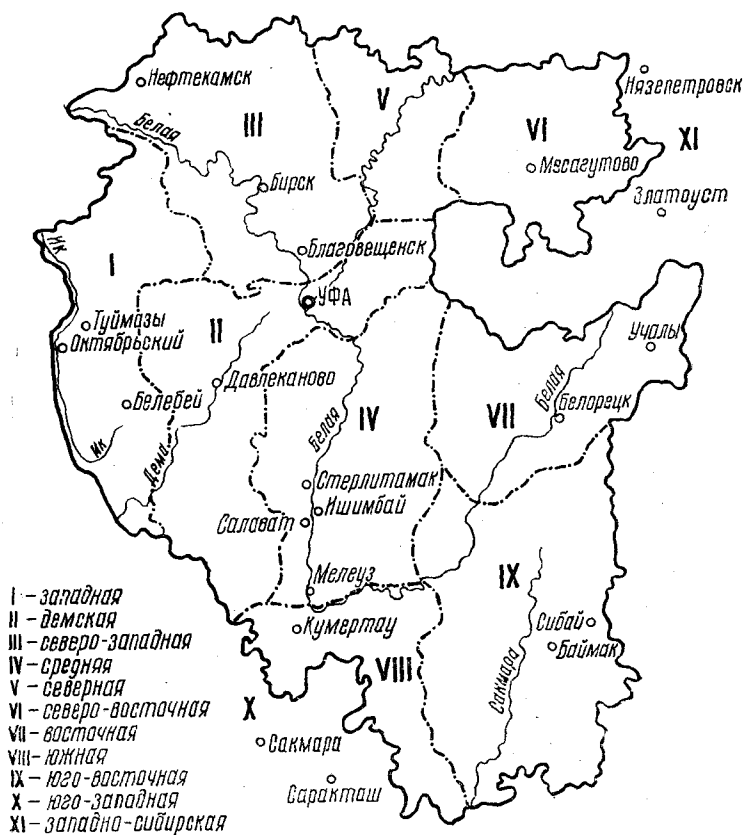
Карта 1. Ареал топонимов с терминами *qoja*, *qazan*.



Карта 3. Ареал топонимов с терминами күләiek, күlmäk, sügermäk.



Карта 4. Ареал топонимов с терминами quуuq, mämezä, qol'aq.



Карта 5. Топонимические зоны Башкирии.

Таким образом, изучение семантики и ареалов апеллятивов, участвующих в создании топонимии башкирского языка, способствует установлению системы обозначения объектов, уточнению этимологии слов, а также выявлению особенностей их функционирования.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Б. ЧАРЫЯРОВ, С. КУРЕНОВ

А. П. ПОЦЕЛУЕВСКИЙ И ВОПРОСЫ ТУРКМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

(К ДЕВЯНОСТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Научная общественность Туркменской ССР широко отметила девяностолетие со дня рождения видного тюрколога Александра Петровича Поцелуевского. На юбилейной сессии, проведенной Институтом языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР совместно с гуманитарными вузами республики, были сделаны доклады и сообщения о жизни и научной деятельности ученого.

А. П. Поцелуевский внес большой вклад в развитие языкознания в Советском Туркменистане. С его именем связана разработка почти всех проблем туркменского языкознания. Его многочисленные труды, созданные на основе материалов туркменского языка, получили широкое признание научной общественности.

Получив лингвистическое образование в Лазаревском институте восточных языков, А. П. Поцелуевский в 1923 году приехал в Ашхабад и сразу же активно включился в начинавшееся в то время в молодой республике культурно-языковое строительство. В работе лингвистического кабинета, созданного тогда при Туркменкульте, особенно ярко проявился филологический талант А. П. Поцелуевского. Именно здесь молодой ученый начал свои исследования по изучению звукового состава туркменского языка на основе как субъективно-слухового анализа, так и объективно-инструментального метода.

Первой экспериментально-фонетической работой А. П. Поцелуевского стала его известная статья «Опыт изучения артикуляции звуков туркменской речи методом палатограмм»¹, материал которой был



¹ А. П. Поцелуевский. Опыт изучения артикуляции звуков туркменской речи методом палатограмм. — «Известия Туркменского филиала АН ССР», 1945, № 3—4.

собиран автором еще в 1930 году путем палатографирования с целью выявления физиолого-артикуляционных особенностей разговорной туркменской речи. А. П. Поцелуевский впервые в истории изучения звукового строя туркменского языка раскрыл экспериментальным путем объективную картину артикуляционных особенностей как гласных *i, i:, u:, e*, так и согласных фонем — *n, ŋ, t, k, g', l* в соответствующих фонетических позициях. При этом он отметил, что «...долгие звуки *i:* и *u:* представляют собой нисходящие дифтонги, узкая часть которых в артикуляционном отношении близка к *j*»².

Конечно, по сравнению с современными экспериментально-фонетическими исследованиями и их методикой, палатографирование, будучи одним из соматических методов, имеет известные недостатки. Тем не менее труд А. П. Поцелуевского по палатографированию туркменских звуков был для своего времени важным исследованием.

А. П. Поцелуевский строил планы создания фонетической лаборатории, где можно было бы вести электро-акустический анализ гласных и согласных туркменского языка. Он доказывал необходимость изучения вопросов фонетики и интонации туркменского языка инструментальным путем. Однако это желание ученого осуществилось только в наши дни. В начале 60-х годов при Институте языка и литературы им. Махтумкули АН ТССР, где в свое время работал А. П. Поцелуевский, была организована первая в республике лаборатория экспериментальной фонетики, оснащенная современной аппаратурой. Здесь ведется работа по изучению фонемной и фонетической системы, интонемного и интонационного строя туркменского языка, проводимая экспериментально-фонетическим путем. На основе полученных осциллограмм, интонограмм и спектрограмм уже опубликован ряд монографий и статей³.

Значительным вкладом в отечественную тюркологию явились труды А. П. Поцелуевского «Фонетика туркменского языка» и «Диалекты туркменского языка»⁴. Они вошли в изданные в 1975 году в Ашхабаде «Избранные труды» ученого, включившие все значительные его работы.

В основу работы А. П. Поцелуевского «Фонетический строй туркменского языка» (первоначальное название «Фонетика туркменского языка») был положен богатый фактический материал, собранный во время экспедиции в районы республики сотрудниками Туркменкульта в конце 20-х—начале 30-х годов. А. П. Поцелуевский принимал непосредственное участие в этих экспедициях, руководил отдельными группами.

В своей работе «Фонетический строй туркменского языка» А. П. Поцелуевский впервые полностью раскрыл и систематизировал фонемный состав гласных и согласных туркменского языка. Автор отметил три степени долготы туркменских гласных: 1. Гласные обыкновенной долготы или краткие типа *ber* 'отдай', *ja:za:g* 'он будет писать'. 2. Гласные долгие типа *sa:gu* 'желтый'. 3. Гласные сверхкраткие, беглые или иррациональные типа *bi:g* 'один'.

А. П. Поцелуевский особо выделил гласный *e* в слове *der* 'пот' как полудолгий. Ученый первым обнаружил две степени долготы согласных: согласные обыкновенной долготы (краткие) и долгие. А. П. Поцелуев-

² А. П. Поцелуевский. Избранные труды. Ашхабад, 1975, стр. 64.

³ С. Куренов. Библиография по исследованию звукового строя и интонации туркменского языка экспериментально-фонетическим путем. — «Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук», Ашхабад, 1978, № 3.

⁴ А. П. Поцелуевский. Фонетика туркменского языка. Ашхабад, 1936; его же. Диалекты туркменского языка. Ашхабад, 1936.

ский также первым обратил внимание на то, что регрессивный тип ассимиляции в туркменском языке встречается значительно реже, чем прогрессивный. Весьма примечательно, что озвончение глухих согласных в любой фонетической позиции, как, например, *tu:d ayažu* вместо *tut ayažu* 'тутовое дерево', *kitavu* вместо *kitabı* 'его книги', *şögöü* вместо *şögögi* 'его хлеб' и другие, А. П. Поцелуевский относит к ассимиляции согласных с гласными. Аналогичное явление отмечается им и по отношению к гласным. Явление сингармонизма, по А. П. Поцелуевскому «...представляет собой не что иное, как последовательно проводимую на протяжении всего слова прогрессивную ассимиляцию (палатальную и губную)»⁵. Например, *şayalagun* 'детей', *g'özümüz* 'наши глаза' и др.

В процессе теоретического и практического изучения звукового строя и интонации туркменского языка А. П. Поцелуевский особое внимание уделял правильному транскрибированию языкового материала. В основе транскрипции А. П. Поцелуевского лежит Международный фонетический алфавит (вариант академика Л. В. Щербы).

Вопросы фонетики туркменского языка А. П. Поцелуевский исследовал и в научно-практическом плане. Показательна в этом отношении его известная работа «Диалекты туркменского языка» (1936).

Филологические материалы, собранные этнолого-лингвистическими экспедициями в 1927—1932 годах, были использованы А. П. Поцелуевским для составления проекта реформы орфографии туркменского литературного языка. Проект был рассмотрен компетентными органами ЦИК ТССР и рекомендован в качестве одного из основных докладов на Первом туркменском лингвистическом съезде (май, 1936). Доклад получил одобрение на съезде и вскоре автор выпустил его отдельным изданием⁶. Эта работа, имела важное практическое значение. Она положила начало разработке орфографических норм туркменского литературного языка. Правила орфографии, предложенные А. П. Поцелуевским, основывались на живой разговорной речи и поэтому выдержали испытание временем.

Многое сделал А. П. Поцелуевский и в области исследования туркменских диалектов и говоров. В течение шести лет (1927—1932) он собирал языковой материал по всем районам Туркменистана, который лег в основу его последующих диалектологических трудов.

По завершении последней диалектологической экспедиции (1932, в Байрам-Алийский район) А. П. Поцелуевский, руководивший тогда кафедрой туркменского языка и общего языкознания Туркменского педагогического института в Ашхабаде, ввел в этом вузе для изучения новую дисциплину — туркменскую диалектологию и составил по ней учебную программу.

На основании тщательного изучения собранных материалов по диалектам и говорам туркменского языка, А. П. Поцелуевский написал работу «Диалекты туркменского языка»⁷. Она содержит общие сведения по туркменскому языку, определяет его место в системе тюркских языков. В ней дано описание наиболее характерных фонетических, морфологических и лексических особенностей таких крупных туркменских диалектов, как теке, ёмут, гоклен, эрсари, салыр, сарык; менее значительных: нохурли, анаули, хасарли, нерезм и др. В этой работе дана научная классификация туркменских диалектов и говоров. Эта работа А. П. Поцелуевского не утратила своего значения по сегодняшний день.

⁵ А. П. Поцелуевский. Избранные труды, стр. 50—51.

⁶ А. П. Поцелуевский. Правила орфографии туркменского литературного языка. Ашхабад, 1937.

⁷ А. П. Поцелуевский. Диалекты туркменского языка. Ашхабад, 1936.

Руководствуясь положениями этого труда А. П. Поцелуевского, его ученики исследовали после него около двадцати туркменских диалектов⁸. Среди выявленных ими фонетических, морфологических и лексических особенностей диалектов и говоров для сравнительного изучения истории тюркских языков имеют важное значение следующие древнетюркские звуковые соответствия, например, в области гласных а~у: туркм. лит. aša:kda~диал. uša:kda 'внизу', туркм. лит. baгmak~диал. byгmak 'палец', туркм. лит. da:ju~диал. da:ja 'дядя', туркм. лит. çajkadу~диал. çujkadу 'он (она) взбалтывал(а)', туркм. лит. çukaг~диал. çakaг 'вытаскивай, выноси, выведи', туркм. лит. a:ylama~диал. uylama 'не плачь'; в области согласных z~r~d: туркм. лит. almaz~диал. almar 'он (она) не возьмет', туркм. лит. a:zaşur~диал. a:daşur 'заблудившись', туркм. лит. a:zažuk~диал. a:dažuk 'немножко', туркм. лит. hi:čza:t~диал. hi:šda:t 'ничего' и др. Интересно также отметить, что в парадигме некоторых глагольных форм одно и то же грамматическое понятие (значение) выражается двумя различными аффиксами одновременно. Так, например, у туркмен Ставрополя вместе с формой biz aladu:rys//aldu:rys параллельно употребляется и форма biz aladu:rsyk//aldu:rsyk (туркм. лит. biz alja:rys) 'мы берем', или же в некоторых говорах текинского диалекта вместе с формой sep al//alyp наличествует и форма sep al—yp-yp 'ты бери'.

О глубоком знании и тонком понимании языковых фактов туркменских диалектов и говоров свидетельствуют такие работы А. П. Поцелуевского, как «Некоторые рудиментарные падежные формы в туркменском языке» (1945), «Происхождение личных и указательных местоимений» (1947), «К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы» (1948). Гипотеза А. П. Поцелуевского об использовании личной формы для выражения категории настоящего времени представляется весьма обоснованной. В туркменском языке и его диалектах в настоящее время как общее, так и конкретное значение выражаются либо специальными личными формами, либо сочетаниями различных слов с разными глагольными формами, по выражению А. П. Поцелуевского, сложными глаголами (номинально-вербальными и сложно-вербальными). Отметим особо одно явление в туркменском литературном языке и его диалектах. Для выражения конкретного настоящего времени, акта действия в данный момент, то есть в момент речи (действия длящегося) употребляются сложные глаголы: сочетания слов с обязательным участием в качестве второго компонента таких вспомогательных глаголов, как *йатмак* 'лежать', *дурмак* 'стоять', *йөрмек* 'ходить', *отурмак* 'сидеть', сочетающихся обычно с соответствующими деепричастными формами, например, *пахар ijjip otu:r* 'он (она) ест' (именно в данный момент, в момент речи и продолжает есть); *alyp otu:r* 'берет', *jük'i düşürip du:r* 'разгружает', *daşarda ojna:p jö:r* 'играет на улице' и т. д. У туркмен Ставрополя: *barjatyr* 'идет (туда)', *g'eljetir* 'идет (сюда)' *alyppatyr* 'берет'. Все эти глаголы выражают конкретное действие, продолжающееся и в настоящее время.

Работы Поцелуевского, посвященные морфологическому строю туркменского и других тюркских языков, не ограничиваются вышеназванными. Многие научно-практические исследования ученого остались в рукописи. Среди не напечатанных работ: «Морфология туркменского языка»

⁸ Р. Бердыев, С. Куренов. Из истории изучения диалектов туркменского языка. — «Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук». Ашхабад, 1967, стр. 49—56.

(16 п. л.) и «Основы сравнительной грамматики русского и туркменского языков». По второй из этих работ написаны разделы «Введение», «Фонетика» и «Синтаксис». В целом работа осталась незавершенной.

Широкий комплекс вопросов синтаксического строя тюркских языков затрагивается в работе А. П. Поцелуевского «Основы синтаксиса туркменского литературного языка»⁹. В работе описаны словосочетания, простые и сложные предложения и их конструктивные особенности в туркменском языке. Подробно освещается одна из наиболее сложных проблем общетюркского синтаксиса — проблема сложноподчиненного предложения. Языковые материалы классической и современной туркменской литературы, фольклора и разговорной речи позволили А. П. Поцелуевскому подробно описать грамматические особенности сложных речевых высказываний, предложить ряд новых теоретических положений по тюркскому синтаксису. Именно он впервые ввел в туркменский синтаксис новый раздел — потенциальные предложения¹⁰. А. П. Поцелуевский справедливо считал, что проблема сложноподчиненного предложения в тюркских языках тесно связана с синтаксической ролью причастных, деепричастных и глагольных оборотов речи¹¹.

А. П. Поцелуевский в туркменском литературном языке выявляет три следующие разновидности сложноподчиненных предложений: аналитического типа, синтетического типа и комбинированного аналитико-синтетического типа. Как известно, к спорным вопросам общетюркского синтаксиса относится определение отношения завершающей части зависимого или подчиненного суждения к главному суждению данного интонационно и семантически цельного, но сложного высказывания. По мнению А. П. Поцелуевского, сказуемое подчиненной части сложного предложения может быть выражено не только личными формами глагола, но и причастными, деепричастными, а также другими вербальными оборотами, даже именными формами.

По А. П. Поцелуевскому, резкой грани между простым и сложноподчиненным предложениями не существует: сложноподчиненное предложение является как бы дальнейшим развитием и усложнением простого предложения. В определении природы подчиненного предложения мнение А. П. Поцелуевского совпадает с мнением Н. К. Дмитриева. Если зависимое суждение имеет свой субъект, выраженный формой именительного падежа, то оно является подчиненным (или зависимым) предложением. Если же субъект зависимого суждения выступает в косвенном падеже, то оно является потенциальным предложением, или, так сказать, предложением в потенции¹². Зависимые суждения, логический субъект которых грамматически не выявляется, А. П. Поцелуевский относит к простым предложениям. По А. П. Поцелуевскому, в сложных предложениях логический субъект потенциального, зависимого суждения может как совпадать, так и не совпадать с субъектом главного суждения.

Научная и педагогическая деятельность А. П. Поцелуевского была широка и многогранна. Талантливый ученый умело сочетал исследовательскую работу с научно-организационной. Он много сделал для создания кафедр и отделов языковедческого профиля при вузах и научно-исследовательских учреждениях республики, для подготовки национальных научных кадров.

⁹ А. П. Поцелуевский. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад, 1943.

¹⁰ См.: «Хэзирки заман туркмен дили. Синтаксис». Ашгабат, 1962, стр. 255—261.

¹¹ А. П. Поцелуевский. Избранные труды. Ашхабад, 1975, стр. 170.

¹² Там же, стр. 229.

В течение двадцати пяти лет А. П. Поцелуевский находился в центре всей лингвистической жизни Туркменистана. Он был преподавателем ряда восточных и европейских языков. Ему было присвоено ученое звание доцента (1931) и профессора (1933). Он заведовал кафедрой туркменского языка и общего языкознания Ашхабадского пединститута, до конца своих дней руководил языковедческой деятельностью Института истории, языка и литературы Туркменского филиала АН СССР.

Правительство Туркменской ССР высоко оценило заслуги А. П. Поцелуевского перед республикой. Ему первому из ученых, было присвоено звание заслуженного деятеля науки республики (1943).

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

А. А. БАГИРОВ

ПОРЯДОК СЛОВ И СЕМАНТИКА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

(НА МАТЕРИАЛЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА)

Порядок слов в предложении давно является предметом специального изучения азербайджанских языковедов. Уже в «Краткой стилистике», изданной еще в 1934 году¹, наряду с грамматическими особенностями порядка слов в предложении было рассмотрено и влияние этого порядка на стилистику и семантику текста. С. А. Джафаров, впервые специально обратившийся к изучению данной проблемы, рассматривал порядок слов во всех разновидностях простого предложения как грамматическую категорию, выполняющую и определенные стилистические функции². На этом вопросе кратко останавливалась и З. Будагова, основное внимание которой было сосредоточено на позиции главных членов в предложении³.

В учебнике по современному азербайджанскому языку, созданном авторским коллективом кафедры азербайджанского языкознания Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова, так же уделяется внимание проблеме порядка слов⁴. Особенности порядка слов в грамматическом и стилистическом аспектах на материале современного азербайджанского языка изучались и Р. Халиловым⁵. Однако данную проблему нельзя считать полностью исследованной.

Известно, что предложение в тюркских языках, в том числе и азербайджанском, характеризуется твердым порядком расположения его членов: подлежащее предшествует сказуемому, а определение — определяемому; например, *Мән индиңә ону јемәкханада көрдүм* (Г. Мусажев) 'Я только что видел (а) его (ее) в столовой'. Любое возможное изменение порядка слов в этом предложении приводит к изменению стилистического акцентирования, а следовательно, и к определенному изменению смысла высказывания. Ср., например: *Мән ону јемәкханада индиңә көрдүм*. Здесь *индиңә* (обстоятельство времени) переместилось в позицию перед сказуемым, и тем самым приняло на себя логическое ударение — в результате смысл предложения несколько изменился: «Я увидел его в столовой (именно) в данный момент».

¹ А. Тағызadə və Х. Г. Хоҗаев. *Мухтəсəр услубийјат*. Орта мəkтəб үсун. Бакы, 1934, стр. 22—26.

² См.: «Азәрбајҗан дилинин грамматикасы». II hissə (Синтаксис). Бакы, 1959, стр. 238—262.

³ З. Будагова. *Мүасир Азәрбајҗан әдәби дилиндә садә чүмлә*. Бакы, 1963, стр. 111—114.

⁴ Ә. Абдуллајев, Ј. Сејидов, А. Нəсəнов. *Мүасир Азәрбајҗан дили*. Синтаксис. IV hissə, 1972, стр. 225—238.

⁵ Р. Хəлилов. Сөз сырасы. — В кн.: «Азәрбајҗан бəдии дилинин услубийјаты» (Очеркләр), Бакы, 1970, стр. 284—301.

Расположение всех членов в азербайджанском предложении относительно произвольно. Исключение в этом отношении составляют лишь сказуемое и некоторые виды обстоятельств и определений. Но это закономерено только для предложений с обычной интонацией. В разговорной же речи или в диалогической речи персонажей художественных произведений употребляются различные виды предложений, характеризующиеся эмоционально-экспрессивной и стилистической выразительностью. Инверсия в таких предложениях усиливает их выразительные возможности, расширяет диапазон их семантического и стилистического использования.

Место подлежащего и сказуемого. Известно, что изменение места сказуемого в предложении влечет за собой также изменение места подлежащего и наоборот.

В азербайджанском языке в простых предложениях, произносимых с обычной (спокойной) интонацией, подлежащее предшествует сказуемому. Однако живая разговорная речь, язык художественной литературы характеризуются употреблением предложений и с иным порядком слов. Инверсия здесь служит средством усиления стилистической выразительности высказывания.

Рассмотрим позиции подлежащего и сказуемого в различных видах простого предложения.

1. В предложениях, содержащих лозунги, призывы и т. п., сказуемое перемещается в их начало, а подлежащее — в конец: *Јашасын бәшәријјәтин ишыгы кәләчәји олан коммунизм!* 'Да здравствует коммунизм — светлое будущее человечества!', *Јашасын Азәрбајҹан!* 'Да здравствует Азербайджан!', *Јашасын бүтүн дүняда суһ!* 'Да здравствует мир во всем мире!'

Аналогичную структуру имеют и некоторые предложения стабильной формы: *Данышыр Бақы* 'Говорит Баку'; *Чыхыш едир халг чалғы алағләри оркестри* 'Выступает оркестр народных инструментов' и т. д.

Перенос места сказуемых в предложениях этого типа приводит к стилистическому изменению последних и, как следствие, к изменению передаваемого ими смысла.

2. В азербайджанском языке функционируют предложения с вопросительным сказуемым *кимдир*, стоящим на первом месте и выражающим в этих случаях не собственно вопрос, а стилистически выраженные различные оттенки смысла. Например: *Ог тај. — Кимдир мүғәсир?* (Ч. Чаббарлы) 'Октай. — Кто виноват?'. Подобные предложения часто употребляются в художественных произведениях, в особенности драматических (в диалогах), а также в разговорной речи. Так, в быденной речи для выражения безразличия используются предложения типа: *Кимдир бунлары јығыб-јығышдыран?* 'Кто будет убирать все это?', *Кимдир бизи јада салан?* 'Кто вспомнит о нас?' и т. п. Здесь на первый план выдвигается стилистическая значимость выражаемой мысли, а грамматическая норма как бы уступает ей свои позиции. Сказуемое при этом ставится в начале предложения, а подлежащее — уже после него. Изменяется при этом, естественно, и интонация. Приведем еще пример: *Са ра. — Ах, чичәкләр, чичәкләр. Сизсиниз мәним хошбәхт кунләримин јадикары* (Ч. Чаббарлы). 'Са ра. — Ах, цветы, цветы. Это вы — память моих счастливых дней'. Перемещение сказуемого (*сизсиниз*) в начало предложения придало ему большую выразительность, к тому же благодаря инверсии сильнее акцентируется повторяющееся обращение *чичәкләр*.

Для усиления экспрессии используется следующая структура предложения: оно начинается со сказуемого, подлежащее отсутствует,

субъект находит выражение в обращении: Ва ги ф. — *Оф... партла, үрәјим. Күл н а р. — Ал, гардашым, ал, Елдар* (С. Вургун) 'Ва ги ф. — Уф... разорвись, мое сердце. Г ю л ь н а р. — Возьми, брат, мой, возьми, Эльдар'.

Препозиционное употребление сказуемых *парла* и *ал* служит здесь стилистическим средством выражения экспрессии. При этом мысль высказана абсолютно точно и предельно ясно, поэтому необходимость в подлежащем полностью отпала.

Порядок слов в поэтическом тексте имеет свои специфические законы. В соответствии с ними в предложении меняются позиции подлежащего и сказуемого. Однако это диктуется не только правилами и особенностями стихосложения, но и задачами эмоционально-экспрессивной выразительности, стилистического использования языковых средств. Ср.:

Апарды көнлүмү бир... гэмәрјүз... дилбәр (Нәсәноглу).
'Унесла мою душу... лунолика... красавица'.

*Кедир мәнзилінә көјләр кәлини,
Җыгышыр көчмәјә гаранлыг кечә.
Галхачаг дөјүшә һусейн индиңә,
Узадыр гәләмә бирдән әлини.*

(М. Раһим).

'Уходит в свою обитель невеста небес,
Собирается уходить темная ночь.
Вот-вот поднимется на битву Гусейн,
Вдруг (он) протягивает руку к перу'.

(Подстрочный перевод).

Здесь место сказуемого определяется законами стихосложения, но при этом важным оказывается и стилистический аспект.

В разговорной речи встречаются случаи, когда в предложении, начинающемся со сказуемого, подлежащее полностью отсутствует, однако, если его даже ввести, то оно должно стоять только после сказуемого, иначе стилистическая и эмоционально-экспрессивная выразительность предложения значительно снизится. Ср.: *Гајтарын хәстәни* (Б. Бајрамов) 'Верните больного' или *Миннәтдарам трамвайчыја* (Г. Мусажев) 'Я признателен вагоновожатому'.

Аналогично построение предложений типа *Разылашмырам мән сизинлә* 'Не согласен я с вами' в разговорном языке. Ср. также предложения типа *Гуртар мәни инсанларын хәчаләтиндән. Говун еләләрини өз араныздан, доктор* (Г. Хәлилов) 'Избавь меня от людского укора. Прогоняйте таких от себя, доктор'. В большинстве случаев сказуемое в таких предложениях выражается глаголами повелительного наклонения.

В предложениях: *Нә иди мәним кұнаһым?* (Б. Бајрамов) 'В чем была моя вина?', *Тапылар бу дүнјада бир гәдирбилән* (Б. Бајрамов) 'Найдется в этом мире благодарный человек' сказуемое, стоящее перед подлежащим, выделяется также интонационно, поэтому данные предложения выражают несколько иные, более экспрессивные стилистические оттенки речи, нежели при обычном порядке слов.

В предложениях, приводимых ниже, несмотря на отсутствие инверсии, и подлежащее, и сказуемое стоят в конце предложения. Причем на подлежащее падает логическое ударение; поэтому высказывание приобретает несколько иное значение, чем при обычном повествовании с нормальной интонацией: *Алт мәртәбәдә профессор јашајырды; Перрона гатар јан алыр* (Г. Мусажев) 'На нижнем этаже жил профессор; Поезд подходит к перрону'; *Орада ону Сәлим көзләјирди* 'Там его (ее) ждал

Салим'. Изменение места логического ударения в этих предложениях служит для выражения следующих стилистических оттенков значений: «В нижнем этаже проживал не кто иной, а именно профессор»; «К перрону подходит именно поезд»; «Там его ожидал не кто иной, а именно Салим».

Следует подчеркнуть, что при обычном повествовании подлежащее в нераспространенных полных предложениях предшествует сказуемому: *Салим көзләјирди, Гатар јан алыр, Муәллим кәди* 'Салим ждал', 'Поезд подходит', 'Учитель пришел' и т. д. В этих предложениях сообщаемое не имеет дополнительной стилистической и эмоциональной окраски. Здесь мысль просто констатируется.

Место дополнения. Дополнение, занимающее особое место в системе членов предложения, имеет свои стилистические особенности.

Говоря о роли дополнения в предложении, А. Г. Гасанов отмечает, что среди второстепенных членов предложения прямое дополнение занимает особое место⁶. Дополнение вместе с глаголом-сказуемым, с которым оно соединяется подчинительной связью (управлением), образует в предложении отдельную зону и занимает позицию, максимально близкую к сказуемому. Изменение его места приводит к появлению новых стилистических оттенков в предложении: *Гызлар шам јемәји сүфрасини јығышдырдылар. Әдил гызлара ишарә еләди* (Ә. Чәфәрзаде) 'Девушки убрали со стола, накрывавшегося для ужина. Адиль подал знак девушкам'.

Если в этих предложениях переставить дополнение на первое место, то подлежащее (*гызлар, Әдил*) окажется рядом со сказуемым, и смысл предложения изменится. Таким образом, можно констатировать, что позиция дополнения в предложении может изменяться (грамматический аспект), при этом меняется и смысл высказывания, вернее, его стилистический оттенок.

Можно выделить следующие условия, определяющие позицию дополнения:

1. Категория определенности-неопределенности играет первостепенную роль в выборе в предложении позиции дополнения и выражения при этом нужных стилистических нюансов значения. Так, неопределенное прямое дополнение всегда располагается непосредственно перед сказуемым. Это место его в предложении постоянно и неизменяемо. Определенное же прямое дополнение и косвенное дополнение располагаются в предложении достаточно свободно — в зависимости от выражаемого смысла и условий высказывания. Например: *Мән үрәкдән кәлмәјән бир сөз данышмырам* (М. Ибраһимов) 'Я не говорю ничего, что не шло бы от сердца'; *...Бир дәстә совет әскәри гар үзәриндә бардаш гурараг концерт динләјирди* (С. Дағлы) '...Группа советских бойцов, усевшись на снегу, слушала концерт'; *Дилшад орта мәктәб гуртармышды* (Әбүлһәсән) 'Дильшад окончила среднюю школу'. В этих предложениях место неопределенных прямых дополнений (*сөз, концерт, орта мәктәб*) не может быть изменено без ущерба для выраженной мысли (например, выражение *Орта мәктәб Дилшад гуртармышды* лишено смысла).

Сформулированное выше правило устанавливает порядок слов не только в простых, но и в распространенных предложениях. Если в предложении представлены подлежащее, обстоятельства места и времени, косвенное дополнение, неопределенное прямое дополнение и сказуемое, то при инверсировании членов предложения неопределенное прямое до-

⁶ См.: Ә. Абдуллајев, Ј. Сејидов, А. һәсәнов. Указ. раб., стр. 228.

полнение всегда остается по соседству со сказуемым. Может быть свыше двадцати вариантов такого предложения с соответствующими оттенками высказываемого значения. Например, в предложении *Чејран консерваторијада дунан профессордан мукафат алды* 'Джейран вчера в консерватории получила премию от профессора' можно изменить место всех его членов, кроме слова *мукафат* — во всех вариантах оно будет стоять рядом со сказуемым. В противном случае смысл высказывания исказится. Когда это слово принимает аффикс винительного падежа, то есть утрачивает качество неопределенного дополнения, оно теряет также и свою позиционную закрепленность. Изменяя свое место, данное слово каждый раз придает высказыванию новый семантический оттенок.

2. Дополнение в предложении занимает определенную позицию в зависимости от того, прямое оно или косвенное, имеет логическое ударение или не имеет.

Определенное прямое дополнение предшествует косвенному дополнению в направительном падеже: *Онлар кедандан сонра Агкул араларында олан сөһбәти стансија ишчиләринә дә данышды* (Ч. Әлибәјов) 'После того, как они ушли, Аггюль рассказала о разговоре между ними и работниками станции'; *Мән өз севкими атамьн бөјүк дәрдинә гурбан етдим* (И. Әфәндијев) 'Я пожертвовала своей любовью ради огромного горя моего отца'. Здесь косвенные дополнения стоят непосредственно перед сказуемым и находятся под логическим ударением.

Место дополнений, выраженных словами в исходном и оформленных в винительном падеже, определяется логическим ударением, чисто стилистическими причинами. Например: *Нәнәси оғланлардан Фуады сорушду* 'Бабушка спросила у мальчиков о Фуаде'; *Рза Гәһрәмани Фәридәдән Хавәрин һалыны сорушду* (М. Ибраһимов) 'Рза Гахрамани спросил у Фариды о состоянии Хавер'; *Тәзә әһвалаты биз дә ондан сийтмишиш* 'О новом событии мы тоже слышали от него (нее)'.¹

В этих предложениях явно подчеркивается значение прямых дополнений (*Фуады*, *Хавәрин һалыны*). В последнем предложении косвенное дополнение *ондан* стоит непосредственно перед сказуемым и несет на себе логическое ударение, как бы становясь основным логически выделяемым членом предложения. При изменении его места в предложении изменяется и содержание высказывания: «Мы услышали о новом событии не от кого-то другого, а именно от него».

3. Неопределенно-личные и безличные предложения, как правило, начинаются с дополнения, подлежащее в них отсутствует. Несмотря на то, что дополнение отдалено от сказуемого, его стилистическая нагрузка столь значительна, что именно на нем концентрируется внимание читателя, собеседника, слушателя. Определенное значение при этом приобретают интонация высказывания, наличие вспомогательных слов. Ср.: *Бизи бир-биримиздән еләдиләр* 'Нас друг с другом разлучили'; *Муса. — Сөзү бир дәфә дејәрләр* (С. Рәһман) 'Муса. — Слово говорят один раз'; *Сәнә әлләш дејирләр* (Б. Бајрамов) 'Садись, тебе говорят'; *Чүңәни пајызда сајарлар* (поговорка) 'Цыпят по осени считают'; *Мәни һејрәт көтүрмүшдү* (М. С. Ордубади) 'Я был поражен'.

Все эти предложения начинаются с дополнения — прямого или косвенного. Можно констатировать при таком расположении членов четкость построения, ясность содержания и стилистическую завершенность предложения.

4. Дополнение может занимать в предложении и конечную позицию, что также стилистически влияет на его значение и содержание.

В некоторых повелительных и восклицательных предложениях с целью повышения стилистической, а также эмоционально-экспрессивной выразительности на первый план выдвигается сказуемое, на которое падает логическое ударение, а дополнение ставится в конце предложения. Например: *Балаш... Вер мəним чочугуму, вер мəним атамы* (Ч. Чаббарлы) 'Балаш... Отдай моего ребенка, отдай моего отца'. Если переставить члены данного предложения, то содержание высказывания изменится, его экспрессия, достигнутая за счет инверсии, исчезнет. Ср. также предложения повелительного наклонения типа: *Говун тəнбəл-лəри* 'Гоните лентяев', *Атын папиросу* 'Бросайте папиросу', где перенесение прямого дополнения в конец предложения является стилистическим средством усиления его выразительности.

Иногда в живой разговорной речи дополнение переносится в конец предложения, что выражает определенные отношения, сложившиеся между общающимися сторонами (неуважение, неприязнь и т. п.): *Бəһрамла сизин Аршак, јаман јыхдылар евими* (Г. Мусајев) 'Бахрам и ваш Аршак совершенно погубили меня'; *Јазығым кəлди сənə* (С. Рəһман) 'Мне стало жаль тебя'; *Буна кəрə дə хошламазды ону* (Г. Мусајев) 'Поэтому он (она) и не любил(а) его (ее)'.

Место определения. Вопрос о месте определения в составе предложения в атрибутивных конструкциях освещался в ряде исследований, в частности в работах С. А. Джафарова⁷ и А. Г. Гасанова⁸.

Позиция определения в предложении представляет интерес также в стилистическом плане. Определение в тюркских языках, в том числе и в азербайджанском, обычно предшествует определяемому. В предложении *Орта бојлу, сакит бахышлы, ағ сачлы бир киши əввəлчə мənə, сон-ра да һəкимə бахарағ чидди бир ифадə илə... деди* (И. Əфəндијев) 'Мужчина среднего роста, со спокойным взглядом, седовласый, посмотрел сперва на меня, потом на врача и сказал серьезным тоном...' все определения стоят перед определяемым.

В случае, когда к одному и тому же члену предложения относятся несколько определений, ближе всего к определяемому ставится определение, теснее других связанное с ним и по значению. Ср.: например: *Гаршында уча бојлу, узун гызыл əскəр шинелли бир киши дурмушду* (Ч. Чаббарлы) 'Передо мной стоял высокий мужчина в длинной красноармейской шинели', где *уча бојлу, узун гызыл əскəр шинелли* — два определения подлежащего *киши*, причем второе из них стоит ближе к определяемому именно потому, что указывает на его более характерный признак.

Определение в определительных словосочетаниях, построенных по II типу изафета, ставится непосредственно перед определяемым: *Са-кит јај јағышы кими кəзундən гопан кəз јашлары алмаз дашлары кими јанағларындан јуварланыб ағ кəксунə душурду* (Ч. Чаббарлы) 'Слезы, стекавшие с ее глаз, как тихий летний дождь, скатывались с щек, словно алмазные камни, и падали на ее белую грудь'; *Назик кəвдəли, узун шам ағачлары əтрафа мəстедими бир əтир јайырды* (М. Нусејн) 'Длинные сосны с тонкими стволами распространяли вокруг пьянящий аромат'.

Перестановка определений и определяемых в этих предложениях невозможна, так как влечет за собой искажение содержания высказывания и противоречит грамматическим нормам азербайджанского языка.

⁷ «Азəрбајчан дилинин грамматикасы», стр. 259.

⁸ Ə. Абдуллајев, Ј. Сејидов, А. Нəсанов. Указ. раб., стр. 225—238.

Остановимся на словосочетаниях, построенных по III типу изафета: *Гардашымын Москвада охујан оглу дунэн бизэ кэлмишди* 'Сын моего брата, обучающийся в Москве, вчера приходил к нам'. Определения *гардашымын* и *Москвада охујан* относятся к определяемому слову *оглу*, причем первое связано с определяемым по способу изафета (III тип), а второе является причастным оборотом, примыкающим к определяемому слову. Если второе определение переставить, то изменится смысл предложения: *Москвада охујан гардашымын оглу дунэн бизэ кэлмишди* 'Сын моего брата, обучающегося в Москве, вчера приходил к нам'.

Таким образом, вынесение определений из состава изафетной конструкции (III тип) невозможно, ибо это ведет к изменению смысла высказывания в целом.

Ср. также следующие примеры из разных художественных произведений: *Сабанысы газетларда јазылды ки, машһур муһандис Фарһадын бачысы Зулейха эһәр ичиб өзүнү өлдүрмүшдүр* (Ч. Чаббарлы) 'Наутро в газетах писали, что сестра известного инженера Фархада Зулейха отравилась'; *Јашына нисбәтән чох һәрарәтли данышан гочанын сон сөзләри она тохунду* (М. Гүсејн) 'Последние слова старика, говорившего не по возрасту слишком темпераментно, задела его (ее)'.

Каждое определение в этих предложениях, относясь к своему определяемому, предшествует ему (*машһур муһандис Фарһад*; *јашына нисбәтән чох һәрарәтли данышан гочанын сон сөзләри*). Их место обусловлено характером связей в конкретных атрибутивных словосочетаниях. В последних стилистически значимо функционирование числительного *бир*, выражающего неопределенность. Если *бир* предшествует определению, то все словосочетание передает значение неопределенности: *Бир доғма бачы кими она бахыб санки бачысынын эрә кетмәјинә шад олурду* (Ч. Чаббарлы) 'Он смотрел на нее, как на родную сестру, и радовался, словно замужеству своей сестры'.

Если *бир* занимает позицию между определением и определяемым, то оно служит средством акцентирования определения, усиливая его стилистическое значение: *Оғлум, Мәнсур, һеч ағлама. Мән сәнин үчүн Ситарәдән дә көзәл бир гыз тапарам* (Ч. Чаббарлы) 'Сын мой, Мансур, не плачь. Я найду для тебя девушку еще более красивую, чем Ситара'.

Выше уже отмечалось, что определение непосредственно предшествует определяемому. Однако наблюдаются случаи, когда это правило нарушается. Перестановка мест определения и определяемого в предложении служит средством усиления стилистической выразительности. Например: *Баһар јазыг нечә әзизләјурди, нечә сахлајырды ону* (М. Чәлал) 'Бедный Бахар, как лелеял, как смотрел за ним'. Здесь, благодаря перестановке позиций определения и определяемого ярче выражается чувство симпатии к Бахару. Или: *Сара. — Одур, тој еләјиб охујурлар. Одур, Бәһрам намәрд* (Ч. Чаббарлы) 'Сара. — Вот, играют свадьбу, поют. Вот подлец Бахрам'; *Гурбанәли. — Һачы бинәва нечә илдир Әмәрин эһмәтини чәкиб охутду* (Н. Нәриманов) 'Гурбанәли. — Несчастный Гаджи столько лет, взвалив на себя все его заботы, обучал Омара'.

Место обстоятельства. Многообразие обстоятельств, их достаточно свободное расположение в предложении обуславливают их большую стилистическую значимость по сравнению с другими членами предложения.

Порядок расположения обстоятельств в предложении изучался С. А. Джафаровым⁹. Им проанализированы случаи, когда в одном пред-

⁹ См.: «Азәрбајчан дилинин грамматикасы». стр. 253—258.

ложении встречаются различные обстоятельства. Показательно, что только обстоятельства меры и степени занимают в предложении относительно постоянное место. В предложениях с обстоятельствами времени и места обычно первое предшествует второму. Вместе с тем обстоятельство места, как и обстоятельства причины и цели, может стоять и в начале предложения. Это зависит от многих условий: вида обстоятельства, структуры предложения, интонации и стиля изложения. Некоторые обстоятельства занимают позицию непосредственно перед тем членом предложения, к которому относятся, и соотносятся с ним способом примыкания.

Особый интерес представляет позиция обстоятельства времени. Очевидно, время — более значимая характеристика действия, нежели другие атрибуты (образ, причина, цель и т. д.). Поэтому обстоятельство времени обычно выступает в начале предложения или перед другими обстоятельствами.

В приводимых ниже примерах место, занимаемое в предложении обстоятельством времени, определяется не только грамматическими нормами, но и стилистическими требованиями. Так, в предложениях из эпоса «Кероглы» мы можем изменить позицию обстоятельства времени. Но это повлечет за собой и перемену логического ударения, что в свою очередь изменит содержание высказывания. Ср. предложения: *Дүнән Короглу идим* 'Вчера я был Кероглы' и *Короглу дүнән идим* 'Кероглы я был (только) вчера' или *Бу күн чодар олдум* 'Сегодня я стал прасолом' и *Чодар бу күн олдум* 'Прасолом я стал только сегодня'.

Если в предложении имеются обстоятельства времени и образа действия, то первое предшествует второму: Алмаз. — *Елэ һамы јатандан сонра көтүрүб кәлиб* (Ч. Чаббарлы) 'Алмаз. — После того, как все уснули, взял (а) и принес (ла)'.

При наличии в предложении обстоятельства времени и причины первое также предшествует второму: *Кәндиң кирәчәјиндәки чешмәни көрәндә Фуад севиндијиндән ғышгырмаг истәди* 'Увидев родник у въезда в село, Фуад от радости захотел закричать'.

В отношении стилистической значимости порядка расположения обстоятельств в предложении хотелось бы подчеркнуть следующее: благодаря возможности их достаточно свободного перемещения в составе предложения, данное свойство, активно используется в литературе и устной речи для логического выделения того или иного члена предложения, а также для усиления стилистической выразительности высказывания.

А. Н. НУРМАНОВ

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ОППОЗИЦИЙ ПО УТВЕРДИТЕЛЬНОСТИ-ОТРИЦАТЕЛЬНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

(НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА)

Сравнивая два типа основных лингвистических единиц — дистриктивную (различительную), то есть в первую очередь фонему, и сигнификативную (значимую), главным образом монему, А. Мартине отмечает их подверженность явлению нейтрализации оппозитивных рядов. Он пишет: «Первым условием для того, чтобы на уровне различительных единиц можно было говорить о нейтрализации, является следующее: в контексте, определенном в фонетических терминах, дистриктивная (различительная) функция оппозиции не должна более осуществляться. Наряду с этим, первым условием нейтрализации на уровне значимых единиц можно указать следующее: в контексте, определенном в терминах единиц, наделенных смыслом, сигнификативная функция оппозиции более не должна осуществляться»¹. Различая явления нейтрализации и синкретизма, А. Мартине критикует Л. Ельмслева за то, что он обычно смешивает оба эти явления, обозначая их одним термином «синкретизм». Предлагая понимать под «синкретизмом» явление «частичной омонимии», он пишет: «Частичная омонимия может привести к дефективному функционированию, хотя при этом дистриктивная функция оппозиции может оказаться незатронутой»².

Ю. С. Степанов отмечает, что изучение упомянутых явлений имеет большое значение для построения структурно-семантической грамматики, так как позволяет проникнуть в глубинные отношения, существующие вокруг какой-либо одной грамматической категории и между несколькими категориями³.

М. Я. Блох подобные явления вместе с явлением транспозиции объединяет общим термином «опозиционное замещение». По его мнению, опозиционное замещение — это переход одного члена в другой в процессе функционирования системы⁴.

Поскольку единицы высшего уровня, в отличие от единиц низшего уровня, обладают и планом выражения, и планом содержания, естественно, нейтрализация их оппозиций происходит в обоих этих планах.

¹ А. Мартине. Нейтрализация и синкретизм. — «Вопросы языкознания», 1969, № 2, стр. 101.

² Там же, стр. 102.

³ Ю. С. Степанов. Основы языкознания. М., 1966, стр. 127.

⁴ М. Я. Блох. Проблема тождества предложения в свете соотношения синтаксиса, семантики и информации. — «Вопросы языкознания», 1977, № 3, стр. 82; см. еще А. М. Мухин. Понятие нейтрализации и функциональные синтаксические единицы. — «Вопросы языкознания», 1965, № 5.

⁵ Дж. Лайонз. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978, стр. 268—269.

Поэтому, следуя Ю. С. Степанову, рассмотрим оба вида синтаксической нейтрализации: 1) нейтрализация в плане содержания и 2) нейтрализация в плане выражения. Отметим попутно, что Джон Лайонз первый из этих видов называет диверсификацией, а второй — нейтрализацией⁵.

Нейтрализация в плане содержания. Если члены оппозиции нейтрализуются по содержанию, то, хотя между ними и сохраняется формальное противопоставление, семантически они утрачивают оппозитивный признак, составляя единый семантико-парадигматический ряд и находясь между собой в отношении дистрибуции свободного варьирования. В подобных случаях один из членов оппозиции выступает в транспозитивной функции⁶.

Сказуемое придаточного предложения или деепричастный оборот, выраженный деепричастной формой на *-b (-ib)*, *-gunča* (и другими фонетическими вариантами) по признаку «утвердительность—отрицательность», составляют следующие оппозитивные ряды:

$$\begin{array}{rcl} -b (-ib) & — \{ & -maj \\ & & -masdan \\ -gunča & — & -magunča \end{array}$$

Вместе с тем, форма на *-maj* еще может быть отрицательным членом в оппозиции повелительного наклонения, когда она выступает в функции сказуемого простого предложения:

$$-aj — -maj$$

Однако порой встречаются нарушения подобной симметричной оппозиции. В таких случаях совпадают члены оппозиции по значению, и они составляют одну семантическую парадигму. Например:

$$\left. \begin{array}{l} T_1 \text{ Қора қишда тўй қилмай,} \\ T_2 \text{ Қора қишда тўй қилиб,} \end{array} \right\} \text{баттар бўлгур, накас гов.}$$

(А. Орипов)

(‘Чтобы тебе было хуже, скупая скотина, оттого, что сыграл свадьбу в лютую зиму’).

На употребление конструкции T_1 во вторичной функции указывает последующая часть предложений — *баттар бўлгур*. Если трансформировать данную конструкцию путем опускания указанной части, то в T_1 восстанавливается обычный оппозитивный ряд. Ср.: *(мен) қора қишда тўй қилмай, накас гов — (мен) қора қишда тўй қилай, накас гов*.

Следовательно, употребление конструкции T_1 в транспозитивной функции определяет контекст.

Конструкция *вой улмасам*, выходя в современном узбекском языке из исконного коррелятивного ряда, употребляется в транспозитивной функции, то есть в функции выражения эмоции человека и составляет один парадигматический ряд с конструкцией *вой ўлай*. Например:

$$\left. \begin{array}{l} T_1 \text{ Вой ўлмасам,} \\ T_2 \text{ Вой ўлай,} \end{array} \right\} \begin{array}{l} \text{бу ёқда кап-катта йигит бор демай-} \\ \text{сиз-а, Мастурахон опа!} \end{array}$$

(О. Ёкубов)

(‘О боже, вы даже не скажете, что здесь взрослый парень, Мастура-опа’).

В свою очередь, и утвердительная форма *вой ўлай* выходит из симметричной оппозиции, то есть она не является утвердительной формой конструкции *вой ўлмай*. См.:

⁶ Использование в данном случае термина «транспозиция» по отношению к синтаксическим конструкциям предполагает употребление последних для выражения значений, которые не свойственны данной конструкции. Именно такое значение соответствует толкованиям основателя теории транспозиции Ш. Балли.

Утвердительный ряд

Вой ўлай

Отрицательный ряд

вой ўлмасам

Эти конструкции употребляются во вторичной — транспозитивной функции. Поэтому они, хотя и переданы финитной формой глагола, не содержат суждения, выражая лишь модальность, то есть отношение говорящего к сказанному. При этом нельзя включить во фразу соответствующее данной форме глагола личное местоимение *мен*.

На наш взгляд, симметричную оппозицию в обеих конструкциях нарушает междометие *вой*, так как при трансформации путем исключения последнего восстанавливаются первичные значения и симметричные оппозиции по признаку «утвердительность—отрицательность» этих конструкций. См.:

Утвердительный ряд	Отрицательный ряд
(Мен) ўлай —	(Мен) ўлмай
(сен) ўлгин —	(сен) ўлмагин
(у) ўлсин —	(у) ўлмасин
(мен) ўлсам —	(мен) ўлмасам
(сен) ўлсанг —	(сен) ўлмасанг
(у) ўлса —	(у) ўлмаса

Конструкция типа *Nn+тушмагур* должна являться, как это требует закон симметрии, отрицательной формой конструкции *Nn+тушгур*. Однако в современном узбекском языке обе формы совпадают по значению, поэтому составляют единую семантическую парадигму и находятся между собой в отношении дистрибуции свободного варьирования. Например:

T₁ Хандалаги тушмагур
T₂ Хандалаги тушгур } сил кам бир қон бўлди.

(О. Ёкубов)

(‘Хандалак составил целый мешок, даже не осталось места, за что ухватиться’).

Причиной нейтрализации оппозитивных рядов служит лексема *тушгур*, *тушмагур*. Эта лексема в современном узбекском языке утратила свое исконно лексическое значение (а именно, значение «падать»), в результате чего оказались утраченными и признаки оппозиции.

Если сказуемое предложения выражено лексемой *бор*, то это предложение входит в эквивалентную оппозицию с предложениями, сказуемое которых выражено лексемой *йўқ*. Если же оно выражено глаголом, то предложение входит в привативную оппозицию с отрицательной формой, маркером которой служит отрицательный аффикс *-ма*. Например:

$N\emptyset + бор — N\emptyset + йўқ$
 $N\emptyset + Vди — N\emptyset + Vмади$

Однако слова *бор*, *йўқ* и глаголы, принимая вопросительную частицу *-ми* (если употребляются в функции сказуемого вопросительного предложения), как члены оппозиции семантически совпадают, то есть нейтрализуются. Например:

Менинг дўстимга паламут ёқиб } Шундан топилмайдими?
қолди. } Шундан топиладими?

(У. Умарбеков)

(‘Паламут понравился моему другу... Не найдется ли подобного?’).

Или:

Иккита ёқут кўзлик зирак. Аям { Туравермайдими уйда?
Тураверарди-да — уйда
Раҳматликдан қолган эди. Тураверса бўларди-ку
уйда.
(У. Умарбеков)

(‘Две серьги с изумрудами. Осталось от покойной матери. Не лучше бы оставить дома?’).

Нейтрализатором указанных выше грамматических конструкций служит грамматическое средство (вопросительная частица *-ми*). Если эти конструкции трансформировать, исключив указанную частицу, то восстанавливается обычная симметричная оппозиция утвердительность—отрицательность.

В некоторых случаях отрицательный член одной пары оппозиции, утратив отрицательное значение, употребляется во вторичной функции, то есть в функции утвердительного значения, и составляет одну парадигму с утвердительными членами другой пары оппозиции. В результате происходит своеобразная нейтрализация между членами оппозитивных пар.

Предложение, сказуемое которого выражено глаголами повелительного наклонения, входит в привативную оппозицию по признаку утвердительности — отрицательности, маркером которой служит отрицательный аффикс *-ма*. Например:

Мен ўқий ‘я читаю’ — мен ўқимай ‘я не читаю’
Сен ўқигин ‘ты читай’ — сен ўқимагин ‘ты не читай’
У ўқисин ‘пусть он читает’ — у ўқимасин ‘пусть он не читает’.

Однако в некоторых случаях члены отрицательных рядов употребляются во вторичной функции, в результате чего возникает асимметричность между членами оппозиций. Члены отрицательного ряда во вторичной функции могут составлять единую семантическую парадигму с различными утвердительными конструкциями.

1) Уступительные конструкции. В этих случаях в составе отрицательного члена выступают отрицательные местоимения: *қанча*, *қанчалик*, *ким*, *нима*, *каер* и т. д. Эти конструкции составляют единую семантическую парадигму с утвердительными уступительными конструкциями. Ср.:

Шарқ бозорларининг ўзига хос фазилати бор.

Т₁ Мол қанчалик кўп бўлмасин, } ҳаммаси тартибли
давр қанчалик нотинч бўлмасин,
Т₂ Мол қанчалик кўп бўлса ҳам, }
давр қанчалик нотинч бўлса ҳам, } (У. Умарбеков)

(‘Есть что-то особенное у восточных базаров; сколько бы ни было товаров, как бы ни было беспокойно, все — (всегда) — в порядке’).

Конструкции типа Т₁ отличаются от вопросительной как отсутствием собственно вопросительной, так и своей отчетливо выраженной утвердительной функцией.

Конструктивным средством являются вопросительно-отрицательные слова. Предложения, оформленные с помощью этих слов, при соответствующей интонации, выступают как эквиваленты утвердительных уступительных конструкций. Формы местоимений не выражают реально никакого вопроса.

Д. Н. Шмелев называет такие конструкции в русском языке «синтаксически связанными конструкциями» или «фразеосхемами»⁷.

Отрицательный ряд

Утвердительный ряд

Мол қанчалик кўп бўлмасин

— Мол қанчалик кўп бўлса ҳам...

Как видно из этих примеров, каждая конструкция является формально асимметричной по признаку утвердительности — отрицательности, то есть, если конструкции данных примеров находятся в утвердительной форме, то не существует симметричной ей отрицательной формы и, наоборот, если конструкции находятся в отрицательной форме, то не существует симметричной ей утвердительной формы. Независимо от утвердительной или отрицательной формы этих конструкций, семантически ими выражается только утвердительное значение. Такое асимметричное отношение между оппозитивными членами происходит благодаря наличию некоторых лексических средств, употребляемых в составе данной конструкции. Ср.:

T₁ Қанчалик (қанча) кўп 'Сколько бы ни было',
бўлса ҳам

T₂ Унчалик (унча) кўп бўлма- 'Хотя бы не было так много'.
са ҳам

T₁ Қанча тиришсам ҳам 'Сколько бы ни старался (лась)',

T₂ Унчалик (унча) тиришмасам 'Хотя не старался (лась) так'.
ҳам

Из приведенных примеров явствует, что T₁ функционирует только в отрицательной форме. В таких случаях асимметрия между оппозитивными членами снимается путем субституции некоторых лексических средств. Например, в семантической структуре квантора *қанчалик*, *қанча* существует сема превосходства чего-либо. Благодаря этой семе квантор находится в синонимичном отношении со словом *жуда* и в антонимичном — со словом *унчалик*, *унча*. В случае актуализации этой семы квантор сочетается с членами, находящимися в положительной форме:

қанча(лик) + $\left. \begin{matrix} \text{кўп} \\ \text{оз} \end{matrix} \right\} \text{бўлса ҳам.}$

В случае замены квантора *қанча(лик)* квантором *унча(лик)* сказуемое одновременно приобретает отрицательную форму.

При квантификации предложения часто в качестве квантора употребляются лексемы *ким* 'кто', *ҳеч ким* 'никто'. *Ким* имеет положительную сему, *ҳеч ким* — отрицательную. Глагольное сказуемое с квантором *ким*, хотя часто и обладает отрицательной формой, однако выражает только утвердительное значение. Поэтому оно входит в одну парадигму с положительной формой, что свидетельствует о ее транспозитивном употреблении. В оппозиции по форме *Vсин*—*Vмасин*, последнее (*Vмасин*), утратив первичное значение и приобретая новое (уступительности), составляет с ним один парадигматический ряд и входит в оппозицию с отрицательной формой уступительной конструкции:

Кимга қарамай
Кимга қарасам ҳам } 'На кого бы ни смотрел(а)'.

⁷ Д. Н. Шмелев. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976, стр. 132—134.

Эти конструкции составляют один парадигматический ряд благодаря транспозитивному употреблению конструкции *кимга қарамай*, которая, выйдя из симметричного оппозитивного ряда, выражает утвердительное значение. Симметричность данной конструкции по утвердительности — отрицательности восстанавливается только посредством субституции слова *кимга* словом *бировга* или *ҳеч кимга*:

*Кимга қарасам ҳам — бировга
ҳеч кимга } қарамасам ҳам.*

Обязательными являются в составе первого члена оппозиции — *кимга*, а в составе второго члена — *ҳеч кимга*.

См. еще: *Хонанинг қаерида ўтирманг, Ленин ўзининг қисмиқ кўзларини сизга тикиб тургандай бўлади* (У. Умарбеков) 'Где бы вы ни сидели, прищуренные глаза Ленина смотрели на вас'. *Нимаики ёзма касалхонада — у сўнги ишингдай туюлаверар* (А. Орипов) 'Что бы ты ни писал в больнице — будто ты делаешь последнее'.

Все эти конструкции выполняют транспозитивные функции и поэтому форма и содержание их асимметричны: по форме они — отрицательные, по содержанию — всегда утвердительные.

2) Последняя конструкция с *-иш ўрнига*, выражающая значение замены. Подобная конструкция с вербальным ядром *Вмай* составляет один парадигматический ряд с такими утвердительными конструкциями, вербальное ядро которых — *иш ўрнига*. Эти конструкции, выступая в качестве придаточного предложения сложного целого или деепричастного оборота, выражают значение совершения действия, а содержание последующей конструкции противопоставляется этому действию:

$$\left. \begin{array}{l} T_1 \text{ Бу Чавондозга тегмай} \\ T_2 \text{ Бу Чавондозга тегиш ўрнига} \end{array} \right\} \begin{array}{l} \text{ўла қолсам бўлмасмиди, менинг} \\ \text{қулуним?} \end{array} \quad (\text{О. Ёқубов}).$$

('Не лучше ли было мне умереть, чем выйти замуж, мой жеребенок?').

Если функцию уступительности синтаксической конструкции, ядерным членом которой является *Вмай*, обозначим через «1», а функцию замены — через «2», то их будут отличать следующие дифференциальные признаки:

1) если в случае «1» ядерный член обладает признаком спрягаемости, то в случае «2» он им не обладает и выступает, как правило, только в 1-ом лице. Ср.:

1. I лицо *қанча тиришмай...*
II лицо *қанча тиришмагин...*
III лицо *қанча тиришмасин...*
2. I лицо *бу Чавондозга тегмай...*
II лицо —
III лицо —

2) если в случае «1» употребляются вопросительные местоимения, то в случае «2» — они отсутствуют.

Процесс транспозиции указанной конструкции во 2-ом значении можно проследить в следующей схеме:

Утвердительный ряд	Отрицательный ряд
<i>Nga + Vгунча</i>	— <i>Nga + Vмагунча</i>
<i>Nga + Vuш ўрнига</i>	— <i>Nga + Vмаслик ўрнига</i>
<i>Nga + { Vай Vuб</i>	↑ <i>Nga + Vмай</i>

Как видно из схемы, *Nga + Vмай* переходит из своего собственного в другой оппозитивный ряд.

Нейтрализация в плане выражения. Если члены оппозиции нейтрализуются в плане выражения, то в них, при сохранении оппозитивных рядов по значению, происходит нейтрализация грамматических оппозиций по форме.

Слово *бўпти* (*бўлибди*) выражает значение «законченности» действия до акта речи, услышанной субъектом от другого лица, например: *Олдига куйилган барча овкатни еб бўпти* («Узбекские народные сказки») 'Он, оказывается, съел все блюда, поставленные перед ним'.

Однако, употребляясь во вторичной функции, слово *бўпти* выражает не прошедшее, а будущее время. Например: *Қўлга тушириб бўпти, деди Уроз* (У. Умарбеков) 'Попробуй поймать, сказал Уроз'.

Употребляясь же с деепричастной формой глагола на -б (-иб), *бўпти* выражает противоположное значение — утвердительное, либо отрицательное. В таких случаях смысловоразличительную функцию выполняет интонация.

Выражение *V(и)б* в отрицательной форме (*Vмай*) сочетается со словом *бўпти*, выступающим только во вторичной функции: *Vмай бўпти*, то есть по закону отрицания отрицания (*бўпти* во втором значении отрицает отрицательное значение *Vмай*) выражает утвердительное значение.

В качестве транспозитивного средства может служить и частица, выражающая удивление, употребляющаяся после сказуемого. При этом, если сказуемое находится в утвердительной форме, то выражается отрицательное значение, составляя одну семантическую парадигму с отрицательными конструкциями, и наоборот. Например: *Эртага мен унинг адабини бериб кўяман. — Адабини берасан-а!* («Гулхан») 'Завтра я ему задам. — Задашь, покажешь!'.

Конструкция *адабини берасан-а* составляет одну семантическую парадигму с отрицательными конструкциями типа *адабини беролмайсан* и входит в оппозицию по признаку утвердительности—отрицательности с утвердительными конструкциями типа *адабини бера оласан*.

Иногда в препозиции синтаксических конструкций употребляется слово *ҳа* с долгим *а*, что в них является транспозитивным средством. Ср.: *Ҳа а адабини берасан*. Или: *Ҳа а адабини берасан-а*.

В вышеуказанных транспозициях в качестве транспозитивных маркеров, наряду с формальными средствами, обязательно выступают интонационные. Причем нередко только одна интонация выступает в качестве транспозитивного маркера.

Конструкция *ким билади* выражает с одной стороны вопрос, с другой — сообщение «никто не знает». Во втором значении она употребляется в транспозитивной функции и образует единую семантическую парадигму с отрицательными конструкциями, включающими *ҳеч ким билмайди* 'никто не знает' и входит в оппозицию по признаку утвердительности — отрицательности с конструкциями, включающими *ҳамма билади* 'все знают'.

Дифференциальным признаком значений *ким билади* 'кто знает' служит интонация (вопросительная или повествовательная).

Глагольное сказуемое конструкции, подвергающееся транспозиции с помощью интонации, произносится в более быстром темпе, нежели обычно. Ударение при этом переносится с последнего слога на второй. Например: *оласан* 'ты возьмешь', *оласан* 'ты никогда не возьмешь'.

В результате возникает одна семантическая парадигма с отрица-

тельными конструкциями. Ср.: T_1 ололмайсан 'не возьмешь', T_2 оласан 'никогда не возьмешь', T_3 олиб бўлсан 'никогда не возьмешь'.

В семантическом плане второй и третий члены парадигмы отличаются от первого категоричностью отрицательного значения.

Суммируя все изложенное, можно сделать нижеследующие выводы.

Явления нейтрализации оппозитивных членов встречаются не только на фонологическом, но и на синтаксическом уровне.

В отличие от фонологической, синтаксическая нейтрализация оппозитивных членов происходит в двух аспектах: совпадения как по форме, так и по значению.

Нейтрализация оппозитивных членов происходит благодаря употреблению одного из них (иногда и обоих) в транспозитивной функции.

Употребление одного из членов оппозиции в транспозитивной функции диктуется: а) соответствующей лексемой, употребляющейся в составе данной конструкции, б) контекстом, в) грамматическим членом, асемантизирующим определенный член, г) интонацией.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

«Гулхан» — журнал ЦК ЛКСМ Узбекистана.

А. Орипов — Абдулла Орипов. Нажот калъаси. Тошкент, 1981.

У. Умарбеков — Улмас Умарбеков. Оқ қалдирғоч. Тошкент, 1974.

О. Екубов — Одил Екубов. Эр бошига иш тушса. Тошкент, 1966.

V — глагол, T — трансформ, N — имя существительное, $N\emptyset$ — имя существительное с нулевым окончанием, Nn — имя существительное с притяжательным аффиксом, Nga — имя существительное в направительном падеже.

Г. Х. АХАТОВ

О ПРИРОДЕ ДВОЙНОГО ОТРИЦАНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ КЫПЧАКСКО- БУЛГАРСКОЙ ПОДГРУППЫ

Природа двойного отрицания и средства его выражения до сих пор в тюркологии специально не рассматривались. Между тем двойное отрицание — одна из языковых категорий, наиболее ярко и рельефно отражающих идиоматическую специфику конкретного языка или группы родственных языков. Особенностью двойного отрицания является обязательное присутствие в одном высказывании двух отрицательных элементов. Основным назначением двойного отрицания в предложении является выражение им позитивного смысла, то есть утверждения. Однако позитивное значение предложения с двойным отрицанием в большинстве случаев осложняется дополнительными экспрессивными и модальными оттенками. А. Н. Кононов, характеризуя двойное отрицание в турецком языке, пишет: «Наличие в составе сказуемого двух отрицаний создает особым образом подчеркнутый положительный смысл»¹.

Действительно, в первом акте двойного отрицания обычно выражается отрицание, а во втором — утверждение: тат. *килми ярамый*, *килми булмый* 'нельзя не приходить'; башк. *килмэй калма* 'не вздумай не прийти' (то есть — 'приходи обязательно'). Двойное отрицание является как бы синтезом двух отрицательных форм и выражает положительное значение.

В ряде языков предложение, выражающее отрицательное значение, может включать лишь одно отрицательное средство. К таким языкам относятся, например, английский² и немецкий³.

В тюркских языках в предложении возможно употребление либо одного, либо двух отрицаний и поэтому их можно определить как языки одного и двух отрицаний. В современном русском языке предложение может иметь два, три и более отрицания⁴.

Материалы татарского, башкирского и других тюркских языков наглядно свидетельствуют о том, что в этих языках имеется своеобразная система средств выражения не только обычного, но и двойного отрицания. В образовании двойного отрицания принимают участие единицы самых разных языковых уровней и различные части речи.

В современном татарском, башкирском и других тюркских языках употребляются следующие основные типы двойного отрицания.

Первый тип двойного отрицания, являющийся самым распространенным, заключается в употреблении двух отрицательных форм глагола, образующих составное сказуемое предложения. В качестве второго элемента часто используется вспомогательный глагол *бул* в отрицательной форме. Однако в качестве второго элемента могут выступать и полнозначные глагольные формы. Примеры из татарского языка: *Дошман-кан уч алмый калмас очен сузам сиңа сагынып кулымны* (Ф. Карим) 'Я протягиваю тебе руку свою, чтобы отомстить врагу'. *Бу*

хәллә узгәртми булмый (Г. Ибраһимов) 'Это положение необходимо изменить'. Ул килми калмас иде (Г. Ахунов) 'Он обязательно бы пришел'.

Примеры из башкирского языка: *Һиңә, Әхмәзи корзаш, мираҫ бүлеүҙе кабаттан каратмай булмай* (Дж. Кiekбаев) 'Тебе, друг Ахмадей, придется просить пересмотреть вопрос о делении наследства'. *Безгә күрше ауылдағы партиячка менән һөйләшмәй булмай* (Г. Давлетшин) 'Нам необходимо говорить с партиячкой из соседней деревни'. *Сюжет һәм композиция тураһында һүз сыҡҡас, тағы бер мөһим моменткә тукталмай булмай* (Р. Баимов) 'Раз зашел разговор о сюжете и композиции, то невозможно не говорить еще об одном важном моменте'.

Второй тип двойного отрицания образуется по схеме: прилагательное или существительное с аффиксом *-сыз* (башк. *-һыз*), выражающим отсутствие того, что указано в основе, и глагол в отрицательной форме в позиции сказуемого: тат. *эшсез тормыйбыз* 'без работы не живем', башк. *йырһыз йәшәмәйбез* 'без песни не живем', *икмәкһез калмаҫбыз* 'без хлеба не останемся'. Примеры: тат. *Мин дә шатлыксыз калмам, кайтыр минем күз алмам* (Ф. Карим) 'Я тоже не останусь без радости, придет дорогой мой человек'; башк. *Икмәкһез йәшәп булмаған кеүек, йырһыз за йәшәп булмай* (Х. Гилязов) 'Нельзя жить без песни, как невозможно жить без хлеба'.

Третий тип двойного отрицания образуется посредством употребления двух отрицательных показателей в составе одной сказуемой формы, а именно: инфинитивного глагола в отрицательной форме и отрицательного модального слова *түгел*: *бармады түгел* в значении *барды* 'ходил', *уқымады түгел* в значении *уқыды* 'учился'. Примеры: тат. *Койрыгыңны сыртка салып йөрмәден түгел, йөрдең* (Ф. Хөсни) 'Бездельничал ты, верно, бездельничал'. *Һичшиксез, рухланган һәм куанган чакларым күп булды, шулай ук борчылган-кайгырган вакытларым да булмады түгел, булды* (Ә. Еники) 'Несомненно, были и радостные дни у меня, но были и дни горести, были'; башк. — *Юк, Шакир, кайтманың түгел, кайттың, әммә бер тинлек файзаң да теймәне шул* (Ф. Исангулов) 'Нет, Шакир, приезжал ты, приезжал, но от твоих приездов никакого толку не было'. *Атайым уны ла эшкә өйрәтмәне түгел, өйрәтте* (А. Вахитов) 'Отец и его учил работать, учил'. *Ниязголдың астыртын-усал икәнен халык белмәне түгел, белде, әлбиттә* (Х. Давлетшина) 'Народ, конечно, знал, что за хитрый и злой человек был этот Ниязгул'.

Как видно из приведенных примеров, рядом с отрицательной формой в качестве самостоятельного сказуемого употребляется положительная форма, как бы резюмируя позитивное значение этой формы двойного отрицания.

В отличие от татарского и башкирского языков, в турецком языке отрицательное модальное слово *değil*, стоящее после личной формы глагола, может употребляться самостоятельно, без подтверждения формой другого личного глагола: *Bunu bilmiyorum değil* 'Нельзя сказать, что я не знаю этого'⁵. Приименное отрицание в составе глагольного сказуемого имеется и в современном узбекском языке: *Бу хатни ўқимадим эмас*⁶ 'Я, конечно, не прочитал это письмо'.

Четвертый тип двойного отрицания образуется в татарском сочетании отрицательной формы полнозначного глагола в изъявительном наклонении и модального слова *ярый* (башк. *ярай*) в отрицательной форме: тат. *бармый ярамый* 'нельзя не ходить', *укумый ярамый* 'нельзя не учиться'; башк. *килмәй ярамай* 'нельзя не приходить', *эшләмәй ярамай*

‘нелзя не работать’. Примеры: тат. *Ул картның сүзен тыңламый ярамай, соңыннан үкәнергә туры килмәсен* (Г. Баширов) ‘Нелзя не слушаться этого старика, ибо потом придется раскаяться’; башк. *Хәбәр иткәс, безгә бармай ярамай* (Х. Гилязов) ‘Раз известили о своем приезде, нелзя не приехать’. *Алыстан килгән кунак бит, барып күрмәй ярамай* (Дж. Киекбаев) ‘Гость приехал издалека, нелзя не увидаться с ним’. *Юк, башта иптәшләрге кунак итмәй ярамай* (М. Карим) ‘Нет, сначала нелзя не угостить товарищей’. *Арысландай егет балһаң да кәңәш итмәй эшләү ярамай* (Б. Бикбай) ‘Хотя ты парень боевой, нелзя работать, не посоветовавшись с товарищами’.

Пятый тип двойного отрицания представлен в татарском и башкирском языках следующей схемой: имя прилагательное с аффиксом *-сыз, -сез* (башк. *-һыз, -һез*) и модальное слово *түгел*. Этот тип в основном соответствует русскому типу, образованному при помощи *небез...* (*небес...*). Сравните: тат. *файдасыз түгел* ‘небесполезный’, *тозсыз түгел* ‘не без соли’; башк. *куркынышыз түгел* ‘небезопасный’, *атһыз түгел* ‘не без лошади’.

Шестой тип образуется по следующей модели: причастие-определение в отрицательной форме и отрицательное модальное слово *юк* ‘нет’ в функции сказуемого. Например: тат. *укымаган кеше юк* ‘нет людей, которые бы не учились’; башк. *ул хакта һөйләмәгән кеше юк* ‘нет людей, которые не говорили бы об этом’, тат. *Алар беренче көнне үк үзләрен яхшы яктан күрсәттеләр, бригада-ларында смена нормасын арттырып үтәмәгән кеше юк* (Ф. Хөсни) ‘Они с первых же дней показали себя с хорошей стороны, в их бригаде нет человека, который бы не выполнил сменную норму’. *Балтам үткен, кулымнан килмәгән эш юк* (Ф. Хөсни) ‘Топор у меня острый, нет такой работы, которую я не мог бы выполнить’; башк. *Уның хақында безгәң ауылда һөйләмәгән кеше юк* (Г. Рамазанов) ‘В нашей деревне нет человека, который не говорил бы о нем’.

Седьмой тип двойного отрицания образуется сочетанием отрицательных деепричастных, инфинитивных форм глагола и отрицательных форм модальных слов *мөмкин түгел* и *мөмкин булмау*. Например: тат. *язмау мөмкин түгел* ‘нелзя не писать’, *сөйләмәү мөмкин булмаган иде* ‘нелзя было не говорить’; башк. *бармау мөмкин түгел ине* ‘нелзя было не сказать’, *өндәшмәйенсә калыу мөмкин булманы* ‘нелзя было не сказать’.

Эти отрицательные модальные конструкции выражают позитивное грамматическое значение — необходимость совершения каких-либо действий. Примеры: тат. *Мин беләм, мин тоям — үзгәреш бар, үзгәреш булмыйча мөмкин түгел* (Ә. Еники) ‘Я знаю, я чувствую, что изменения есть, не может не быть изменений’. *Аның бу карашында күрмиңә калу мөмкин булмаган житди кисәтү чагылган иде* (Ф. Хөсни) ‘В его взгляде нелзя было не заметить серьезного предупреждения’; башк. *Үмер буйы бергә йөшәп, якин кешенде анламау мөмкин түгел* (Ш. Насыров) ‘Невозможно не понять человека, с которым ты прожил целую жизнь’. *Тормоштан артта калырға теләмәгән кешеге үз өстөндә эшләмәү мөмкин түгел* (А. Мирзагитов) ‘Человеку, который хочет идти в ногу с жизнью, нелзя не заниматься самообразованием’. *Бындай зур ауылда күңелде яуларзай берәй кызыклы әйбер тапмау*

мәмкин түгел (З. Биешева) 'В такой большой деревне невозможно не найти что-нибудь интересное'.

Восьмой тип двойного отрицания представляет собой синтез двух отрицательных слов *юк* и *түгел*: *юк түгел*. Примеры: тат. *Юк түгел аю, буре, төлкежиһан корыткыч та бар* (Г. Тукай) 'Не только лиса, но и медведь, и волк есть у нас'; башк. *Беззә ла йөрәкле батырзар юк түгел* (из народной сказки) 'И у нас есть смелые богатыри'.

О наличии данной формы в турецком языке пишет и А. Н. Кононов⁷. Значение ее в азербайджанском языке следующим образом определяет Дж. С. Ахмедов: «Сочетание *jox dejidir* не констатирует наличие чего-либо, а выражает возможность этого наличия, употребляется в значении „не исключено, что имеет место то или иное явление“»⁸.

Двойное отрицание образуется употреблением в предложении отрицательных местоимений *һичкем* 'никто', *һичнәрсә* 'ничто', *һичкайчан* 'никогда' и др. В таких предложениях сказуемое выступает в отрицательной форме. В отличие от других типов двойного отрицания, данный тип не выражает положительного значения, отрицательные местоимения лишь усиливают уже имеющееся отрицание. Отрицательные местоимения в подобной функции употребляются во многих тюркских языках. Примеры: тат. *Бу хакта һичкем белми* 'Об этом никто не знает'; башк. *Был хакта һис кем белмәй* 'Об этом никто не знает'; туркм. *Оларын һич бири билмәз* 'Никто из них не узнает'. *Оны хич зат гызыкландырмаяр* 'Его ничто не интересует'; азерб. *Һеч ким билмәди ки, Мирзә һара кетди* 'Никто не знал, куда ушел Мирза'; ккалп. *Буны оннан баскыа хеш ким ислемейди* 'Этого никто, кроме него, не сделает'; узб. *Бу кочокни хеч ким билмайдди* 'Этого беглеца никто не знает'.

Как видно из примеров, отрицательные местоимения, функционирующие в предложении в качестве второго негативного элемента, выполняют роль подлежащего, дополнения и обстоятельства. Анализ семантики и употребления двойного отрицания в современном татарском и башкирском языках позволяет сделать следующие выводы:

1. Двойное отрицание принадлежит к типу грамматических категорий, наиболее непосредственно и, следовательно, ярко выражающих соответствующую мысль.

2. Для современных тюркских языков кыпчакско-булгарской подгруппы характерно употребление как монологативных, так и полинегативных предложений.

3. Предложение с двумя отрицаниями не всегда имеет утвердительное значение. Средства отрицания могут придать предложению самые различные смысловые и модальные оттенки.

4. Отрицательные местоимения, функционирующие в качестве второго негативного элемента, не снимают отрицательного значения предложения.

⁷ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956, стр. 497.

⁸ М. А. Беляева. Грамматика английского языка. М., 1965, стр. 270—271.

³ Е. И. Шендельс. Грамматика немецкого языка. М., 1959, стр. 217.

⁴ А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, ч. 2. М., 1961, стр. 45.

⁵ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 498.

⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, стр. 346.

⁷ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 493.

⁸ Дж. С. Ахмедов. Выражение отрицания предикативами с констатирующей функцией. — «Советская тюркология», 1970, № 2, стр. 85.

Э. А. УМАРОВ

О ГЛАСНОМ $o < a$ В СТАРОУЗБЕКСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Одним из сложных и спорных вопросов исторической фонетики староузбекского языка является вопрос о существовании в тюркских словах XV—XVIII веков гласного широкого ряда o , заместившего в них общетюркский a ¹. Вопрос этот имеет принципиальное значение, поскольку отмечается широкая употребительность этого гласного в стихах староузбекских поэтов: *aitmoq* 'говорить', *aldamoq* 'обманывать', *acišmoq* 'пощипывать', 'вызывать жжение', *oşaşa* 'служанка', *oqmoq* 'течь', 'протекать', *oq* 'белый', *oʻgʻ* 'тяжелый', *oʻtmoq* 'склоняться', *oʻgʻiq* 'боль', *oʻu* 'яд', *qoʻziquloq* 'шавель', *qorqa* 'ворота', *qorlon* 'барс', *qon* 'кровь', *isov* 'трое', *tonuś* 'звук', *qovoq* 'тыква'. Определение подлинной характеристики данного звука крайне важно для уточнения соответствующих вопросов исторической фонетики узбекского языка и транскрипции литературных памятников. Ниже мы остановимся на данных средневековых лексикографических источников, могущих послужить основанием для объективного решения поставленного вопроса.

Материалы староузбекского языка, в первую очередь староузбекско-персидские словари «Бадāiʼ ал-лугат» Тали Имани² и «Санглах» Мухаммада Мехдихана³, показывают, что в староузбекском языке XV—XVIII веков процесс последовательного развития тюркского a в o еще не отмечался.

В староузбекско-персидских словарях даются развернутые пояснения по точному написанию и произношению нескольких тысяч староузбекских слов, подробно излагается порядок следования звуков в них, что определяет ценность этих словарей как орфоэпических и орфографических пособий. Составители староузбекско-персидских словарей, описывая фонетическую структуру тюркского слова, давали подробную характеристику каждой его фонемы. Любопытно, что никто из них не упоминает о произношении интересующего нас гласного a как o . Этот факт, как нам представляется, может служить весьма существенным доказательством отсутствия в староузбекском языке гласного $o < a$.

Названные словари отличаются своеобразием расположения в них лексического материала. Слова с одной и той же начальной буквой обя-

¹ К. К. Юдахин. Материалы к вопросу о звуковом составе чагатайского языка. — «Культура и письменность Востока», кн. IV, Баку, 1929, стр. 67; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 18.

² А. К. Боровков. Бадāiʼ ал-лугат. Словарь Тали Имани Гератского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961.

³ Sang'lax A Persian Guide to the Turkish language by Muhammad Mahdi Han. London, 1960.

зательно разделяются на три группы: фатховую, заммовую и касровую. К фатховой группе отнесены слова, в которых второй звук обозначен фатхой, то есть *a*. В заммовую группу включаются слова, в которых второй звук передается заммой, то есть *y* или *ŷ*. В касровую группу входят слова, в которых вторым звуком является гласный *u* или *ə*.

Отметим, что все слова, которые сейчас пишутся узбекскими текстами с гласным *o*, в «Бадāи' ал-лугат» и «Санглах» четко отнесены к фатховой группе слов. Например, слово, الو 'огонь' в словарях включено в фатховую группу буквы *алиф*. Это значит, что данное слово в XV—XVIII веках произносилось: *alav*. Слово اس 'вешай' Тали Имани и Мухаммад Мехдихан также помещают в фатховую группу, что указывает на произношение этого слова в XV—XVIII вв.: *as*. Слово باش 'голова' также приводится в фатховой группе: *baš*. Все это позволяет предположить, что подобные слова в староузбекском языке еще произносились со звуком *a*.

Все аналогичные слова, которые по нормам современной орфографии пишутся с гласным *o*, в указанных словарях написаны с гласным *a*.

Например, слово قالپاق 'головной убор' в изданиях исторических памятников, как правило, пишется в форме *qalpoq*:

Sohu tozu xilatikim men tamošo qilyali
Ozbakim bošida qalpoq egnida širdoyi bas⁴.

'К чему мне любоваться короной, драгоценными одеждами шаха,
Достаточно, если у моего узбека будет простая одежда'.

Мехдихан при описании фонетической структуры данного слова совершенно отчетливо указывает на наличие во втором слоге гласного звука *a*:

قالپاق (275a)⁵ *ba sukuni lam va fathi boi aẓami kulohro göyand ımıtıñ... qalpaq* — над *l* сукун, *b* персидский (т. е. *p*) с фатхой, означает вообще «головной убор».

Слово سرتلان 'гиена' в транскрипциях памятников староузбекского языка также пишется с гласным *o*: *sirtlon*. Но Мехдихан при объяснении фонетической структуры данного слова со всей определенностью указывает на употребление на месте *o* гласного *a*:

سرتلان (251a) *ba sukuni ro va to va nun va fathi lam žonivor ast... sirtlan* — над *r*, *t*, *n* сукун, *l* с фатхой, означает «животное».

Слово توستوغان 'чаша для питья кумыса' везде дается в форме *tustuyon*:

Halol ona sutidektur gar özbakim tutsa,
Tobuq qilib jukunib tustiyon içinda qimiz⁶.

'Если мой узбек, низко склоняясь,
Преподнесет в чаше кумыс чистый, как молоко матери'.

Составитель староузбекского словаря всюду на месте *o* последовательно проставляет гласный *a*:

توستوغان (766) *ba sukuni sin va nun va zammi toi qarašat va fathi ʔajni mõẓama közai lulador... tustayan* — над *s* и *n* сукун, *t* с заммой, *ʔ* с точкой фатхой, означает «кувшин».

Слово اولتانك 'кожа, которую накладывают на подошвы' в изданиях староузбекского языка пишется в форме *ultong*⁷. Мехдихан при

⁴ Алишер Навоий. Фаройиб-ус-сиғар. Тошкент, 1959, стр. 258.

⁵ Цифры в скобках означают страницу рукописи.

⁶ Алишер Навоий. Наводир-уш-шабоб. Тошкент, 1960, стр. 222.

⁷ «Навоий асарлари лугати». Тошкент, 1972, стр. 624.

описании фонетической структуры данного слова предлагает *t* читать с фатхой, то есть как *ta*:

اولتان (85a) *ba sukuni lam va nun va kofi ažami va fathi toi qara-
šat pusti budki burtax kafš va muza duzand... ultang* — над *l, n, g* сукун,
t с фатхой, означает «кожа, которую накладывают на подошвы».

Слова چيلو 'повод', 'поводья' и چولپان в данное время узбек-
ские текстологи пишут в форме *žilov* и *čölpan*⁸.

Qõlumda bandi žunun tasmasi ne fikr etkai
Parivašeķi, minib dev qõlqa olsa žilov⁹.

'В моей руке конец аркана (от шеи) безумного, не похоже ль это
На пери, севшую верхом на дива и взявшую в руки поводья'.

Фонетическое описание указанных выше слов также свидетель-
ствует о том, что данные слова должны писаться как *žilav*, *čölpan*:

چيالو (220a) *ba fathi lam va sukuni vov inoni asb bošad... žilav* —
l с фатхой, над *v* сукун, означает «повод»;

چولپان (214a) *ba žimi ažami va sukuni lam va nun va fathi boi aža-
mi bar vazni sultan nomi sitorai bud... čölpan* — *ž* персидский (т. е. *č*),
над *l* и *n* сукун, *b* персидский (т. е. *p*) с фатхой, огласовка по образцу
sultan, означает название звезды.

Слово تاوشالماق в словаре Навои дается как *tovšolmoq*¹⁰. Между
тем его фонетическое описание ясно показывает отсутствие гласного *o*:

تاوشالماق (1656) *ba sukuni vov va lam va fathi žini qarašat hasta va
monda šudan... tavšalmaq* — над *v* и *l* сукун, *š* с фатхой, означает
«утомляться» и «уставать».

Факт отсутствия в староузбекском языке гласного *o* < а подтверж-
дается также следующими примерами из старых словарей.

Составитель «Санглах» Мехдихан подчеркивает, что Навои слово
qanda (2776) употребил в нижеследующем бейте в двух значениях:
1) «где?»; 2) «в крови»; тем самым поэт создал прекрасный образец
поэтического приема, известного под названием *ийхом*:

Navoiy qan jaš ičra yarqu jari maj ičib doim
Demiškim rizq ajlabtur kõrung men qanda ul qanda¹¹.

'Навои погружен в кровь, возлюбленная же постоянно пьет вино.
И (он) говорит: жизнь так сделала, смотрите, где я, а где она'.

Этот пример показывает, что слово قان 'кровь' в староузбекском
языке произносилось в форме *qan*. Если бы данное слово произносилось
в XV веке с *o*, тогда поэт не смог бы воспользоваться поэтическим при-
емом *ийхом*, и составитель словаря, естественно, не стал бы на этом
останавливаться. Именно благодаря двузначности слова *qani*: 1) «где?»
и 2) «(ее) кровь» Навои в нижеследующем бейте создал прекрасное
двустишие с игрой слов:

Sariq ayriq bõldum, ej soqij xazoni hažr aro
Qani asfar majki, bor har qatrası bir qahrabo¹².

При прочтении с первым значением слова *qani* бейт переводится:

'Я заболел желтухой, о виночерпий, в осени разлуки,
Где желтое вино, в котором каждая капля жемчужина'.

⁸ «Навоий асарлари лугати», стр. 685.

⁹ Алишер Навоий. Бадоеъ-ул-васат. Тошкент, 1960, стр. 527.

¹⁰ «Навоий асарлари лугати», стр. 611.

¹¹ При приеме *ийхом* вторая строка может быть понята так: «И говорит, жизнь
так сделала, смотрите, я в крови, а она где».

¹² Алишер Навоий. Фавойид-ул-кибар. Тошкент, 1960, стр. 43.

При втором значении слова *qapı* бейт имеет следующий смысл:

‘Я заболел желтухой, о виночерпий, в осени разлуки,
Кровь — желтое вино, в котором каждая капля жемчужина’.

Еще пример: Тали Имани утверждает, что в следующем бейте Навои, используя двузначность слова *بارماق* (366) — 1) «палец» и 2) «ходить», создал *ийхом*:

Bardi tišlab barmaqin kõrgac Navoiy holini
Ham hajatu ham õlum kõrdum aning barmayida¹³.

‘Когда увидела состояние Навои, пошла прикусить палец,
В ее походке я увидел жизнь и смерть’.

Данное слово именно в форме *barmaq* имеет два значения. Если это слово произносилось бы так, как пишется сейчас — *borgmoq*, то подобная игра слов отсутствовала бы.

Мехдихан при объяснении слова *ايلان* (112a) подчеркивает, что оно имело два значения: 1) «змея» и 2) «связка». Это показывает, что данное слово в XVIII веке произносилось как *ilan*. Если бы это слово произносилось так, как пишется ныне — *ilon*, оно не смогло бы передавать указанные два значения.

В отсутствии в староузбекском языке гласного звука *o < a* можно убедиться также на основании следующих фактов. Мехдихан при описании фонетической структуры ряда слов сопоставляет их с другими, однако точно такими же по размеру и огласовке. Отсутствие в сопоставляемых словах гласного *o* также является одним из веских доказательств высказанного нами предположения. Например, Мехдихан при описании фонетической структуры слова *تانگ* уподобляет его слову, известному своей фонетической структурой как *bang* ‘крик’, ‘возглас’¹⁴: *تانگ* (1646) *bar vazni bang, se mani dorad avval subhro gōjang.., dujum ba manii taazžub.., sejum navoriro gōjand... tang* — огласовка по размеру *bang*, имеет три значения: первое — «утро», второе — «удивление», третье — «тесемка».

Если фонетический облик данного слова сходен с *bang*, то слово *تانگ* соответственно должно писаться в современной графике как *tang*.

Остановимся еще на примерах:

آسان (406) *bar vazni rasan jani sahih va solim va ba kasr alif niz mustamalijat... asan* — огласовка по размеру *rasan* ‘веревка’¹⁵, означает «здоровый» и «невредимый»; данное слово также произносят с алифом касрой — *isan*;

تابان (1516) *bar vazni daman posnai po bud... taban* — огласовка по размеру *daman* ‘подол’¹⁶, означает «пятки»;

تاو (1656) *bar vazni kav... ba manii kuh bud... tav* — огласовка по размеру *kav* ‘выгнутый’¹⁷, означает «гора...»;

چران (210a) *bar vazni xajran oxuro gōjand... žajran* — огласовка по образцу *xajran* ‘изумленный’¹⁸, означает «дикая коза».

Неупорядоченность написания ряда слов является еще одним фактом, подтверждающим отсутствие в староузбекском языке гласного *o < a*.

¹³ При приеме *ийхом* вторая строка может быть понята так: «В ее пальце увидел жизнь и смерть».

¹⁴ «Персидско-русский словарь». М., 1960, стр. 58.

¹⁵ Там же, стр. 245.

¹⁶ Там же, стр. 208.

¹⁷ Там же, стр. 393.

¹⁸ Там же, стр. 182.

Слова باشى 'голова', باغیر 'печень', 'сердце' в старых словарях находятся в фатховой группе слов и, значит, их следует транслитерировать в современной графике как baš и bağır. Заметим, что в настоящее время первое слово везде пишется в форме boš, а второе — bağır. На наш взгляд, приведенные факты со всей очевидностью подтверждают отсутствие в староузбекском языке XV—XVIII веков гласного о, замещавшего тюркский а. Поэтому при транслитерации текстов староузбекских авторов XV—XVIII веков в тюркских словах на месте о везде должно писаться а.

Т. Ш. КАДЫРОВ

О СЛОВАРЕ «ХУЛАСА-ЙЕ 'АББАСИ» МУХАММАДА ХУВАЙИИ

К числу малоизученных словарей XIX века относится чагатайско-персидский словарь «Хулāса-йе 'Аббāси» Мухаммада Хувайи, составленный к сочинениям Алишера Навои.

До сих пор не описаны состав и источники словаря, не освещены лексикографические принципы его составления. Между тем богатейший материал этого словаря и его изучение важны не только для исторической лексикологии тюркоязычных народов, но и для их современной общей лексикологии и лексикографии, особенно при сопоставлении толковых, этимологических, двуязычных, синонимических и авторских словарей.

Словарь Мухаммада Хувайи наиболее значительный по своему объему из словарей, созданных на основе произведений Алишера Навои¹. В нем дано толкование на персидском языке почти шести тысяч чагатайских слов и устойчивых словосочетаний. Приводится также большое число идиоматических сочетаний из арабского и персидского языков, употребляемых в произведениях Навои.

Мухаммад Хувайи при составлении своего словаря использовал обширную литературу на староузбекском языке и, в первую очередь, словарь «Санглах» Мирзы Мехдихана, созданный также на основе произведений Алишера Навои. По мнению некоторых ученых, «Хулāса-йе 'Аббāси» является сокращенным вариантом словаря «Санглах» Мехдихана². Проведенные же нами изыскания дают основание утверждать, что Мухаммад Хувайи создал оригинальный труд.

Словарные гнезда построены по первой букве толкуемых слов, образующих главы (здесь — *китаб*). Главы (их двадцать четыре) следуют в порядке арабского алфавита. На каждую букву приводится от 3 до 1000 слов.

Словарь состоит из четырех частей: предисловие автора (лл. 16—176); чагатайско-персидский словарь (лл. 176—1896); словарик к сти-

¹ См.: словарь «Бадаи' ал лугат» Тали Имани Гератского (XV в.); анонимный словарь «Абушка» (XVI в.); словарь «Санглах» Мирзы Мухаммада Мехдихана (XVIII в.); словарь «Китаб-и лугати атракиййа» Фатх 'Алихана Каджарского (по рукописи А. А. Ромаскевича) (XIX в.); словарь «Лугати чагатайи ва турки усмани» Шейха Сулеймана Бухари (XIX в.).

² См.: С. И. Баевский. Описание персидских и таджикских рукописей Института народов Азии. Вып. № 5, М., 1968, стр. 55—57; А. К. Боровков. «Бадаи' ал лугат» словарь Тали Имани Гератского к сочинениям А. Навои. М. 1961, стр. 5; А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.-Л., 1962, стр. 57; Э. А. Умаров. Грамматика староузбекского языка «Мабани ул лугат» Мирзы Мехдихана. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1967, стр. 3; К. Мухитдинов. «Санглах» Мирзы Мухаммада Мехдихана. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1971, стр. 5.

хам Навои (лл. 1896—203а); комментарии к отдельным сложным стихам Навои (лл. 204а—205а). Приложение носит название: *Dar ba'zi pokāti ke dar ketāb-e janāb-e amir ališer nawāij 'estemal šode az 'arabi wa fārsi wa kepājat* 'О некоторых моментах употребления арабских и персидских слов и иносказаний в книге достопочтенного Мир Алишера Навои'.

Лексический состав и структура. В словаре Мухаммада Хуваййи собрана разнообразная и богатая лексика староузбекского языка. Существительные даются в именительном падеже, имена прилагательные — в положительной степени. Глаголы как производные, так и непроизводные приводятся в форме инфинитива на *-maq* и *-māk*. Однако отсутствуют указания на источники и нет подтверждающих цитат.

Словарную часть «Хулāса-йе 'Аббāси» можно разделить на следующие основные тематические группы: 1. Названия небесных тел и природных явлений; 2. Названия географических объектов и предметов окружающего мира; 3. Названия сооружений, в том числе гидрологических; 4. Названия предметов домашнего обихода; 5. Названия органов и частей тела человека и животного; 6. Названия диких животных; 7. Названия пресмыкающихся, насекомых; 8. Названия птиц; 9. Названия домашних животных; 10. Названия профессий; 11. Слова, обозначающие родство, взаимоотношения и социальное положение людей; 12. Слова, обозначающие физические недостатки людей; 13. Названия болезней; 14. Слова, обозначающие цвет; 15. Слова, обозначающие признаки, качества и свойства предметов и явлений; 16. Слова, обозначающие времена года и суток; 17. Названия пищи, блюд, напитков, пищевых продуктов; 18. Названия полезных ископаемых; 19. Названия племен и национальностей; 20. Названия одежды; 21. Названия предметов, связанных с охотой; 22. Названия детских игр; 23. Наименования плодовых и декоративных деревьев; 24. Наименования целебных растений, цветов.

Определение структуры слов. Морфология слов в «Хулāса-йе 'Аббāси» разработана весьма основательно, в этом сказалось влияние многовековой традиции арабской и персидской филологии³. Имена даны в словаре в именительном падеже единственного числа, глаголы, как правило, в форме масдара (то есть в форме на *-maq* и *-māk*). Наряду с этим приводятся и производные формы глагола. В словаре преобладает описательный способ толкования структуры слова. Автор вводит в текст словарной статьи развернутые пояснения точного написания толкуемого слова, излагает порядок следования звуков в слове и дает их характеристику. Иногда Мухаммад Хуваййи рядом с толкуемым словом приводит другое общеизвестное слово, совпадающее с ним по составу слогов, с оговоркой, что соответствующие слова произносятся по образцу или по размеру (*бар вазни*) данного персидского слова.

Фонетическая подача вариантов слов. В словаре фонетические варианты слов даются либо рядом с основным словом (а), либо самостоятельно (б).

Толкование слов. В словаре встречаются четыре вида толкования слов. Самым употребительным является эквивалентный метод, то есть для каждого староузбекского слова приводится его персидский эквивалент.

Краткое толкование. Если в словаре семантический объем чагатайских слов не совпадает с объемом персидских, то автор дает краткое их

³ С. И. Баевский. Средневековая персидская лексикография. — В сб.: «История лингвистических учений», Л., 1981, стр. 115—129.

толкование и при этом стремится в лаконичной и ясной форме охарактеризовать на персидском языке староузбекское слово.

Подробное толкование. Мухаммад Хувайи при толковании ряда слов использует так называемый энциклопедический метод, подробно описывая значение слова.

Этимологическое толкование. Часть слов Мухаммад Хувайи толкует этимологическим методом — указывает, из какого языка это слово и каково его значение в персидском языке.

Словарь Мухаммада Хувайи содержит ценный лексический материал и его дальнейшее исследование, несомненно, представит значительный интерес для историков тюркских языков.

А. Н. КОНОНОВ

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ТУРЕЦКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. НОВОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО В ТУРЦИИ.

Проблема очищения турецкого языка от иностранных лексических заимствований, нашедшая выражение в провозглашенном К. Ататюрком лозунге «Освободить турецкий язык от ига иноземных языков», имеет довольно долгую предысторию.

В 1861 году в Стамбуле было создано «Cemiyet-i Ilmiyye-i Osmaniyye — Османское научное общество», издававшее журнал «Mecmu'a-i Fünun — Журнал наук». Это общество и его журнал ставили своей целью борьбу за «чистый турецкий язык» (Safi Türkçe), которую возглавили известные литераторы и общественные деятели Ибрагим Шинаси, Зия-паша, Намык Кемаль. Позднее, в конце XIX века борьбу за те же идеалы — упрощение и очищение турецкого языка — продолжила группа молодых писателей, объединившихся в литературное общество Servet-i Fünun (основано в 1890 г.), издававшее журнал под тем же названием¹.

Конец XIX века знаменует собой новый этап борьбы за «чистый турецкий язык», в котором со временем берут верх крайние пуристы, группировавшиеся вокруг газеты «İkdam» (основана 6 апреля 1894 г.)².

В начале XX века крайний пуризм уступил место так называемому ортодоксальному направлению, сторонники которого объединились вокруг журнала «Genç Kalemler» (основан в 1910 г. в г. Солоники), а после его закрытия — вокруг стамбульского журнала «Türk Yurdu».

Кредо «ортодоксов» изложил — в весьма умеренных выражениях — Зия Гёк Алп (1876—1924) в «библии» турецкого национализма «Türkçülük Esasları» (Анкара, 1921)³.

Известную положительную роль в истории преобразования турецкого письменно-литературного языка сыграло «Турецкое собрание — Türk Derneği» (основано в 1908 г.; Стамбул).

Деятельность перечисленных выше обществ и организаций не была в целом отмечена какими-либо значительными успехами ни в области развития турецкого языкознания, ни в очищении турецкого письменно-литературного языка от иноязычной лексики и приближении его к общенародной разговорной речи. К числу достижений турецких языковедов дореспубликанского времени следует отнести: издание словарей Ш. Сами-бея и Ахмеда Вефик-паши, а также введение в научный обиход «Свода тюркской лексики» Махмуда Кашгарского (XI в.), изданного в Стамбуле (1915—1917).

Новый плодотворный этап развития лингвистических и исторических исследований в Турции, опирающийся на поддержку государства, связан с научно-организационной деятельностью первого президента Турецкой республики Гази Мустафы Кемаль-паши (с 1934 г. — Кемаль

Ататюрк, 1881—1938), по инициативе которого было создано два научных общества: *Türk Tarihi Tetkik Heyeti* (23 апреля 1930), преобразованное 15 апреля 1931 года в *Türk Tarih Tetkik Cemiyeti* и переименованное в 1935 году в *Türk Tarih Kurumu* — Турецкое историческое общество (ТИО)⁴; *Türk Dili Tetkik Cemiyeti* (основанное 12 июля 1932 г.), преобразованное в 1934 году в *Türk Dili Araştırma Kurumu*, и получившее в 1936 году новое название *Türk Dili Kurumu* — Турецкое лингвистическое общество (ТЛО)⁵. В резолюции II съезда ТЛО (Стамбул, 18—23 августа 1934 г.) на первый план была выдвинута необходимость создания новой собственной турецкой терминологии во всех областях культуры, литературы, науки и техники. Этим решением было положено начало очищению турецкого языка от иноязычной лексики (в первую очередь от арабских и персидских заимствований), позднее получившее наименование: *Özleşme-Özleştirme*⁶.

Увлечение очищением турецкого языка от давно вошедших в его словарь арабских и персидских слов, прочно усвоенных общенародным турецким языком, замена их старыми тюркскими словами или искусственно созданными образованиями, часто непонятными турецкой читающей публике, вызвало резкое сопротивление значительной части турецкой интеллигенции, в первую очередь ученых лингвистов.

Одним из первых восстал против *özleşme-özleştirme* литературовед, историк, лингвист, профессор Стамбульского университета (основан в 1870 г.) Мехмед Фуад Кёпрюлю (1890—1966), создавший в 1924 году при университете *Türkiyat Enstitüsü* — Институт тюркологии, издающий с 1925 года журнал «*Türkiyat Mecmuası*».

В начале 1952 года Великое Национальное Собрание Турции по предложению депутата от Стамбула М. Ф. Кёпрюлю решило пересмотреть «туркизированный текст» Конституции с целью восстановления ее старого текста, существовавшего до 10 января 1945 года, что, безусловно, нанесло сильный удар по престижу ТЛО, создавшему новый текст Конституции, написанный «очищенным» турецким языком с использованием туркизированной юридической терминологии.

Пуристической деятельности ТЛО решительно воспротивились ученые-лингвисты профессора Стамбульского и Анкарского университетов, то есть наиболее авторитетные специалисты по турецкому языку.

Главой оппозиции ТЛО после смерти М. Ф. Кёпрюлю стал (недавно скончавшийся) профессор Стамбульского университета Фарук К. Тимурташ⁷, который, как и многие его сторонники, всю практическую деятельность ТЛО пренебрежительно называл, возникшим еще в конце прошлого века, презрительным термином *Uydurmacılık*, или еще более язвительно — сочетанием турецкого с французским — *Uydurmasyon*, то есть «брехня».

Увлечение очищением турецкого языка, его «отуречивание» порой выходило за пределы здравого смысла. Как утверждал известный турецкий лингвист и общественный деятель профессор Тахсин Бангуоглу: «...турецкий (письменно-литературный. — А. К.) язык вновь (то есть как это было в недалеком прошлом. — А. К.) отклонился от разговорного языка»⁸.

Неизвестные до того «новые» слова извлекались из памятников тюркской (а не только турецкой!) письменности; создавались путем калькирования, например: арабск. *местиа* — тур. *dergi* 'журнал', 'сборник' (корни обоих этих слов имеют значение «собирать»), арабск. *pazır* — тур. *bakan* 'министр' < 'наблюдающий'; арабск. *beynelmilel* — тур. *uluslararası* < фр. *international* 'международный', арабск. *fevkalade* — тур. *ola-*

ganüstü < фр. *extraordinaire* 'чрезвычайный' и многие другие; изобретались новые слова по принципу сходного звучания: okul — фр. *école* 'школа', genel — латинск. *generalis*; ulus-al 'национальный', kişi-sel 'человеческий', uz-man 'специалист' и т. д.; использовались давно ставшие непродуктивными словообразовательные аффиксы: kıl-ul 'совет', ilk-e 'принцип', bir-eу 'индивид', bir-eу-sel 'индивидуальный' и т. д.

Возник «новый» язык, торжественно провозглашенный *Öz Türkçe* 'истинно турецкий язык', при пользовании которым турок должен был ежеминутно заглядывать в словарь; такие словари были созданы, например: *Öz Türkçe Sözlük* (Ali Püskülüoğlu. Ankara 1975, 3-е издание); в рекламной аннотации об этом словаре говорилось следующее: *Öz Türkçe konusundа bütün güçlüklerinizi çözen sözlük* '(этот) словарь устранил все Ваши трудности при пользовании истинно турецким языком'. Движение за *Öz Türkçe* его сторонники называли *Dil devrimi* 'языковой революцией'.

В некоторых турецких журналах и газетах, на собраниях и совещаниях, посвященных проблемам развития турецкого языка, в последние годы стали все чаще раздаваться весьма резкие суждения по поводу основного направления деятельности ТЛО — очищения и создания «истинно» турецкого языка: «Они (то есть деятели ТЛО. — А. К.) превратили наш язык в общипанную курицу», «Они хотят заставить нас позабыть наше прошлое», «Они превратили турецкий язык в язык примитивного племени». В языковой политике и практике ТЛО некоторые его противники усматривали «влияние идеологии коммунистических стран»⁹, что расценивалось, как самый страшный грех.

Однако справедливости ради следует заметить, что полувековая деятельность ТЛО характеризуется и рядом положительных моментов, которые игнорировались оппозицией. К ним относятся: регулярная организация конгрессов ТЛО, издание словарей «*Tarama Sözlüğü*», «*Derleme Sözlüğü*», «*Türkçe Sözlük*» (семь изданий), многочисленные специальные отраслевые словари, орфографический словарь (девять изданий), исследования по грамматике, фонетике и диалектологии турецкого языка, издание памятников тюркской письменности (в том числе были изданы в переводе на турецкий язык «Диван» Махмуда Кашгарского, «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, сочинения Алишера Навои и др.)¹⁰.

Кроме того, в результате деятельности ТЛО разговорный и письменно-литературный языки обогатились значительным количеством новых слов, прежде всего общественно-политическими и техническими терминами, а также бытовой лексикой¹¹. Следует отметить также общую тенденцию (возможно, и не полностью зависящую от языковой политики ТЛО) — значительное упрощение (даже по сравнению с литературным турецким языком первой трети нашего столетия) синтаксиса турецкого письменно-литературного языка.

В начале 60-х годов и позднее в среде ученых и общественных деятелей, решительно выступающих против практики ТЛО в области «очищения» турецкого языка, наметилось движение за радикальную реорганизацию Лингвистического и Исторического обществ путем их слияния — в Академию наук — *Türk Bilimler Akademisi* или *Dil ve Edebiyat Akademisi*¹². Одновременно с осуществлением этой идеи, в качестве противоборствующих с ТЛО организаций создавались новые научные учреждения: «*Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü* — Институт исследований в области турецкой (тюркской) культуры» (Ankara, 1962), «*Türk Dilini Koruma ve geliştirme Cemiyeti* — Общество охраны и развития турецкого языка» (İstanbul, 1966).

Самым активным критиком деятельности ТЛО оказался «Siyasi ve Sosyal Araştırmalar Vakfı (SISAV) — Фонд политических и социальных исследований», который 26—27 декабря 1980 года в Стамбуле провел Türk Dil Seminari — Семинар по турецкому языку¹³, на котором видные турецкие лингвисты Фарук К. Тимурташ, Мухаррем Эргин, Зейнеб Коркмаз, Хасан Эрен и другие выступили с резкой критикой деятельности ТЛО¹⁴.

Позиция ученых — противников ТЛО нашла поддержку в правительственных кругах. Однако у сторонников сохранения ТЛО и ТИО был несокрушимой силы аргумент — оба Общества были созданы по инициативе Кемаля Ататюрка: оба они были его детищем, а нарушение воли покойного президента могло быть расценено только как святотатство¹⁵.

После длительной борьбы противостоящих сторон было принято компромиссное решение: оба общества—ТЛО и ТИО (хотя деятельность последнего не подвергалась серьезной критике) — в качестве полных подразделений входят в состав нового научного объединения: «Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu — Высшее общество культуры, языка и истории имени Ататюрка», закон о создании которого был принят 11 августа 1983 года (опубликован в «Resmî Gazete» 17 августа 1983 г.).

Согласно ст. 2 этого решения, новое общество создано с целью изучения на научной основе и распространения революционных идей Ататюрка, а также воплощения в жизнь его принципов. Общество создается в Анкаре и действует под наблюдением и покровительством Президента республики, подчиняясь ведомству премьер-министра. В составе Общества имеются следующие подразделения: 1. Atatürk Araştırma Merkezi — Исследовательский Центр имени Ататюрка (ИЦ); 2. Türk Dil Kurumu — Турецкое лингвистическое общество (ТЛО); 3. Türk Tarih Kurumu — Турецкое историческое общество (ТИО); 4. Atatürk Kültür Merkezi — Культурный центр имени Ататюрка (КЦ). Юридическим лицом является объединяющее эти четыре подразделения — Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu. Аппарат Общества (ст. 3): Верховный Совет (Yüksek Kurul), Административный совет (Yönetim Kurulu), председатель (Yüksek Kurum başkanı. Им назначен Suat İlhan), генеральный секретарь (Genel Sekreter), Контрольный Совет (Denetleme Kurulu). Верховный Совет состоит из премьер-министра или уполномоченного им государственного министра, начальника генерального штаба или второго начальника генерального штаба, государственного министра по делам оповещений и информации, министра народного образования, министра культуры и туризма, министра по делам молодежи и спорта, генерального секретаря Совета национальной безопасности, председателя Совета высшего образования, председателя Верховного Совета общества и четырех членов, назначаемых президентом республики, Президент республики при необходимости председательствует в Верховном Совете.

В случаях, когда премьер-министр сочтет нужным, в заседаниях Верховного Совета принимают участие, но не голосуют: Генеральный директор Турецкого радио и телевидения, советник по делам информации при премьер-министре, ответственные сотрудники других общественных организаций и учреждений (ст. 5).

В статьях 5—16 излагаются права и обязанности всех должностных лиц, указанные в статье 3.

Atatürk Araştırma Merkezi — Исследовательский центр имени Ата-

турка (ИЦ). Цели и задачи Центра (ст. 18): ознакомление населения с учением кемализма, пропаганда революционных идей и принципов Ататюрка, а также публикация работ на эти темы. В ст. 19 разъясняются и детализируются основные направления деятельности Центра.

Членство в Исследовательском центре им. Ататюрка, равно как и в других подразделениях Общества, представлено тремя ступенями: а) *Asli üye* — действительный член; б) *Şeref üyesi* — почетный член; в) *Haberleşme üyesi* — член-корреспондент.

Число действительных членов в момент организации Центра устанавливается равным двадцати, однако оно может быть доведено до сорока (ст. 21).

В состав почетных членов Центра, также как и в другие подразделения Общества, могут быть избраны как граждане Турецкой республики, так и иностранцы.

Аппарат Центра (и других подразделений Общества) состоит (ст. 24) из: а) председателя (им назначен профессор *Utkan Kocatürk*), б) ученого совета (*Bilim Kurulu*); в) исполнительного совета (*Yürütme Kurulu*); г) секретаря; д) научных отделов и отделов реализации (практического использования добытых результатов — *Bilim ve uygulama kolları*).

Türk Dil Kurumu — Турецкое лингвистическое общество (ТЛО), основанное Ататюрком, теперь «заново устроенное» (*yeniden düzenlenmiştir*), входит в состав *Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu* (ст. 35); председателем ТЛО назначен проф. Хасан Эрен.

ТЛО ставит своей целью (ст. 36): выявлять красоту и богатство турецкого языка, способствовать его совершенствованию, соответствующему уровню наиболее развитых языков земного шара.

Функции ТЛО (ст. 37): а) заниматься извлечением данных о турецком языке из письменных и устных источников; б) вести исследования, способствующие развитию турецкой культуры, а также содействовать обретению турецким языком своего естественного состояния (*özleşme*), его обогащению и проведению этимологических изысканий; составлять и издавать орфографические и другие словари; в) проводить исследования по проблемам турецкого языкознания, и, основываясь на них, готовить и издавать лингвистические материалы, освещающие вопросы грамматического и лексического строя турецкого языка и его истории; вести лингвистические сравнительно-исторические исследования; г) проводить исследования и изыскания, направленные на выявление турецких соответствий терминам, используемым в науке и искусстве; д) учитывая объединяющую и сплачивающую разные поколения роль турецкого языка, являющегося одной из фундаментальных составляющих бытия наций, принимать самые различные меры с целью упрочения, развития и распространения среди молодого поколения любви и сознательного отношения к турецкому языку; готовить необходимые пособия, помогать всем обществам и учреждениям, занимающимся обучением и просвещением; оказывать содействие организациям печатающим и распространяющим книги, сотрудничать со всеми действующими в данных областях организациями; е) организовывать конгрессы, симпозиумы, конференции, собрания, выставки, экскурсии по проблемам турецкого языка и языкознания; принимать участие в подобного рода мероприятиях, проводимых как в пределах страны, так и вне ее; ж) публиковать результаты исследований и изысканий, выпускать периодические и непериодические издания; з) сотрудничать соответственно своим целям и задачам в стране и вне ее с физическими и юридическими лицами, а также с учебными,

научными, культурными, искусствоведческими обществами и учреждениями, а также с исследовательскими центрами, с исследователями, писателями и деятелями искусства; и) исследовать, изучать, рецензировать издания, связанные с целями и задачами ТЛО, выходящие в стране и вне ее; к) проводить научные исследования, облегчающие иностранцам изучение турецкого языка; л) осуществлять и другие функции, предлагаемые Верховным Советом, Высшим обществом и данным законом.

Следует иметь в виду, что этноним *Türk* используется турецкими учеными как в видовом (турок, турецкий), так и в родовом (тюрок, тюркский) значениях.

Число действительных членов ТЛО ограничивается сорока членами; двадцать из них избираются Верховным Советом из числа лиц, имеющих высшее образование и обладающих опытом административной работы, могущих быть использованными на государственной службе; вторые двадцать членов избираются Советом по высшему образованию из педагогов, способных осуществлять цели ТЛО. Срок полномочий действительного члена — шесть лет, по истечении которого он может быть переизбран (ст. 39).

Статьи 44—52 определяют обязанности председателя ТЛО, функции и основы деятельности ученого и исполнительного советов, обязанности секретаря и функции отделов ТЛО.

Türk Tarih Kurumu — **Турецкое историческое общество (ТИО)** основанное «по воле и желанию Ататюрка и находящееся под его высоким покровительством» является юридическим лицом; оно подверглось реорганизации (*yeniden düzenlenmiştir*) и теперь включено в состав *Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu* (ст. 53).

Цели ТИО (ст. 54): проводить исследования и изыскания, издавать и распространять труды по истории турок и истории Турции, а также разрабатывать темы, связанные с историей культуры турок; основываясь на этих исследованиях, написать историю турок и историю Турции.

Функции ТИО (ст. 55): а) проводить разыскания и исследования источников по истории турок и истории Турции; публиковать исследования и труды, имеющие научное значение для указанных выше тем; б) собирать, исследовать и, в необходимых случаях, переводить на турецкий язык, распространять и издавать литературу по истории турок и Турции; в) собирать документы и другие материалы, могущие быть использованными для освещения истории турок и Турции; создавать архивы и центры документации; проводить и организовывать исследования, изыскания и раскопки, необходимые для получения документов и материалов, освещающих историю турок и Турции; г) основываясь на источниках, указанных выше, создавать и публиковать труды по истории турок и истории Турции; д) проводить научные заседания для распространения и пропаганды новых открытий и научных исследований; организовывать конгрессы, выставки и экскурсии; е) принимать все необходимые меры, содействующие упрочению, развитию и распространению любви и сознательного отношения к истории, что является одним из основных условий продолжения национального существования; принимать меры, способствующие активизации и поддержке исследований и работ по истории; составлять необходимые планы и программы деятельности; ж) сотрудничать, соответственно своим целям и функциям с архивами, исследовательскими обществами и издательствами, организациями и исследовательскими центрами в стране и вне ее, занимающимися историей турок и Турции, составлять планы и программы

работ; 3) входить с санкции Верховного Совета в качестве членов в турецкие или иностранные научные общества, посылать своих представителей для участия в конгрессах; проводить с этими обществами совместные исследования и изыскания; и) осуществлять другие виды деятельности, которые предложит Верховный Совет, Высшее Общество и положения данного закона.

Категории членов ТИО (ст. 56) и его структуры (ст. 60) в точности соответствуют таковым других подразделений Общества (ст. 20, 24, 38, 42).

ТИО (ст. 70) делится на следующие научные отделы и отделы реализации (практического применения полученных результатов):

а) Eskiçağ Bilim ve Uygulama Kolu — Отдел Древней истории и реализации полученных результатов;

б) Ortaçağ Bilim ve Uygulama Kolu — Отдел истории Средних веков и реализации;

с) Yeniçağ Bilim ve Uygulama Kolu — Отдел истории Нового времени и реализации;

д) Yakınçağ Bilim ve Uygulama Kolu — Отдел истории Новейшего времени и реализации.

Кроме названных отделов в случае необходимости могут быть созданы новые временно или постоянно действующие отделы.

Türk Tarih Kurumu Komisyonları — Комиссии ТИО (ст. 71): а) Yayın Komisyonu — Издательская комиссия; б) Kitaplık Komisyonu — Библиотечная комиссия; с) Arşiv ve Dokümantasyon Komisyonu — Комиссия по архивам и документациям; д) Basımevi Komisyonu — Комиссия по делам типографии.

Каждая комиссия состоит из председателя и двух членов, избираемых Ученым Советом из числа действительных членов ТИО.

Atatürk Kültür Merkezi — Культурный центр имени Ататюрка (КЦ). Его целью является (ст. 73) исследование, изучение, публикация и распространение в народе идеологии кемализма, идей и революционных принципов Ататюрка; повышение турецкой культуры, составляющей основу национального существования и могущества; борьба за совершенствование турецкой национальной культуры с точки зрения достижений современной цивилизации.

Задачи КЦ (ст. 74): а) изучать, исследовать, распространять и публиковать труды по истории и вопросам развития турецкой литературы, турецкого искусства, турецкого фольклора, турецкого права и обычаев; б) пропагандировать в массах турецкую культуру в рамках основных положений, определенных целями КЦ; в) сотрудничать с обществами, организациями, исследовательскими центрами, физическими и юридическими лицами, действующими и функционирующими как в стране, так и вне ее в области исследований и изысканий по проблемам турецкой культуры, способствующими распространению турецкой культуры; г) принимать участие в деятельности общественных учреждений, организаций и специализированных обществ, занимающихся различными областями турецкой культуры; д) публиковать периодические и неперіодические издания; устраивать конгрессы, конференции, собрания, смотры, экскурсии и выставки и т. п.; е) осуществлять различного рода мероприятия, необходимые для пропаганды как в стране, так и вне ее турецкой культуры, обычаев и традиций; проводить совместную деятельность с обществами и организациями, занимающимися аналогичной деятельностью; ж) осуществлять другие функции по заданиям Верховного Совета, Высшего Общества и данного закона.

Структура КЦ точно такая же как и других подразделений Общества (см. выше).

Этим же законом (ст. 90) предусматривается учреждение премии: Atatürk Uluslararası Barış Ödülü (Международная премия мира имени Ататюрка), которой награждаются физические и юридические лица, внесшие вклад в упрочение мира, дружбы, взаимопонимания между народами. Премия присуждается одному лицу или обществу один раз в год, вне зависимости от расы, языка, цвета кожи, пола и вероисповедания награждаемого.

Кандидат, представляемый к премии, выдвигается Советом Международной премии мира имени Ататюрка и утверждается президентом республики не позднее 23 апреля каждого года; премия, включающая медаль с рельефным изображением портрета Ататюрка, денежную награду и грамоту, вручается ежегодно 19 мая в день Праздника молодежи и спорта, посвященного памяти Ататюрка. Первый раз премия будет присуждена в 1986 году.

В статье 103 указанного выше закона предусматривается образование при президенте республики Milli Komite — Национального комитета (НК), в который входят премьер-министр, начальник генерального штаба, заинтересованные государственные министры, министр народного просвещения, министр по делам культуры и туризма, председатель Верховного общества культуры, языка и истории, а также не более восьми специалистов, рекомендованных премьер-министром и утверждаемых президентом республики.

О целях и функциях Национального Комитета в названной статье закона ничего не сказано.

¹ Подробнее об этом см.: А. Д. Желтяков. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908). М., 1972, стр. 226—232; А. Н. Кононов. Очерк истории изучения турецкого языка. Л., 1976, стр. 63—70.

² K. Foy. Der Purismus bei den Osmanen. — «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der Universität zu Berlin», 1898, Bd. 1—2, стр. 20—55; J. Germanus. Osmanische Puristen. — «Keleti Szemle», XI, 1910, стр. 40—57.

³ Подробнее об этом см.: А. Н. Кононов. К истории формирования турецкого письменно-литературного языка. — «Тюркологический сборник. 1976», М., 1978, стр. 275—278.

⁴ Подробнее об этом см.: İğdemir, Uluğ. Cumhuriyetin 50. Yılında Türk Tarih Kurumu Ankara, 1973, 155 s.; Çöker, Fahri, Amiral. Türk Tarih Kurumu. Kuruluş amacı ve çalışmaları. Ankara, 1983, 806 s.

⁵ А. Н. Кононов. Очерк истории изучения турецкого языка, стр. 70—77.

⁶ A. Dilâçar. Türkiye'de dil özleşmesi. Ankara, 1969 (обширная библиография); Ö. A. Aksoy. Özleştirme durdurulamaz. Ankara, 1969; ego же. Gelişen ve özleşen dilimiz. Dördüncü baskı. Ankara, 1975; С. А. Орлов. Языковая реформа и лексикографическая работа в Турции. — «Советская тюркология», 1976, № 2, стр. 89—97.

⁷ См. его программное сочинение: Faruk K. Timurtaş. Türkçemiz ve uydurmacılık. İstanbul, 1977, 413 s.

⁸ Tahsin Banguoğlu. Ana Hatlarıyla Türk Grameri. İstanbul, 1979, стр. 301.

⁹ Emin Özdemir. 1983'te Türk dili ve yazınına genel bir bakış. — «Somut», 30.XII. 1983, стр. 9 (стамбульская еженедельная газета).

¹⁰ Библиография изданий ТЛО см.: Türk Dil Kurumu'nun 40 yılı. Ankara, 1972; A. S. Levend. Türk dilinde gelişme ve sadeleşme evreleri. Üçüncü baskı, Ankara, 1972; A. Dilâçar. Dil, Diller ve Dilcilik. Ankara, 1968; E. Vardarli. Derleme ve Tarama kolu çalışmaları (1932—1983). — «Türk Dili», № 382, 1983, стр. 345—354; П. И. Кузнецов. Издания и публикации «Турецкого лингвистического общества». — «Советская тюркология», 1972, № 6; Э. А. Умаров. О фразеологических словарях турецкого языка. — «Советская тюркология», 1979, № 2; А. Н. Баскаков. О некоторых типах турецких словарей. — «Лексикографический сборник», III, М., 1958, стр. 139—153 (список турецких словарей, стр. 150—153).

¹¹ См.: Г. И. Антелава. Краткий турецко-русский словарь «новых» слов. Тбилиси, 1978.

¹² Подробнее об этом см.: Nesin Vakfı. Edebiyat Yılı, 1981, İstanbul, 1981, стр. 93—109; там же, 1982, İstanbul, 1982, стр. 583—585, 651—652; там же, 1983,

Istanbul, 1983, стр. 240—266; А. Н. Кононов. Очерк истории изучения турецкого языка, стр. 77.

¹³ *Nesin Vakfı. Edebiyat Yıllığı*, 1982, стр. 568—575.

¹⁴ Там же, стр. 570.

¹⁵ Именно из этих соображений, некоторые газеты высказывались за сохранение названных обществ в их настоящем виде: *Atilla Say. Atatürk'ün vasiyeti* («Cumhuriyet», 15.I.1983); *H. V. Velidedeoğlu. Atatürk'ün vasiyeti bozulamaz* («Cumhuriyet», 16.I.1983); *M. Soysal. Hukukla oynamak* («Milliet», 18.I.1983).

РЕЦЕНЗИИ

М. К. НУРМУХАМЕДОВ. СКАЗКИ А. С. ПУШКИНА И ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗД-ВО «ФАН», УЗБЕКСКОЙ ССР, ТАШКЕНТ, 1983, 50 стр.

Существует немало работ, посвященных связи творчества великого русского поэта А. С. Пушкина с жизнью и культурой народов Кавказа, с классической поэзией Востока (например, работы Р. Ф. Юсуфова, Н. Лобиковой, Д. Белкина и др.). В то же время изучением проблемы типологической общности сказочных сюжетов и других фольклорных элементов в произведениях А. С. Пушкина и в фольклоре народов Средней Азии до сих пор никто не занимался. Этот пробел частично восполняется рецензируемой книгой.

Обращаясь к сюжету известной пушкинской «Сказки о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди», М. К. Нурмухамедов анализирует и сопоставляет сюжетные ходы и образные детали сказки А. С. Пушкина и узбекских сказок «Легенда о трех девушках», «Хасан и Зухра», «Тахир и Зухра», каракалпакского народного эпоса «Шарияр», сказки Бердаха «Царь-самодур», обнаруживая при этом их явную типологическую общность. Ссылаясь на материалы и высказывания таких исследователей и востоковедов, как Г. П. Снесарев, И. М. Оранский, Н. И. Туманович, К. А. Айимбетов, К. Максегов и других, М. К. Нурмухамедов уточняет, дополняет и развивает некоторые выдвинутые ими положения, высказывая одновременно свои оригинальные суждения и гипотезы. Так, например, он останавливается на некоторых предположениях Г. П. Снесарева, изложенных им в статье «Об одном Средне-Азиатском варианте сюжета пушкинской „Сказки о царе Салтане“», опубликованной в «Кратком сообщении Института этнографии АН СССР» (М., XXXV, 1960, стр. 49—53). М. К. Нурмухамедов в связи с этим пишет, что в конце 50-х годов, участник Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР Г. П. Снесарев записал со слов 52-летнего Юнусджанишана, жителя Шаватского района Хорезмской области Узбекской ССР, легенду,

очень близкую по сюжету к пушкинской «Сказке о царе Салтане»: «В этой легенде имеются мотивы коварства старших жен царя, подмены мальчика щенком, а девочки — кошкой, изгнания царем своей младшей жены, разоблачения клеветы выросшим сыном царя, изгнание старших жен... и т. п.». Г. П. Снесарев отмечает, что «некоторые элементы Хорезмской легенды очень интересны для выяснения ареала тех сюжетных источников, из которых Пушкин мог черпать материал для своей сказки». Интересно его сравнение образа пушкинской царевны-Лебеди и пери из хорезмской легенды, с помощью которой сын падишаха строит Золотой город. Г. П. Снесарев считает, что царевна-Лебедь является «русифицированным образом восточной пери».

Подчеркивая убедительность аргументов Г. П. Снесарева, М. К. Нурмухамедов выражает свое несогласие с точкой зрения Е. Аничковой, которая возводит сюжет пушкинской сказки к греческой мифологии. В то же время автор книги отмечает, что верные наблюдения Г. П. Снесарева относительно типологической общности пушкинской сказки и хорезмской легенды сочетаются с некоторыми неоправданными и ничем не аргументированными предположениями о том, что узбекская сказка «Хасан и Зухра» сложилась под влиянием творчества поэта на устное народное творчество. Возможно, что в процессе литературного редактирования сказки «Хасан и Зухра» в нее были внесены какие-то элементы, навеянные произведением А. С. Пушкина, однако это еще не дает оснований говорить о влиянии А. С. Пушкина на узбекский фольклор.

М. К. Нурмухамедов в своем исследовании показывает, что наряду с русскими и славянскими фольклорными мотивами, а также мотивами других исторических и культурных источников в «Сказке о царе Салтане» А. С. Пушкина, прослеживается общность также с некоторыми сюжетными

линиями среднеазиатских фольклорных произведений. Автор старается объяснить причины возникновения этой общности. Основываясь на высказываниях русских и советских литературоведов и фольклористов, М. К. Нурмухамедов отмечает обычность влияния быстросмигрирующих, кочующих сказочных фольклорных сюжетов разных времен и народов на национальные литературы как при непосредственных, так и опосредствованных контактах в процессе исторического развития. Как справедливо предполагает автор, некоторые типологически сходные сюжетные элементы и мотивы русского и среднеазиатского сказочного эпоса вполне могли войти в сюжетную канву пушкинской сказки (подслушивание царем, бочка, брошенная в море, и др.).

С данной точки зрения автор разбирает и такие пушкинские произведения, как «Сказка о Золотом петушке», и «Руслан и Людмила». Он пытается раскрыть связи и

показать созвучность сюжетных мотивов и образов этих произведений с фольклором и классической литературой народов Средней Азии (например, «Рустам дстон», «Шахнома» и др.), дополняя и уточняя отдельные высказывания других исследователей.

Во введении автор подчеркивает ограниченность поставленной им перед собой задачи, заключающейся в попытке хотя бы частично раскрыть проблему «Пушкин и фольклор народов Советского Востока», не претендуя на исчерпывающее ее освещение. Путем сопоставления пушкинских сказки с богатыми историческими, фольклорными и этнографическими материалами народов Средней Азии, М. К. Нурмухамедов создал оригинальное исследование, представляющее интерес как для ученых республики, так и для востоковедения в целом.

Э. Фазылов, Ш. Турдыев

ЯШАР КАРАЕВ. ЭТАПЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО РЕАЛИЗМА

ИЗД-ВО «ЯЗЫЧЫ», БАКУ, 1983, 286 стр.

Рецензируемая книга Яшара Караева «Этапы развития азербайджанского реализма» отличается новизной поставленных в ней научных проблем, неординарным их решением. Проблемы, затрагиваемые в рецензируемой работе, уже около двух десятилетий дискутируются в советском литературоведении. Я. Караев рассматривает их на конкретном материале азербайджанской литературы.

Позволим себе привести несколько пространную цитату из книги Я. Караева, ибо она чрезвычайно важна для уяснения ее сути: «Долгое время в ориенталистике наблюдалась тенденция во всем, что касается идеологии старинного Востока, усматривать проявления аскетизма и мистики. Поэтому, как будто в противовес этой крайности, выступает другая тенденция — стремление найти на Востоке, начиная с глубокого средневековья, сугубо „европейский“ реализм... Между тем, история и типология, этапы развития восточной художественной мысли не совпадают с европейской моделью: античный период, средние века, Ренессанс, классицизм, просветительство, сентиментализм, романтизм, критический реализм — точной аналогией таким последовательным сменам литературно-исторического развития на Востоке не было» (стр. 8).

Автор справедливо критикует исследователей, пытающихся даже в устном народ-

ном творчестве усмотреть проявление реализма или романтизма, не учитывая специфики фольклора и национальных особенностей формирования и развития духовной культуры. Прав он и тогда, когда выступает против смещения художественного метода с направлением литературно-общественной мысли, что зачастую влечет за собой ошибочные выводы. Так, например, произведения классического просветительского реализма зачастую рассматриваются сквозь призму критериев критического реализма и вслед за тем оцениваются как «ограниченные и незрелые». Автор справедливо подчеркивает неправомерность и научную неоправданность разграничения «зрелого» и «незрелого» реализма. Правильны, на наш взгляд, высказывания об имеющих место подмене реальной истории развития дореволюционной литературы историей одного лишь «реализма» или «критического реализма», выискивании элементов реализма в дореалистической литературе, утверждении романтического характера средневековой восточной литературы в отличие от европейской ренессансной.

Обращаясь к азербайджанской литературе, автор справедливо определяет поэзию Вагифа как «предреалистическую», ибо новый тип восприятия жизни еще не стал для Вагифа цельной, законченной системой реалистического отображения действительно-

сти. Реальный, предметный мир его поэзии — это мир житейской эмпирики, еще не пронизанной целостным социально-историческим мышлением художника-реалиста. Поэзия Вагифа — необходимый шаг на пути к поэзии просветительского реализма. Вполне убедительными представляются следующие суждения и выводы исследователя: «В сущности, реализм Вагифа не намного продвинулся дальше реализма ашугской лирики, точнее, ее вершинных достижений. В своих гошамах и герайлы Вагиф ограничивается достижениями традиционных жанров устного народного творчества... Жанры и стилистика фольклора поднимаются у Вагифа на уровень блестящего письменного мастерства — вот и все» (стр. 53).

Решительно возражает Я. Караев и тем, кто пытается представить творчество Вагифа как реализм Ренессанса. Какие-то элементы, сближающие его с Ренессансом, действительно имеются, но нет самого главного — единой социально четкой концепции восприятия мира и человека. Эстетическое отрицание и эстетическое утверждение в реализме Возрождения всегда составляли диалектическое единство, а разрешение трагизма бытия находилось в пределах практических человеческих возможностей, оно было социально значимым. Этого у Вагифа нет.

«Средние века в Европе завершаются Ренессансом, — пишет Я. Караев, — на Востоке историческую миссию Ренессанса в роли „завершителя Средневековья“ берет на себя просветительство. У большинства народов Средневосточного региона антифеодалная идеология получает наиболее последовательный и революционный характер именно в период просветительского движения. Благодаря многогранной деятельности М. Ф. Ахундова меняются социальная направленность, эстетическая функция, художественный облик азербайджанской литературы. Архимедову „точку опоры“ Ахундов ищет и находит в просветительских социально-философских идеях нового времени, которые, по его убеждению, наиболее полно отвечали потребностям общественного развития его народа» (стр. 58—59).

Особенности просветительского реализма автор усматривает в том, что свойственное романтизму средних веков воспевание духовной красоты и подвижничества заменяется здесь утверждением разума и призывами к просвещению. Начинают превалировать рационализм и дидактика, открыто выраженные публицистические тенденции. Конфликт и характер героя, типические обстоятельства непосредственно связываются с проблемами гражданского воспитания.

По мнению Я. Караева, примерно с середины XIX века в Азербайджане начинает развиваться просвещение в европейском понимании. Главным героем просветительской литературы становится интеллигент,

оптимистичный, активный, наделенный высокими гражданскими чувствами. В отличие от Европы, «царство разума» здесь — не идеализированное царство буржуазии (ибо последняя тогда была еще слишком малочисленна и слаба) и не воцарение крестьянских идеалов (ибо крестьянство было тогда еще слишком патриархальным). Азербайджанское просветительство не было в то время классово дифференцировано, хотя и приняло некоторые идеалы революционной буржуазии (антисословность, личностное сознание, культ свободного познания, светское образование) и революционной демократии (атеизм, радикализм, мятежность). Для азербайджанского просветительства в области художественной литературы в начале XX века характерны, с одной стороны, просветительский реализм, приближающийся к европейскому критическому реализму XIX века, с другой — формирование просветительского романтизма; причем, в отличие от Европы, где обычно романтизм выступает против эстетики просветительства, здесь просветительская идеология сочетается с просветительской эстетикой. Таким образом, романтическое течение в Азербайджане возникает в недрах позднего просвещения и на почве просветительских идеалов. Причем — что особенно важно — это не рецидив средневекового восточного романтизма, а романтизм европейского типа в его национальном преломлении. Просветительская направленность отличает его и от европейского неоромантизма.

На грани XIX и XX веков, по мысли автора, подготавливается и почва для критического реализма XX века. «Критический реализм утверждает на базе исторических завоеваний просветительского реализма, но не как вершинное явление его, не как апогей его зрелости, а как качественно новый и самостоятельный тип реализма, сменивший просветительский реализм на стадии его кризиса. Критический реализм в Азербайджане рождается именно как историческая реакция художественной мысли на эпоху, когда буржуазная мораль и буржуазный образ жизни уже исчерпали себя... Гармоническая полнота и художественная воплощенность здесь... достигли высочайшего уровня, потому что они полностью сочетались с революционно-критическим отношением к той действительности, где все протнило, все остановилось и кончилось, все зывало к переменам» (стр. 69—70).

Переходя непосредственно к анализу фактического материала, Я. Караев последовательно и весьма убедительно подтверждает на конкретном материале азербайджанской литературы изложенные выше тезисы, раскрывая специфику формирования социалистического реализма в азербайджанской литературе.

Книга Я. Караева содержит интересный материал о специфике литературного развития народов советского Востока. Многие

из того, что постулируется им в отношении к азербайджанской литературе, в значительной мере может быть применимо и к истории казахской, татарской, узбекской и

других литератур тюркоязычных народов нашей страны. В этом ценность работы для тюркологии в целом.

Р. Бердибаев

Р. К. РЭХИМОВА. ТАТАР ТЕЛЕНЕҢ ҺӨНӘРЧЕЛЕК ЛЕКСИКАСЫ

ТАТАРСТАН КИТАП НӘШРИЯТЫ, КАЗАН, 1983, 160 стр.

Актуальность изучения народной терминологической лексики признана многими учеными¹. Описание и фиксация тематических групп слов, определение их происхождения имеет большое значение для исследования истории языка и истории его носителей, тем более, что в эпоху НТР многие реалии материальной культуры навсегда уходят в прошлое, а названия, их обозначающие, исчезают.

В этой связи несомненный интерес представляет книга Р. К. Рахимовой «Татарская профессиональная лексика», посвященная исследованию татарских народных терминов, связанных с ткачеством, изготовлением одежды, обуви и головных уборов.

Монография написана на основе материалов, собранных автором в казанских районах Татарии, издавна славящихся народными ремеслами. Помимо этого, Р. К. Рахимова использовала материалы этнографической, исторической, искусствоведческой, технической и художественной литературы, ибо профессиональная лексика находится в тесной связи со многими экстралингвистическими фактами.

Работа состоит из введения, двух глав и приложения, где приводятся народные пословицы, загадки и песни, содержащие профессиональную лексику. Книга иллюстрирована образцами узоров и вышивок.

Во введении кратко освещается история изучения профессиональной лексики татарского языка, рассматривается ее возникновение и развитие в связи с историей народных промыслов.

В первой главе «Семантические группы названий», состоящей из четырех разделов, дана обстоятельная характеристика семантических разрядов профессиональной лексики: терминов, относящихся к ткачеству, швейному промыслу, изготовлению головных уборов и обуви. Следует отметить, что автору удалось установить единый принцип классификации указанных семантических групп. Так, в каждом разделе ана-

лизируются названия сырья, материалов, затем названий орудий труда и их деталей; потом автор останавливается на названиях процессов, наименованиях изделий и их видов.

Разделы начинаются с небольшого экскурса в историю данной отрасли ремесла. В первом разделе, посвященном ткачеству, автор приходит к интересному выводу о том, что терминология данного ремесла состоит преимущественно из собственно татарских слов, объясняя это тем, что ткачеством занимались только женщины. А поскольку женщины жили в мире, ограниченном четырьмя стенами их домов, то и названия орудиям труда они давали, сопоставляя их с уже известными и понятными реалиями, например, *карга борыны* букв. 'нос вороны'; *кәйше кузе* 'узел, звено', букв. 'глаз (заплетенной) основы'; *әвернә канаты* 'крестовина', букв. 'крылышко' и т. п. (стр. 20).

В следующем разделе первой главы рассматривается лексика, относящаяся к изготовлению одежды. В противоположность ткачеству, портняжным промыслом занимались преимущественно мужчины. Портные с подмастерьями ходили по деревням и жили в домах заказчиков. Их лексика характеризовалась профессиональным жаргоном, который обычно не был понятен хозяевам.

Автор правильно отмечает, что в лексике швейного дела, в отличие от лексики ткачества, довольно много слов иноязычного происхождения. Это объясняется тем, что Россия вела торговлю со многими странами и товары, привозимые из чужих стран, часто сохраняли свои названия. Таковы *муслин*, *мадаполам*, *шифон*, *батист*, *вуаль*, *парча*, *жакет*/*жикит*, *жилет*/*жилит*, *костюм*/*кәчтүн* и т. д.

В разделе о терминологии головных уборов автором анализируются названия татарских шапок: *татар бүреге*/*йомры бүрек*, *кырпылы бүрек*/*камалы бүрек*, *тәвеккәд бүрек*, *мескен бүрек* и др. Высокие шапки из серой мерлушки или смушки, называвшиеся *данадар бүрек* (<перс. *dana* 'ученый', *dara* 'обладающий'), носили представители духовенства — ишаны, хаджи, и муллы. Основная часть лексики, относящейся к изготовлению головных уборов,

¹ См.: А. А. Юлдашев. Принципы составления тюрко-русских словарей. М., 1972, стр. 87; Арн. Чикобава. Отраслевая лексика и научная актуальность ее изучения. — «Ежегодник иберийско-кавказского языковедения», II, 1975, стр. 35, и др.

исконно татарская. Заимствования встречаются в основном в названиях головных уборов.

Автор отдельно останавливается на терминологии, связанной с изготовлением обуви.

Профессионализмы здесь рассматриваются им очень подробно, и снабжаются обстоятельными пояснениями. В разделе приводятся также диалектные варианты и синонимы терминов; в отдельных случаях используются слова других тюркских языков и из памятников старотатарской и древнетюркской письменности. Иллюстративный материал берется из художественной литературы.

Во второй главе излагаются принципы образования профессиональной лексики. Наименования давались: по материалу (*мех бурек* 'меховая шапка'), по названиям частей тела человека (*читек балтыры* 'голенщик', букв. 'голень ичигов'), по национальному признаку (*узбек чапаны* 'узбекский чапан') и т. п. Здесь же рассматривается механизм образования терминов и происхождение заимствований с указанием языка-источника. Автор отмечает интересное явление — тенденцию профессиональных терминов к упрощению, в результате чего в них выпадают слоги и даже слова. Таким путем образовались названия: *читек* < *эчитек* 'нижняя обувь', *аякчу* < *аяк чолгавы* 'портянка', *укчалэ туфли* < *биек укчалэ туфли* 'туфли с высокими каблуками' и др. В конце главы приводятся диалектные особенности профессиональной лексики.

Хотя работа носит в основном историко-

лексикологический характер, Р. К. Рахимова останавливается и на этимологии некоторых названий: *алача* (стр. 42), *чалбар* (стр. 51), *пуга* (стр. 61) и др.

Книга не лишена частных недостатков. Например, для общеизвестных реалий типа *ина* 'игла' и *билбау* 'поясной ремень' приводятся излишние подробные толкования значений. При описании лексемы *кунчек*, входящей в состав татарского парного слова *күлмек-кунчек* 'одежда' (стр. 53), следовало бы упомянуть и об употреблении термина *көнчек* в карачаево-балкарском языке, где он обозначает «брюки». Названия тканей *киндер*, *китен* (стр. 68) почему-то приводятся как исконно татарские слова, тогда как они бытуют и в других тюркских языках. Вызывает сомнение и наличие в профессиональной лексике таких иностранных терминов, как *кеше арасына чыкканда кия торган күлмэк* (букв. 'платье для ношения при достижении средних лет') и *мәңгелсә барганда кия торган күлмэк* (букв. 'платье для ношения при поездке в гости') (стр. 46).

Однако эти незначительные упущения не умаляют общего значения монографии Р. К. Рахимовой. Огромный лексический материал, собранный и скрупулезно обработанный автором, может быть использован при составлении толковых, двуязычных и терминологических словарей татарского языка. Книга представляет интерес не только для лингвистов, но и для историков, этнографов и искусствоведов.

И. М. Отаров

РОЗА ЕЎВАЗОВА. КИШВЭРИ «ДИВАН»ЫНЫН ДИЛИ

«ЕЛМ» НЭШРИЈАТЫ, БАКЫ, 1983, 138 стр.

Создание азербайджанской исторической грамматики тесно связано с изучением старых письменных памятников, в которых отражены особенности азербайджанского языка на отдельных этапах его исторического развития. В этой связи большой научный интерес представляет исследование морфологических особенностей языка одного из наиболее значительных памятников XV века — «Дивана» Кишвери, которому и посвящена рецензируемая монография Р. Эйвазовой.

Книга «Язык „Дивана“ Кишвери (морфологические особенности)» включает введение, две главы, заключение и библиографию.

Во введении дается краткий обзор социально-исторической обстановки в Азербайджане XV века и приводятся сведения

о наиболее значительных памятниках азербайджанской литературы того времени, списках «Дивана», а также общая характеристика последних. Автор отмечает, что язык Кишвери до сих пор специально не изучался, а о личности поэта и его творчестве почти не сохранилось никаких сведений. Для лексики и грамматических форм языка «Дивана» характерно наличие диалектных особенностей и влияние других тюркских языков.

В первой главе «Имена и наречия» автор останавливается на категориях падежа, принадлежности, числа, сказуемости и т. д. памятника. Вторая глава посвящена глаголу. Рассматриваются также производные глаголы, залоги, наклонения, глагольные времена; прослеживается эволюция от-

дельных грамматических категорий азербайджанского языка, нашедшая отражение как в языке Кишвери, так и в памятниках последующих этапов исторического развития азербайджанского языка, вплоть до нашего времени. Автор, исходя из принятых в тюркологии теоретических принципов, устанавливает архаические формы той или иной грамматической категории. При рассмотрении имен, глаголов, наречий, а также отдельных грамматических категорий Р. Эйвазова обращается к примерам не только из «Дивана» Кишвери и из других письменных памятников, но также и из других тюркских языков.

В книге раскрыта полная картина морфологических особенностей языка «Дивана» Кишвери, тщательно рассмотрены общие и специфические морфологические черты основных частей речи.

Опираясь на сравнительно-исторический метод исследования, Р. Эйвазова выявила ряд интересных фактов развития грамматической структуры азербайджанского языка. Ей удалось установить, что аффиксы *-a*, *-ā*, а также *-aǰ*; *-ya*; *-aǰ*, свойственные кыпчакской и карлукской группам тюркских языков, в «Диване» Кишвери выступают как самостоятельные показатели желательного наклонения. В работе зафиксирован также случай употребления аффикса *-si* (*ǰuǰsu*) в качестве показателя повелительного наклонения 3-го лица единственного числа. Р. Эйвазова приходит к выводу, что подобные факты отражают определенную закономерность в развитии морфологии азербайджанского языка.

В «Диване» Кишвери, автором отмечен и ряд других характерных элементов, присущих кыпчакской и карлукской группам тюркских языков: 1) показатель родительного падежа *-nup*; *-nīp*; *-nup*, *-nīp*, как и показатель винительного падежа *-nu*, *-nī*, *-ni*, *-nī*, присоединяются и к словам с конечным согласным, 2) показатель дательного и направительного падежей — *-ya*, *-kā*, 3) показатель исходного падежа — *-dyp*, *-din*.

Книга Р. Эйвазовой посвящена одной из наиболее важных областей исторической грамматики азербайджанского языка и

восполняет определенный пробел в ее изучении.

Тщательно исследовав оба списка рукописи «Дивана» Кишвери (Бакинский и Ташкентский), Р. Эйвазова приходит к следующим выводам:

1. В языке «Дивана» Кишвери превалируют особенности, присущие огузской группе тюркских языков.

2. «Диван» Кишвери является одним из ценных источников изучения исторической грамматики азербайджанского языка и особенностей формирования его литературной формы.

3. Исследование языка «Дивана» Кишвери имеет большое значение для сравнительно-исторического изучения тюркских языков.

Наряду с бесспорными достоинствами книги Р. Эйвазовой, хотелось бы отметить и ее отдельные недостатки. Автору следовало бы для полноты картины рассмотреть в языке «Дивана» также причастия, деепричастия и служебные части речи. Языковые примеры в монографии в целом транскрибированы и транслитерированы удовлетворительно. Однако в написании ряда слов правильное произношение в транскрипции передать не удалось, например: *seǰlašmasaǰdym* (стр. 86), *seǰlatmā* (стр. 87), *jəxišliǰ* (стр. 37), *ǰsrukduǰur* (стр. 42), *arzuǰandim*, *juzlandim* (стр. 79), *bilmasunlar* (стр. 96), *galmiǰā* (стр. 99), *ǰurtulǰāǰdim* (стр. 100), *ǰirišmasaǰdym* (стр. 110) и т. д. Имеются погрешности и в написании фамилий и инициалов ряда авторов, например: Араслы В. И. вместо Асланов В. И., Гаджиев Т. А. вместо Гаджиева Т. А. (стр. 132), Песянчин вместо Псянчин В. Ш., Азнабаев А. В. вместо Азнабаев А. М. и т. д.

Разумеется, эти частные погрешности не умаляют общего значения рецензируемой книги.

В целом монография Р. Г. Эйвазовой оставляет хорошее впечатление, как работа, содержащая богатый фактический материал и отличающаяся научной обоснованностью выдвигаемых положений и выводов. Она может стать полезным пособием для преподавателей и студентов филологических факультетов вузов.

И. Д. Велиев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ НАУЧНОМУ НАСЛЕДИЮ АКАДЕМИКА И. И. МЕЩАНИНОВА

23—24 ноября 1983 года в Москве и 25 ноября в Ленинграде прошла Всесоюзная конференция «Типологические исследования на современном этапе и значение работ академика И. И. Мещанинова». Открывая ее, директор Института языкознания Академии наук СССР академик *Г. В. Степачов* говорил о большом творческом вкладе И. И. Мещанинова в советское языкознание, особенно в области историко-типологических исследований различных языков.

Основные проблемы языковой типологии и языковых универсалий были освещены в коллективном докладе *В. Н. Ярцевой*, *М. М. Гухман*, *Г. А. Климова* и *В. З. Панфилова* (Москва). В докладе было обосновано, в частности, положение о том, что типологические исследования содержательных категорий различных языков, тесно связанные с проблемой языковых универсалий, должны учитывать не только специфику уровней признаков, но и характеристику межуровневых соответствий тех или иных языковых единиц. Выделение языковых типов зависит прежде всего от форм организации, структуризации категориальных понятий. Историческая же континентальная (содержательная, семантическая) типология призвана не описывать, а объяснять тождества и различия в строе различных языков, центральными единицами которого являются слово и предложение.

В докладе *В. З. Панфилова* (Москва) «Соотношение формальных и содержательных критериев в типологической классификации языков» была показана плодотворность идей и разработок И. И. Мещанинова, определивших современные направления синтаксической (контентивной) типологии и типологии грамматических категорий. Доклад *Н. Н. Короткова* (Москва) «Проблема слова в языках разных типов» был посвящен анализу типологических черт китайского слова, противопоставляемого слову в флективных языках. *М. М. Гухман* (Москва) в докладе «Понятийные категории, языковые универсалии, типология»

указала на то, что теория понятийных категорий академика И. И. Мещанинова преследовала цель объяснить типологию синтаксических структур в собственно лингвистическом плане, не прибегая к помощи логических или психологических терминов. В докладе *Г. А. Климова* (Москва) «Различия в структуре предложения (активный, эргативный и номинативный строй предложения) и их роль в типологической классификации языков» отмечалось, что осуществление «стыковки» синтаксиса и лексики поставило под сомнение адекватность для эргативного строя традиционных понятий подлежащего и прямого дополнения. *Н. В. Солнцева* и *В. М. Солнцев* (Москва) в докладе «Части речи в языках различных типов» исходили из того постулата, что грамматический строй любого языка предполагает наличие в этом языке определенных классов слов с общими для каждого класса грамматическими свойствами. При этом универсальными являются синтаксические критерии выделения частей речи.

На конференции было заслушано сообщение *М. Ш. Ширалиева* (Баку) «Роль академика И. И. Мещанинова в развитии исторических и филологических наук в Советском Азербайджане». *Г. А. Меновицков* (Ленинград) в своем выступлении отметил исключительно большое значение работ И. И. Мещанинова, включивших в орбиту типологических исследований материалы целого ряда бесписьменных и младописьменных языков Дальнего Востока, Сибири, Средней Азии и Кавказа. *Д. М. Насилов* (Ленинград) на примере анализа исторического развития отдельных грамматических категорий показал, что разрабатывавшиеся И. И. Мещаниновым на материале индоевропейских языков узловые проблемы общей и историко-типологической лингвистики вполне вписались в контекст теоретического языкознания. В сообщении *Г. К. Вернера* (Таганрог) было указано, что в новейших исследованиях по типологии енисейских языков учитывается гипотеза И. И. Мещанинова о существовании в

древнем кетском языке посессивного строя предложения. *А. С. Аманжолов* (Алма-Ата) сообщил о широком применении в тюркологической лингвистике, в том числе и в казахском языкознании, функционально-семантического принципа анализа языковых явлений, обоснованного в работах *И. И. Мещанинова*. *В. И. Дегтярев* (Ростов н/Д) — сделал сообщение «Значение типологических данных для сравнительно-исторического изучения славянских языков». С сообщениями выступили также *П. В. Чесноков* (Таганрог), *М. В. Мачавариани* (Тбилиси), *З. Г. Абдуллаев* (Махачкала).

Заключительное заседание проходило под председательством заместителя директора Института языкознания Ленинградского отделения АН СССР *А. И. Домашнева*, подчеркнувшего важное значение трудов академика *И. И. Мещанинова*, особенно его книги «Члены предложения и части речи», для развития советского языкознания. «Слово об Иване Ивановиче Мещанинове» произнесла *А. В. Десницкая* (Ленинград), охарактеризовавшая замечательные личные качества ученого, основные этапы его многогранного научного творчества, педагогической и организаторской деятельности. Доклад *Н. А. Баскакова* (Москва) «Исследования *И. И. Мещанинова* в изучении ти-

пологии тюркских языков» был посвящен роли синтаксических идей и принципов академика *И. И. Мещанинова* в развитии тюркологии. *И. И. Мещанинов*, отстаивавший в своей общелингвистической концепции примат синтаксического уровня языка при раскрытии универсальных черт ядерных синтаксических конструкций, широко использовал материалы тюркских языков. Он оказал решающее влияние на становление в современной тюркологии ретроспективного метода внутренней реконструкции и характер интерпретации агглютинативных механизмов в тюркском слове и предложении. Были заслушаны также доклады *А. В. Бондарко* (Ленинград) «Теория понятийных категорий *И. И. Мещанинова* и типология функционально-семантических полей», *А. Н. Жуковой* (Ленинград) «Типологические исследования палеоазиатских языков, понятие инкорпорирующих языков», *М. А. Кумахова* (Москва) «Типологические исследования западно-кавказских языков» и сообщения *А. П. Володина* и *В. С. Храковского* (Ленинград), *Р. Г. Сыздыковой* (Алма-Ата), *Т. М. Гарипова* (Уфа), *Ю. А. Крейнвича* (Ленинград), *И. Г. Мачавариани* (Тбилиси).

А. К. Алекперов

«ИССЛЕДОВАНИЯ ЗВУКОВЫХ СИСТЕМ ЯЗЫКОВ АБОРИГЕНОВ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ»

1—4 ноября 1983 года в Новосибирске (Академгородок) состоялась Вторая Всесоюзная конференция «Исследования звуковых систем языков аборигенов Сибири и сопредельных регионов», организованная Лабораторией экспериментально-фонетических исследований Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР (ЛЭФИ ИИФФ СО АН). В работе конференции приняли участие девяносто языковедов-фонетистов из Новосибирска, Томска, Барнаула, Новокузнецка, Кемерово, Якутска, Улан-Удэ, Кызыла, Абакана, Горно-Алтайска, Иркутска, Владивостока, Ленинграда, Tallина, Киева, Элисты, Казани, Елабуги, Уфы, Алма-Аты, Усть-Каменогорска, Кызыл-Орды, Ташкента, Фрунзе, а также Улан-Батора (МНР).

Конференция подвела итоги работы фонетических лабораторий научно-исследовательских учреждений и вузов Сибири за четыре года, прошедшие после Первой Всесоюзной конференции (Новосибирск, ап-

рель 1979 г.), определила и скоординировала задачи предстоящих исследований.

На семи пленарных заседаниях конференции было заслушано и обсуждено 58 докладов по актуальным проблемам фонетики сибирских языков: звуковому составу языков и диалектов Сибири в синхронии и диахронии было посвящено 27 докладов; акцентуации (словесной, синтагматической, фразовой) — 8 докладов; интонации — 9 докладов; силлабике — 2 доклада; исторической фонетике — 5 докладов; диалектной фонетике — 5 докладов; проблемам фонетической интерференции — 2 доклада.

Были также заслушаны сообщения ведущих фонетическими лабораториями — ЛЭФИ ИИФФ СО АН СССР (Новосибирск), ЛЭФ БИОН БФ СО АН СССР (Улан-Удэ), ЛЭЛИ НИИЯЛИ ЯФ СО АН СССР (Якутск), ФЛ Тувинского НИИЯЛИ (Кызыл), ЛЭФ Хакасского ГПИ (Абакан), ФЛ Барнаульского ГПИ, фонетической группы Томского ГПИ. Об экспериментально-фонетических исследованиях, проводи-

мых в МНР, доложил заведующий Фонетической лабораторией Института языка и литературы Академии наук Монголии.

В докладах и сообщениях получили освещение проблемы кардинального уточнения существующей классификации звуков, установления корреляции между артикуляционными и акустическими характеристиками звуков, использования результатов исследований для изучения истории языка и этноса. Данные экспериментальной фонетики показали преимущественное развитие тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языковых семей по дивергентному типу. Была установлена важная роль палеосибирских субстратов в формировании современных сибирских языков.

Общим и частным вопросам тюркской фонетики были посвящены 32 доклада.

Открывая конференцию, директор Института истории, филологии и философии СО АН СССР *А. П. Дервянко* (Новосибирск) подчеркнул актуальность проблематики конференции, большую научно-теоретическую и практическую значимость выполняемых фонетических исследований.

Заведующая отделом филологии ИИФФ СО АН СССР *Е. И. Убратова* (Новосибирск) осветила в своем докладе историю «Изучения фонетики языков народов Сибири». Описания звукового строя языков некоторых аборигенов Сибири и сопредельных регионов, представленные в классических трудах ученых XIX века и в работах русских и советских лингвистов первой половины XX века, сыгравшие важную роль в изучении фонетики этих языков, были выполнены на материале, полученном слуховым методом. В 30-е годы в Ленинграде началось экспериментальное изучение фонетики языков народов Сибири, продолженное затем и в послевоенный период. Огромная заслуга в организации исследований языков Сибири, в частности, их фонетики, принадлежит *А. П. Дульзону*, сумевшему увлечь этой работой большую группу преподавателей иностранных языков Томского педагогического института, занимающихся исследовательской работой параллельно со своей основной — преподавательской деятельностью. Фронтальное экспериментально-фонетическое обследование сибирских языков и диалектов проводится в последние пятнадцать лет по общему скоординированному плану в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований ИИФФ СО АН СССР и в фонетических лабораториях Якутска, Улан-Удэ, Кызыла, Абакана, Горно-Алтайска, Томска, Барнаула, Кемерово, Элисты, а также Улан-Батора (МНР). Результаты этих исследований в сочетании с данными исторических дисциплин могут быть использованы для восстановления сложных этногенетических процессов, протекавших на территории Сибири и сопредельных регионов.

В. М. Наделяев (Новосибирск), опираясь на большой экспериментально-фонетический

материал по языкам народов Сибири и сопредельных регионов с привлечением экспериментальных данных по другим языкам мира, предложил на конференции свои «Уточнения в артикуляционную классификацию согласных», разработанную академиком *Л. В. Щербой*. Докладчик считает, что артикуляционная классификация звуков, в частности согласных, является важным инструментом в установлении определяющих компонентов артикуляционно-акустической базы как исторически обусловленного явления, свойственного каждой этнической группе. Артикуляционная классификация согласных по *В. М. Наделяеву* строится по принципу обязательного единства трех моментов артикуляции: 1) участия активного произносительного органа; 2) локализации работы этого органа; 3) характера работы активного органа. В классификации *Л. В. Щербы* учитываются лишь активный орган и характер его работы. В общезвестной классификации МФА деление на активный и пассивный органы вообще не проводится. *В. М. Наделяев* включил в классификацию согласных дополнительные ряды — межгубноязычные, мягконебные, корняязычные, надгортанные, мягкие согласные. Дополнительно к основным рядам в предлагаемой классификации предусмотрены комбинированные наборы (участие двух непосредственно соседствующих активных органов), смешанные наборы (взаимное активно-пассивное участие двух подвижных органов). В целях большей универсальности классификации, представленной в виде таблицы, не учитываются глухость, звонкость и сонорность как дополнительные характеристики, свойственные не всем языкам.

Предложенные *В. М. Наделяевым* принципы артикуляционной классификации согласных были положены в основу доклада *Н. А. Мандровой* (Барнаул) «Консонантизм чалканского диалекта алтайского языка». Как свидетельствуют экспериментальные данные, для системы чалканских согласных фонем характерно противопоставление по: 1) основному активному и соответствующему пассивному артикуляционным органам; 2) ртовости/назальности; 3) шумности/малошумности с подразделением шумных на краткие/долгие. Долгие реализуются только в глухих, часто имплозивных, оттенках, а слабая придыхательность — факультативна. Краткие представлены слабонапряженными звонкими, глухими и частично глухими аллофонами. Фонетические признаки смычности/шеллинности релевантны лишь для ртовых переднеязычных фонем, для согласных остальных типов артикуляции эти характеристики носят оттенокный характер.

В докладе *В. А. Исакова* (Барнаул) «Типологические характеристики дистрибуции согласных фонем в алтайском и английском языках» прослеживаются основные различия в распределении алтайских и

английских консонантов, констатируются характерные фонетические трудности, позиционно-комбинаторные ошибки в речи студентов-алтайцев, изучающих английский язык.

С. Ф. Сегленей (Кызыл) остановилась на живых «Чередованиях согласных фонем тувинского языка», встречающихся на стыке морфем в составе аффиксов (например, в аффиксе множественного числа *-лар/-лер*, *-нар/-нер*, *-тар/-тер* чередуются фонемы [l]/[n]/[t]), а также в составе основ при словоизменении (например, *хып* 'гори' — *кывар* 'будет гореть' чередуются фонемы [x]/[k]). Чередования обусловлены законами сочетаемости и ассимиляцией согласных звуков тувинского языка.

Н. П. Бельтюкова (Томск) в докладе «Согласные в потоке долганской речи» сообщила данные статистического анализа распределения долганских согласных и их сочетаемости с гласными и согласными в различных позициях в слове.

В ряде докладов были изложены результаты изучения тюркских вокальных систем. Исследование «Квантитативности кумандинских гласных» позволило И. Я. Селютиной (Новосибирск) сделать вывод о релевантности противопоставления гласных по темпоральному признаку и выявить для кумандинского вокализма восемь кратких и шесть долгих фонем. Докладчик выделяет три типа кумандинских долгих гласных: 1) стяженные долгие гласные фонемы, возникающие в результате выпадения интервокальных согласных; 2) долгие гласные, чередующиеся с исходными краткими гласными в позиции финального открытого слога в словоформах с качественно однородным составом кратких гласных; 3) широкие долгие гласные, чередующиеся с исходными краткими гласными того же качества в позиции открытого слога перед узким кратким гласным последующего слога.

Векторная артикуляционная классификация гласных теленгитского диалекта алтайского языка была приведена в докладе С. И. Машталира (Новосибирск) «Теленгитский вокализм по данным рентгенографирования». Анализ экспериментальных материалов свидетельствует о преимущественно переднерядной настройке теленгитских гласных, обусловленной активной работой средней части спинки языка; гласные *ɜ* и *ʊ* определены как центральнозаднерядные (по В. М. Наделяеву) сильновыдвинутые, с характерным резонаторным ограничением за счет сближения межзубочной части спинки языка с задней частью твердого неба.

В докладе Н. Н. Межековой (Абакан) рассматривается «Система вокализма в шорском диалекте хакасского языка». Специфическими особенностями исследуемой системы является фонематичность противопоставления гласных по квантитету, наличие особой фонемы *i*, дифтонгоидный характер *o* и *ö* в абсолютном начале слова,

наличие восходящих и нисходящих дифтонгов, последовательная реализация губной и нарушение палатальной гармонии гласных, редукция (вплоть до выпадения) узких гласных в безударном положении.

На «Некоторых аспектах функционирования гласных тувинского языка в потоке речи» остановился К. А. Бичелдей (Кызыл). Выделив в моносиллабах и в первом слоге полисиллабов 32 гласные фонемы, автор констатирует в непервых слогах тувинских полисиллабов лишь 13 гласных фонем. Фарингализованные и назализованные долгие гласные и широкие огубленные в непервых слогах не употребляются. В докладе затрагивались также вопросы образования долгих гласных в потоке речи, слоговой структуры и морфологической разложимости тувинского слога.

Ареальные разработки фарингализации, предложенные в докладе М. Б. Мартан-оол (Кызыл) «Характеристика изоглоссного явления „фарингализация гласных“ в тувинском языке», подтверждают мнение о возникновении фарингализованных гласных в результате ослабления неначальных смычных согласных.

Б. И. Татаринцев (Кызыл) в докладе «К вопросу о соответствиях типа „фарингализация — первичная долгота“» указал на необходимость учитывать при установлении архетипов тюркских слов тот факт, что кроме обычного соответствия тувинских фарингализованных гласных кратким гласным в языках с так называемой «первичной (этимологической)» долготой, в определенных условиях нередко наблюдаются соответствия тувинских фарингализованных указанным долгим, что может свидетельствовать о чередовании в прошлом сильных — слабых согласных и, соответственно, кратких — долгих гласных.

Фарингализация гласного *a*, наиболее отчетливо проявляющаяся в односложных основах и в первом слоге многосложных основ, была отмечена Ф. Г. Хисамитдиновой (Уфа) в докладе «О фарингализованном заднерядном *a* в башкирском языке» для среднего, кубаякского, ик-сакмарского говоров башкирского языка. Автором определены ареалы и сущность указанного фонетического явления, сделана попытка установить генезис и пути развития фарингализованного *a* в башкирском языке.

Осциллографический и спектральный анализ гласных позволил Х. Х. Салимову (Елабуга) выявить «Некоторые особенности вокализма говора деревни Умар»: гласные [a], [e] орского подговора эуштинско-чатского говора томского диалекта сибирских татар по своей формантной структуре близки к однотипным гласным казахского языка, остальные — к гласным татарского литературного языка; гласные [i], [o] отличаются от соответствующих гласных литературного языка квантитетом; начальные [a], [o], [ö] в определенных условиях удлиняются в 1,8—2,0 раза.

В докладе Ж. Абуова (Кзыл-Орда) «Реализация и восприятие казахских гласных» затронуты сложные проблемы установления корреляции между артикуляционными и акустическими параметрами звуков и их percepцией.

На конференции развернулась дискуссия по вопросу об отношении сингармонизма и ударения. По мнению одних (В. Б. Касевич, А. Джунибеков) наличие сингармонизма снимает ударение, по мнению других — эти явления сосуществуют. Экспериментальный материал, приведенный в докладах (Н. В. Шавловой, В. Н. Кокорина, А. В. Кабанова, М. К. Исаева), подтверждает справедливость второй точки зрения.

В. Б. Касевич (Ленинград) в докладе «Анакцентные языки и сингармонизм» указал, что несмотря на сходство функций ударения и сингармонизма, последний не «становится» просодемой. В то же время, поскольку сингармонизм «берет на себя» существенные функции, свойственные ударению, то наличие сингармонизма служит предпосылкой для отсутствия ударения как особой фонологической категории, и сингармонические языки проявляют «предрасположенность» к анакцентности более, чем какие-либо другие. Неудивительно, что распад сингармонизма (как в узбекском языке) влечет за собой развитие категории ударения.

Аналогичная точка зрения на невозможность сосуществования словесного ударения и сингармонизма в пределах одного языка вследствие их функциональной идентичности была высказана А. Джунибековым (Алма-Ата) в докладе «Фонетические характеристики сингармонических вариантов согласных». Трактую, в отличие от В. Б. Касевича, сингармонизм как просодический признак слога, А. Джунибеков предлагает говорить не о гармонии гласных, а о гармонии слогов, в которых сочетаемость гласных и согласных строго лимитирована сингармонической моделью языка.

Н. В. Шавлова (Новокузнецк) проанализировав на экспериментальном материале «Основные компоненты словесного ударения в шорском языке», подчиняющемся законам сингармонизма, установила для мрасского диалекта шорского языка одно основное словесное ударение, локализуемое на последнем слоге словоформ, с определяющим компонентом — восходящим движением основного тона. Шорское ударение докладчик трактует как музыкальное, выполняющее демилитативную и словоорганизующую (точнее, формообразующую) функции в звуковой структуре синтагмы и фразы. Н. В. Шавлова пришла к важному заключению о позиционно обусловленном чередовании кратких гласных с соответствующими по настройке долгими гласными.

В. Н. Кокорин (Барнаул) в докладе «Акцентуация и сингармонизм в языке чалкан-

цев» констатирует относительно последовательную реализацию небной и губной гармонии в пределах чалканского слова. Отмечая сложность определения на слух характера, количества и локализации словесного ударения в чалканском, автор не отрицает его существования, считая, однако, более корректным говорить не об ударении, а о выделенности определенной части слова.

А. В. Кабанов (Абакан) в докладе «Реализация словесного ударения в хакасской фразе» в результате обобщения данных интонаграфирования приходит к выводу о динамическом характере словесного ударения, реализующегося как в отдельно произнесенных хакасских словоформах, так и в словоформах, входящих в состав синтагмы, фразы. Интенсивность или суммарная энергия ударного гласного — ведущий компонент словесного ударения, а частотная и временная характеристики являющиеся сопутствующими.

Доклад М. К. Исаева (Алма-Ата) был посвящен «Некоторым вопросам акцентуации в связи с казахско-английской интерференцией». Контрастивный анализ казахской и английской акцентуации выявил существенные различия в них, что находит отражение в английской речи казахско-английского билингва в форме просодической интерференции. Эксперименты показали, что на начальном этапе овладения английским языком под сильным влиянием казахской акцентуационной системы в большинстве случаев билингвы либо выделяют в английском слове конечный слог, либо равно выделяют начальный и конечный слоги, либо же выделенность того или иного слога не поддается слуховому восприятию и анализу. Эти данные интерпретируются докладчиком как недостаточная дифференциация билингвами английского словесного ударения по месту и по степени выделенности ударного слога.

В коллективном докладе В. Б. Касевича, В. В. Рыбина, Е. М. Шабельниковой (Ленинград) «Просодемы, их сегментный базис и понятие акцентного контура» на материале эксперимента по восприятию русской и японской фильтрованной речи говорилось о соотношении просодем и обслуживаемых ими языковых единиц. Обнаруженную в эксперименте большую степень отождествляемости японских слов авторы объясняют относительной выделенностью первой морфы слова, которой принадлежит особая роль в формировании акцентного контура в японском языке.

Ряд докладов, представленных на конференции, был посвящен анализу речевой интонации — органического компонента и важнейшего индикатора коммуникативных установок оформляемых ею фраз.

К. Н. Бурнакова (Кызыл) в докладе «Хакасская ритмомелодика», обобщив результаты экспериментально-фонетического исследования, выделяет для хакасского языка пять типов ритмомелодических струк-

тур: для повествовательных односоставных предложений восходяще-нисходящий (ВН) и для повествовательных двусоставных — восходяще-нисходяще — восходяще-нисходящий (ВНВН) типы; для вопросительных предложений характерен восходяще-нисходящий (ВН) тип; для побудительных односоставных предложений — восходящий (В) и для двусоставных — восходяще-нисходяще-восходящий (ВНВ) тип ритмомелодических структур.

И. Е. Алексеев (Якутск) в докладе «О риторическом вопросе в якутском языке» рассматривает структуру и семантику риторического вопроса.

А. Н. Нурмаханова (Алма-Ата) на базе обширных экспериментальных данных исследовала «Интонацию как способ выражения эмоций» в казахском языке. Выделив шесть семантических групп эмоций, автор констатирует движение основного тона в качестве ведущего интонационного компонента интонации, несущего в предложении эмоциональную нагрузку.

Рассмотрев на материале вопросительной фразы в современном узбекском языке проблему «Взаимной компенсации „акустических“ компонентов интонации», **Х. Юлдашева** (Ташкент) пришла к выводу о частичной компенсации максимальных и минимальных показателей длительности и интенсивности, длительности и частоты основного тона, в то время как взаимная компенсация тона и интенсивности отмечается сравнительно редко.

Доклад **М. Ш. Тураповой** (Ташкент) был посвящен анализу «Интонации как основного средства выражения актуального членения предложения». Данные эксперимента показали, что при отсутствии инверсии информационная нагрузка члена предложения прямо пропорциональна частоте основного тона, интенсивности и длительности произнесения ударного гласного словосформы.

Исследование «Смыслоразличительной функции киргизской интонации», проведенное **Ж. Дуйшеевым** (Фрунзе), позволило установить, что интонация определяется коммуникативным типом высказывания с использованием различных компонентов акустического сигнала, основных или факкультативных.

Результаты наблюдения над произносительными нормами казахского литературного языка, представленные в докладе **Ж. Назбиеви** (Усть-Каменогорск) и **А. Джунисбекова** (Алма-Ата) «Слоговое строение казахского слова в потоке речи», показали, что так называемое правило определения тюркского «смещения слогов» нуждается в уточнении: смещаются не слоги в целом, а лишь их консонантные компоненты. Определяемое на слух фонетическое различие смещаемых согласных внутри слова и на стыке слов подтверждается экспериментально-фонетическими данными. Фонетические характеристики согласных в интервокаль-

ной позиции внутри слова и на стыке сложных (слитных) слов не идентичны, что свидетельствует о разнонаправленном примыкании их к окружающим слогам, в то время как по принятому правилу слога деления в обоих случаях граница слога определяется однозначно.

Н. Н. Широкова (Новосибирск) в докладе «Данные ассимиляции в установлении относительной хронологии некоторых фонетических изменений в якутском языке» отметила, что якутский язык по характеру развития ассимиляции — количеству вариантов аффиксов, дистантной ассимиляции и т. д. сближается с языками кыпчакскими и, особенно, южносибирскими. Но имеющийся целый ряд совпадений объясняется параллелизмом процессов, проходивших в якутском и других тюркских языках в разное время и на разном материале. Примером такого совпадения могут служить процессы дистантной ассимиляции в словах со структурой $s\check{V}...$ ($sa\check{c}$, $sa\check{n}$, $si\check{c}$ и т. д.). В якутском языке в словах тюркского происхождения $s\check{V} > Vs$, то есть отпадение s и диссимиляция $-č > -s$ происходят до того, как в языке развиваются процессы дистантной ассимиляции $s > č$, характерные для всех тюркских языков, за исключением некоторых языков огузского типа (гагаузский, азербайджанский, туркменский, диалекты узбекского).

«Структурно-фонетическая модификация древнетюркского аффикса $-ығ$ в истории тюркских языков» прослеживалась на материале уйгурского языка в докладе **Т. Т. Талипова** (Алма-Ата). Аффикс $-ығ$ отглагольного словообразования модифицировался путем перестановки и появления фонетических параллелизмов типа $қонуқ/қонқы$ 'пристанище', $қылық/қылқы$ 'поступок, нрав', $йөрүг/йөрү$ 'толкование сна' в древнетюркских письменных памятниках. Автор утверждает, что указанное изменение аффикса $-ығ$ на $-ғы$ могло произойти на почве какого-то одного фонетического явления, например метатезы, что стало возможным благодаря действию ряда факторов (акцентно-просодических, структурно-фонетических, а также семантических сдвигов), вызывающих такое изменение.

Вопросу «О музыкальном синтаксисе башкирских *узун кюев* (протяжных песен)» был посвящен доклад **Ф. Х. Камаева** (Уфа). Сравнительное изучение вариантов одной песни позволило выявить композиционные особенности жанра *узун кюев*, определяемые тесным взаимодействием структуры стиха и напева. «Мугамный» принцип мелодического развития роднит башкирскую песенную традицию *узун кюев* со многими монодическими культурами тюркоязычных народов.

Частному вопросу прикладной фонетики посвятили свой доклад **С. С. Татубаев**, **Г. Бекишев** (Алма-Ата) «Опыт составления таблиц артикуляции звуков казахского языка для использования в мультиплика-

ционном фильме». Визуально наблюдаемые релевантные в мультипликации дифференциальные признаки выделяются из системы соответствующих признаков фонем казахского языка. Таблица гласных подается в виде моментального снимка фазы стационарной части каждого гласного. На основе фонетико-фонологического анализа впервые составлены таблицы артикуляции для применения в казахской мультипликации: в первой таблице согласные представлены в сочетании с неогубленными гласными, во второй — с огубленными.

На заключительном заседании конференции было отмечено, что за последние четыре года в Сибири проделана большая работа по экспериментальному исследованию звуковых систем сибирских языков и диалектов, что обусловлено разворачиванием в Сибири сети экспериментально-фонетических лабораторий. Фронтальное обследование звуковых систем осуществляется сотрудниками, аспирантами и стажерами в экспериментально-фонетических лабораториях Сибири по общему скоординированному плану. Было продолжено обследование различных аспектов звуковых систем языков: тофского, тувинского, хакасского (сагайский, качинский, шорский диалекты), алтайского (кумандинский, чалканский, телеутский диалекты), шорского, долганского, якутского, чулымско-тюркского; бурятского, монгольского; эвенкийского; энецкого, нганасанского, селькупского; хантыйского, мансийского; кетского. Начато экспериментально-фонетическое изучение теленгитского диалекта алтайского языка, полигузовского говора эвенкийского языка, найхинского диалекта нанайского языка, тундренного

диалекта юкагирского языка. Однако языки и диалекты Дальнего Востока (корякский, ительменский, ульчи, орокский, орокский, негидальский) по-прежнему не исследованы или исследованы недостаточно. Результаты работ, выполненных за эти четыре года, обобщены в четырех монографиях и в ста статьях, опубликованных в различных сборниках, в том числе и фонетических; общий листаж печатной продукции доходит до ста п. л. Продолжалась подготовка кадров фонетистов-экспериментаторов. В экспериментально-фонетических лабораториях Сибири готовятся одна докторская и четырнадцать кандидатских диссертаций по фонетике сибирских языков. За этот же период по проблемам экспериментальной фонетики языков Сибири защищены одна докторская и пятнадцать кандидатских диссертаций, подготовлены к защите одна докторская и четыре кандидатских диссертаций.

Конференция приняла постановление.

В постановлении отмечается необходимость усиления подготовки кадров фонетистов; признается целесообразным составление «Фонетического атласа языков Сибири и сопредельных регионов», подготовка комплексного перспективного плана по изучению фонетики языков Сибири, Севера и Дальнего Востока, включение общесибирских научных исследований в планы министерств по принадлежности вузов-исполнителей и т. д.

Было решено также провести очередную Третью Всесоюзную конференцию через четыре года в Бурятии.

И. Я. Селютина

PERSONALIA

МАМЕД АРИФ МАГЕРРАМ ОГЛЫ ДАДАШЗАДЕ

(К восьмидесятилетию со дня рождения)



Исполнилось восемьдесят лет со дня рождения видного азербайджанского филолога, организатора науки и общественного деятеля, академика Академии наук Азербайджанской ССР, доктора филологических наук, заслуженного деятеля науки республики, профессора Мамеда Арифа Магеррама оглы Дадашзаде.

М. М. Дадашзаде принадлежит к числу ученых, оставивших неизгладимый след в азербайджанском литературоведении. Он является одним из общепризнанных основоположников литературоведения и литературной критики в Советском Азербайджане.

Начало литературной деятельности М. М. Дадашзаде относится к 20-м годам. На литературном поприще он выступил как автор стихотворений, рассказов и фельетонов, публиковался в популярном сатирическом журнале того времени «Молла Насреддин». Много внимания в те годы

М. М. Дадашзаде уделял художественному переводу. Им были переведены на азербайджанский язык произведения мировой и русской литературы, такие как «Дон Кихот» Сервантеса, «Война и мир» Л. Н. Толстого (I и IV тома), «Песня о Буревестнике» и «Старуха Изергиль» М. Горького, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Педагогическая поэма» А. Макаренко и др.

Однако в дальнейшем основу литературной деятельности М. М. Дадашзаде составляли литературоведение и литературная критика.

Научные интересы М. М. Дадашзаде как литературоведа охватывали широкий круг проблем классической азербайджанской, русской и зарубежной литературы, литератур народов СССР, а также вопросы теории социалистического реализма и современного литературного процесса.

Важное место в деятельности М. М. Дадашзаде занимало исследование и издание наследия классиков азербайджанской литературы: Низами, Насими, Физули, Вагифа и др.

Работы ученого, посвященные азербайджанским классикам, содержат глубокий анализ их литературного наследия, индивидуального вклада каждого из них в историю азербайджанской литературы и роли в возникновении и расцвете восточного, в том числе азербайджанского, Ренессанса.

Многое было сделано М. М. Дадашзаде и в области исследования кардинальных проблем азербайджанской советской литературы, формирования и развития в ней метода социалистического реализма.

М. М. Дадашзаде является автором капитальных монографий «Творческий путь Дж. Джабарлы» (1955) и «Драматургия Самеда Вургун» (1964). В этих работах убедительно прослеживается все то новое и ценное, что внесли Дж. Джабарлы и С. Вургун в развитие национальной драматургии.

Велики заслуги М. М. Дадашзаде в создании многотомников по истории азербайджанской литературы. Он один из авторов и редакторов двухтомной «Краткой исто-

рии азербайджанской литературы» (1943—1944), трехтомной «Истории азербайджанской советской литературы» (1957—1960), двухтомника «История азербайджанской советской литературы» (1967), а также изданного в Москве «Очерка истории азербайджанской советской литературы» (1963). За исследование «История азербайджанской литературы» (1971) М. М. Дадашзаде была присуждена Государственная премия Азербайджанской ССР.

В лице М. М. Дадашзаде плодотворно сочетались литературный критик и литературовед. Наиболее полное представление о научной деятельности М. М. Дадашзаде дает трехтомник его «Избранных трудов» (1967—1970), включающий исследования ученого, посвященные важнейшим проблемам классической и современной азербайджанской литературы.

Многие годы были отданы М. М. Дадашзаде работе в области просвещения. Около тридцати лет возглавлял он кафедру истории русской литературы в Азербайджанском государственном университете им. С. М. Кирова. Его учебники «Древнерусская литература», «История русской литературы XVIII века» были и остаются основными пособиями для студентов.

Чрезвычайно многогранной была дея-

тельность ученого как организатора науки. Долгие годы М. М. Дадашзаде возглавлял Институт литературы и языка им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР.

С 1961 года и до конца своих дней М. М. Дадашзаде занимал должность сперва академика-секретаря Отделения общественных наук, потом вице-президента Академии наук Азербайджанской ССР, всемерно содействуя развитию гуманитарных наук в республике.

М. М. Дадашзаде избирался депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР (1963) и председателем Верховного Совета республики VI созыва.

Умер М. М. Дадашзаде в 1974 году.

Выдающиеся заслуги М. М. Дадашзаде были высоко оценены партией и правительством. Он был награжден орденом Ленина, орденом Октябрьской революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и многими медалями.

В настоящее время в республике плодотворно трудится большой отряд способных литературоведов и литературных критиков — учеников академика М. М. Дадашзаде. И это является лучшей данью памяти покойного ученого.

С. Османлы

МАМЕД ДЖАФАР ЗЕЙНАЛАБДИН ОГЛЫ ДЖАФАРОВ

(К семидесятипятилетию со дня рождения)



9 мая 1984 года исполнилось семьдесят пять лет известному азербайджанскому ученому-литературоведу и критику, акаде-

мику Академии наук Азербайджанской ССР, доктору филологических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Азербайджанской ССР Мамед Джафару Зейналабдин оглы Джафарову.

М. З. Джафаров родился в 1909 году в городе Нахичевани (Азербайджан) в семье бедного ремесленника. В 1932 году М. З. Джафаров окончил Нахичеванский педагогический техникум, а в 1935 году — факультет языка и литературы Азербайджанского педагогического института им. В. И. Ленина. В годы учебы в институте и затем в аспирантуре М. З. Джафаров изучал наряду с азербайджанской, также восточную классическую литературу, передовую эстетическую мысль России и Западной Европы, в особенности русскую реалистическую литературу и революционно-демократическую критику, труды западноевропейских просветителей.

С 1938 года начинается педагогическая и литературно-критическая деятельность М. З. Джафарова. Он преподает историю русской литературы и критики в Азербайджанском педагогическом институте им. В. И. Ленина (1938—1940) и в Азербайджанском государственном университете им. С. М. Кирова (1941—1949). На эти

же годы приходится его работа в должности декана филологического факультета и заведующего кафедрой русской литературы университета, заведующего отделом критики и литературоведения (1941—1943), а затем редактора (1945—1948) азербайджанской литературной газеты («Адабийят газети») — органа Союза писателей Азербайджана.

С 1949 года М. З. Джафаров — старший научный сотрудник Института литературы и языка им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР. В разные годы он руководил отделами этого института, а в 1980 году был назначен директором. С 1981 года по настоящее время М. З. Джафаров академик-секретарь Отделения литературы, языка и искусства Академии наук Азербайджанской ССР.

В 1939 году М. З. Джафаров был принят в Союз писателей Азербайджана. В 1944 году он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Литературно-критические взгляды М. Ф. Ахундова», а в 1964 году докторскую — «Гусейн Джавид и романтизм в азербайджанской литературе начала XX века». В 1967 году он был избран членом-корреспондентом, а в 1975 году — действительным членом Академии наук Азербайджанской ССР.

На протяжении более сорока лет М. З. Джафаров целеустремленно и плодотворно работает в различных областях азербайджанского литературоведения и критики.

В научной деятельности М. З. Джафарова особое место занимает исследование азербайджанской советской литературы. Он автор многочисленных статей, литературных портретов и критико-биографических очерков, посвященных творчеству и отдельным произведениям видных представителей азербайджанской советской литературы. Большое внимание в своих работах он уделяет таким актуальным проблемам литературоведения, как традиции и новаторство, партийность и народность, образ положительного героя, язык и стиль художественного произведения, особенности метода социалистического реализма. В поле зрения М. З. Джафарова как критика всегда находится творчество молодых азербайджанских писателей и поэтов, формирование и развитие их творческой личности.

Важное место в деятельности М. З. Джафарова занимает исследование творчества классиков азербайджанской литературы. В работах «Гуманизм в творчестве Низами», «В мире идей Низами», ученый глубоко раскрывает мировое значение гениальной поэзии Низами.

Заслуживают быть особо отмеченными такие работы М. З. Джафарова, как «Физули любит» (1948), «Физули думает» (1958) и «Литературно-критические взгляды М. Ф. Ахундова» (1950). Последняя книга относится к числу лучших исследований о

литературно-критических и эстетических взглядах М. Ф. Ахундова.

Среди многочисленных трудов М. З. Джафарова особое место занимает его капитальная монография «Гусейн Джавид», посвященная жизни и творчеству Гусейна Джавида (1960, на русском языке — 1982). В этой работе автором прослеживается сложный и противоречивый жизненный путь писателя-романтика, раскрываются идейно-художественные особенности его лирики, поэмы и пьес.

Исследование М. З. Джафарова «Романтизм в азербайджанской литературе (1905—1917)» (1963) посвящено становлению и развитию романтизма в азербайджанской литературе.

Многое сделано М. З. Джафаровым для ознакомления азербайджанского читателя с русской классической и советской литературой. Его перу принадлежит трехтомный учебник для вузов «История русской литературы XIX века» (1970—1974). В книге «Из истории азербайджанско-русских литературных связей» (1966) подробно освещены им взаимосвязи азербайджанской литературы XIX и начала XX века с русской классической литературой того периода. Им написаны статьи и литературные портреты, посвященные многим выдающимся представителям западной и восточной литературы.

М. З. Джафаров — один из авторов и редакторов трехтомной «Истории азербайджанской литературы» (1957—1960). Под его редакцией вышло более десяти монографических исследований о творчестве азербайджанских писателей и по некоторым актуальным теоретическим проблемам азербайджанского литературоведения. Им написан ряд статей для «Большой Советской Энциклопедии», «Краткой литературной энциклопедии» и «Азербайджанской Советской Энциклопедии».

М. З. Джафаров является главным редакторомготавливаемой в настоящее время Институтом литературы им. Низами семитомной «Истории азербайджанской литературы».

Значительны заслуги М. З. Джафарова и в области подготовки научных и педагогических кадров. Под его руководством защищено более тридцати кандидатских и докторских диссертаций.

М. З. Джафаров ведет также большую научно-организационную работу. Он председатель республиканского научно-координационного совета по проблеме «Закономерности развития мировой литературы в современную эпоху», главный редактор журнала «Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства», член редакционной коллегии «Азербайджанской Советской Энциклопедии», член специализированных советов по защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора фило-

логических наук при Институте литературы им. Низами.

Многолетняя научно-педагогическая деятельность ученого высоко оценена партией и правительством: он награжден Орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета» и медалями.

В 1975 году ему была присуждена Государственная премия Азербайджанской ССР,

а в 1982 году — присвоено звание заслуженного деятеля науки республики.

Многочисленные коллеги, ученики и друзья М. З. Джафарова горячо поздравляют его с юбилеем, желают ему долгих лет жизни, новых успехов в научной деятельности.

Н. Дж. Мамедов

ХАМИД ХУСНУТДИНОВИЧ ЯРМУХАМЕТОВ

(К восьмидесятилетию со дня рождения)



Исполнилось восемьдесят лет со дня рождения Х. Х. Ярмухаметова (Хамида Ярми), известного татарского фольклориста, заслуженного деятеля науки ТАССР, доктора филологических наук, члена Союза писателей СССР.

Х. Х. Ярмухаметов родился 5 мая 1904 года в деревне Курункуль (Казарово) Тюменского района Тюменской области. Он рано начал свою трудовую деятельность, и до поступления в Казанский педагогический институт работал сельским библиотекарем, инструктором райкома комсомола и районо в Сибири, журналистом и переводчиком в Татарии. Его статьи тех лет затрагивали широкий круг вопросов культурно-просветительской работы среди населения колхозного строительства. В 30-е годы он стал заниматься также изучением татарского фольклора.

После окончания восточного факультета и аспирантуры Казанского педагогическо-

го института Х. Х. Ярмухаметов начал работать в Татарском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории вначале научным сотрудником, а в дальнейшем — директором и заведующим сектором народного творчества. Активно участвовал он в организации Казанского филиала Академии наук СССР и в создании сектора народного творчества в Институте языка, литературы и истории этого филиала, читал лекции на отделении татарского языка и литературы Казанского университета (1949—1961), принимал участие в подготовке учебников и программы по татарскому фольклору. Им были подготовлены и первые татарские фольклористы.

Диапазон научных интересов Х. Х. Ярмухаметова был широк, но главное внимание ученый всегда уделял фольклору, неутомимым собирателем которого он был на протяжении всей своей жизни.

Начало сбора татарского фольклора было положено анонимным автором XVI века «Казанской истории» и просветителем Каюмом Насыри (XIX в.). Однако систематический сбор фольклора на научной основе начался в Татарии в конце 30-х годов. Занимались сбором фольклора писатели, ученые, студенты. Х. Х. Ярмухаметов проводил сбор и запись произведений татарского устного народного творчества с 1940 по 1955 год в Татарии. В 50—60 годы география и масштабы этих экспедиций расширяются. Организуются поездки в татарские населенные пункты Удмуртии, Мордовии, Марийской АССР, Оренбуржья, Кировской, Пензенской, Рязанской областей, Поволжья, в Барабинские степи в Сибири.

Еще в 1940 году Х. Х. Ярмухаметов организовал комплексную экспедицию по маршруту академика В. В. Радлова — в Омскую и Новосибирскую области. Всего Х. Х. Ярмухаметовым было организовано около тридцати фольклорных экспедиций и записаны десятки тысяч татарских сказок, песен, пословиц, поговорок и т. д.

Одновременно Х. Х. Ярмухаметов изучил и опубликовал фольклорные материалы, собранные К. Насыри, Т. Яхином,

С. Кукляшевым, Г. Фаизхановым, М. Ивановым, И. Лепехиным, К. Фуксом, П. Пасоненом, В. В. Радловым, Н. Ф. Катановым и др. В результате, в 1950 году он защитил кандидатскую диссертацию «История собирания и изучения татарского фольклора».

Х. Х. Ярмухаметов уделял много внимания популяризации и пропаганде произведений устного народного творчества. При его непосредственном участии издано более двадцати сборников татарских сказок, байтов, пословиц, мэззков и т. д.

Подготовленные им сборники татарских сказок на русском языке (М., 1952, 1957, 1964, 1976) «Гульчечек», «Татарские народные сказки», «Находчивый джигит» были затем переведены и переизданы на китайском, венгерском, словенском, армянском, литовском, украинском, узбекском, туркменском, казахском и других языках. Ученый занимался также переводами на татарский язык русских, японских, китайских, монгольских и других сказок.

В книге «Тюркский героический эпос» академика В. М. Жирмунского помещены две версии татарского эпоса «Алпамыш», записанные Х. Х. Ярмухаметовым в Татарии.

В настоящее время сектором народного творчества Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР

издается 12-томный свод татарского фольклора. В подготовке проспекта этого издания и в составлении нескольких его томов участвовал и Х. Х. Ярмухаметов.

Х. Х. Ярмухаметовым написаны монография «Поэтическое творчество татарского народа», многочисленные статьи, рецензии, предисловия к фольклорным сборникам. В 1969 году он защитил докторскую диссертацию «Поэтическое творчество татарского народа».

Х. Х. Ярмухаметов глубоко интересовался происхождением и развитием жанров татарского фольклора, много внимания уделял изучению и объективной оценке вклада в татарскую фольклористику востоковедов, просветителей прошлого, разоблачению фальсификаций вульгарных социологов. Ученый исследовал влияние фольклора на творчество таких писателей, как Г. Тукай, Г. Ибрагимов, М. Гафури, Г. Баширов.

За заслуги перед культурой республики Х. Х. Ярмухаметов был награжден орденом «Знак Почета» и медалями СССР.

Скончался ученый в 1981 году.

Светлая память о скромном и обаятельном человеке, неутомимом труженике, талантливом ученом навсегда сохранится в сердцах его многочисленных друзей, коллег, учеников.

Т. Галиуллин, Ф. Ахметова

ВИКТОРИЯ СТЕПАНОВНА ГАРБУЗОВА

(К семидесятилетию со дня рождения)



Исполнилось семьдесят лет со дня рождения и сорок пять лет научной, педагогической и переводческой деятельности Вик-

тории Степановны Гарбузовой, профессора кафедры тюркской филологии Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, доктора филологических наук.

Виктория Степановна Гарбузова родилась 9 мая 1914 года в Петербурге. В 1939 году она окончила филологический факультет Ленинградского университета по тюрко-монгольской кафедре. Здесь она получила глубокую теоретическую подготовку по тюркологии и смежным дисциплинам под руководством таких ученых-востоковедов, как В. В. Струве, Н. К. Дмитриев, С. Е. Малов, Е. Э. Бертельс. С 1939 по 1949 год В. С. Гарбузова работала научным сотрудником отдела истории и культуры Востока государственного Эрмитажа. В 1946 году она начала преподавать на кафедре тюркской филологии восточного факультета Ленинградского университета.

В. С. Гарбузова — видный специалист по истории турецкой литературы. За почти сорокалетнюю педагогическую деятельность ею прочитано большое количество теоретических спецкурсов по истории турецкой литературы, одновременно она вела практические и семинарские занятия по чтению и комментированию средневековых и современных турецких текстов.

В 1956 году В. С. Гарбузова успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Сказание о Мелике Данышменде как древнейший тюркоязычный литературный памятник на территории Малой Азии». Эта работа была издана под названием: «Сказание о Мелике Данышменде. Историко-филологическое исследование» (М., 1959). В 1975 году В. С. Гарбузова защитила докторскую диссертацию «Турецкая поэзия XIII — первой четверти XX в. Основные этапы развития, проблема творческой преемственности».

Среди многочисленных научных работ В. С. Гарбузовой как наиболее значительные, следует выделить три монографии по истории турецкой поэзии: «Поэты средневековой Турции. Учебное пособие» (1963), «Поэты Турции XIX века» (1970), «Поэты Турции первой четверти XX века» (1975). Эти работы В. С. Гарбузовой в 1977 году были отмечены премией ЛГУ.

В названных монографиях, основанных на исследовании большого числа рукописных и старопечатных источников, поэзия Турции представлена как непрерывный единый процесс, развивающийся на протяжении семи веков. Периодизация истории турецкой поэзии, впервые разработанная в монографиях В. С. Гарбузовой, принята советскими тюркологами. Большое влияние на научную работу В. С. Гарбузовой оказала ее многолетняя педагогическая деятельность, в ходе которой были исследованы и обобщены многочисленные и малодоступные материалы по истории турецкой литературы.

В 1960 году вышла в свет монография В. С. Гарбузовой «Классики турецкой литературы» (на узбекском языке: «Турк

адабиёти классиклари», Тошкент, 1960), представляющая собой очерк основных этапов истории развития турецкой поэзии.

В. С. Гарбузовой опубликовано большое количество статей по различным вопросам истории турецкой литературы, в том числе статьи для «Большой Советской Энциклопедии» и «Краткой литературной энциклопедии».

Тюркологам хорошо известны и искусствоведческие исследования В. С. Гарбузовой, связанные с ее работой в Эрмитаже, в том числе «Эвлия Челеби о стамбульских ювелирах XVII века» («Труды отдела истории культуры и искусства Востока», т. 3. Л., 1940), «Из истории производства малоазийских фаянсов в XIII—XIX вв.» («Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук», вып. 7. Л., 1958). На протяжении многих лет В. С. Гарбузова читает на кафедре тюркологии филологии ЛГУ курс «Музееведение».

Много сил отдает В. С. Гарбузова переводам на русский язык различных произведений турецкой художественной прозы — рассказов и романов Омера Сейфетдина, Самима Коджагёза, Якуба Кадри Караосманоглу, Дурсуна Акчама и др.

Значительный вклад внесла В. С. Гарбузова в подготовку высококвалифицированных научных кадров, в том числе и для тюркоязычных республик и областей нашей страны. Под ее руководством подготовлено и защищено несколько кандидатских диссертаций.

Многочисленные коллеги, друзья и ученики В. С. Гарбузовой, поздравляя ее со славным юбилеем, желают ей доброго здоровья и долгих лет служения отечественной науке.

А. Н. Кононов, С. Н. Иванов

АХНАФ ИБРАГИМОВИЧ ХАРИСОВ

(К семидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось семьдесят лет со дня рождения видного ученого-филолога, члена Союза писателей СССР, доктора филологических наук, заслуженного деятеля науки Башкирской АССР, профессора Харисова Ахнафа Ибрагимовича.

А. И. Харисов родился в с. Имяново Балтачевского р-на БАССР 15 июня 1914 года. Окончив в 1935 году филологический факультет Башкирского госпединститута, он в течение двух лет преподавал там же башкирский язык и литературу. С 1937 по 1941 год учился в аспирантуре при Институте языкознания Академии наук СССР.

Работая под руководством Н. К. Дмитриева, А. И. Харисов специализировался

в области тюркологии и защитил кандидатскую диссертацию, посвященную изучению особенностей категории вида глагола в башкирском языке. В 1944 году эта диссертация была издана в Уфе отдельной книгой.

Демобилизовавшись из армии, А. И. Харисов навсегда связал свою судьбу с Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР и лишь на короткое время (с 1948 по 1951 год) покинул этот институт, будучи назначенным на должность председателя правления Союза писателей БАССР.

За время работы в Институте истории, языка и литературы А. И. Харисов прошел

путь от научного сотрудника до заместителя директора, а затем и директора (1954—1963) института.

А. И. Харисов был широко эрудированным филологом. Им опубликовано более двухсот работ по башкирскому языкознанию, истории и теории литературы, устному народному творчеству. Он также автор ряда пьес, рассказов, фельетонов.



Длительная и напряженная работа в архивах, хранилищах и библиотеках позволила А. И. Харисову обнаружить целый пласт ранее неизвестных произведений башкирской литературы, написанных на тюрки, принадлежащих перу писателей XVIII—XIX веков. В его многочисленных статьях и капитальной монографии «Литературное наследие башкирского народа (XVIII—XIX веков)», изданной на башкирском и русском языках (1965, 1973), было исследовано творчество малоизвестных башкирских поэтов, писателей, деятелей культуры: Т. Ялсыгулова, А. Қаргалы, Г. Салихова, Ш. Заки, Г. Сокрия, М. Акмуллы, М. Уметбаева и многих других, раскрыты истоки зарождения башкирской литературы, восходящей своими корнями к устному народному творчеству и классической

литературе Востока, прослежены взаимосвязи башкирской и других национальных литератур. За этот труд ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Одновременно А. И. Харисов занимался и вопросами современной башкирской литературы, литературоведения и литературной критики. Он выступал в местных и центральных журналах с проблемными статьями и рецензиями на новые произведения башкирских писателей. Им издан сборник литературно-критических статей «Литературные явления» (Уфа, 1963).

Определенный вклад внес А. И. Харисов в изучение башкирского фольклора: им исследован общетюркский эпический памятник «Кузкупчак и Маянхылу». А. И. Харисов — составитель и редактор трехтомного сборника башкирского устного народного творчества, изданного еще в 50-е годы, а также член редколлегий и составитель отдельных томов пятнадцатитомного свода башкирского фольклора.

А. И. Харисов автор многих школьных учебников по теории, истории и стилистике башкирской литературы, а также составитель библиографических справочников о писателях Башкирии. Отдельные его учебники выдержали более десяти изданий.

Будучи долгие годы председателем терминологической и орфографической комиссий при Президиуме Верховного Совета БАССР, А. И. Харисов оказывал непосредственное влияние на процесс языкового строительства в Башкирии, на создание терминологии и повышение культуры речи, часто выступал со статьями по актуальным вопросам развития башкирской литературного языка, участвовал в редактировании словарей.

Человек высокой культуры и обширных знаний, А. И. Харисов оказал большое влияние на творческое формирование научной молодежи и подготовку высококвалифицированных кадров башкирских тюркологов. Умер А. И. Харисов в 1977 году.

За заслуги в развитии науки, активную общественную деятельность А. И. Харисов был награжден орденами Октябрьской революции, «Знак Почета», многими медалями СССР, а также Почетной грамотой Президиума Верховного Совета БАССР.

З. Ураксин

ХРОНИКА

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА ПОЦЕЛУЕВСКОГО

31 мая с. г. в Москве в Институте языкознания Академии наук СССР состоялось совместное заседание сектора тюркских и монгольских языков института и Советского комитета тюркологов при ОЛЯ АН СССР, посвященное девятидесятилетию со дня рождения основоположника советского туркменского языкознания, заслуженного деятеля науки Туркменской ССР профессора Александра Петровича Поцелуевского. В заседании приняли участие тюркологи Москвы, Туркмении и Башкирии.

Открыл заседание докладом «О жизни и научном творчестве А. П. Поцелуевского» заведующий сектором тюркских и монгольских языков *Э. Р. Тенишев* (Москва). Он отметил, что А. П. Поцелуевский принадлежит к плеяде ученых, заложивших основы советского востоковедения. Блестяще образованный, обладавший огромной энергией и трудоспособностью, А. П. Поцелуевский прожил короткую, но богатую научными свершениями жизнь.

А. П. Поцелуевский родился 13 (26) мая 1894 года в селе Букмужа Режицкого уезда Витебской губернии (ныне Резекненский район Латвийской ССР) в семье сельского учителя-белоруса. Окончив Витебскую классическую гимназию (1914), он поступил в Лазаревский институт восточных языков и прослушал его полный курс. В 1918 году А. П. Поцелуевский возвратился в Витебск и стал работать лектором (позднее — штатным преподавателем) Витебского отделения Московского археологического института, а после его ликвидации в 1922 году — штатным преподавателем курсов при Витебском губкоме.

В октябре 1923 года по приглашению службы просвещения Среднеазиатской железной дороги А. П. Поцелуевский переехал в Ашхабад, где начал свою деятельность в качестве преподавателя средних учебных заведений. В 1926 году А. П. Поцелуевский был приглашен Наркомпросом ТССР в Государственный ученый совет в качестве научного сотрудника (консультанта по вопросам языка и национальной культуры),

позднее — члена совета. В 1928 году А. П. Поцелуевский начал работать во вновь организованном Институте туркменской культуры (Туркменкульт). В Туркменкульте и созданных позднее на его базе научно-исследовательских институтах (ТГНИИ, ТГНИИЯЛ, ИИЯЛ ТФ АН СССР) А. П. Поцелуевский практически беспрерывно руководил сектором языка. Со дня основания Ашхабадского госпединститута им. М. Горького (1931) А. П. Поцелуевский работал в нем вначале в качестве доцента, заведующего кафедрой общего языкознания, а с 1933 года — в качестве профессора, заведующего кафедрой туркменского языка и общего языкознания.

С самого начала своего пребывания в Туркмении А. П. Поцелуевский столкнулся с почти полной неизученностью туркменского языка, поэтому на первых порах все его внимание было сосредоточено на изучении диалектов и фонетики туркменского языка. В общей сложности под руководством и при непосредственном участии А. П. Поцелуевского было проведено одиннадцать лингвистических экспедиций, богатые материалы которых были обобщены ученым в таких трудах, как «Фонетика туркменского языка» и «Диалекты туркменского языка». Позднее в сферу интересов А. П. Поцелуевского попадают вопросы морфологии и синтаксиса. Помимо монографии «Основы синтаксиса туркменского литературного языка» (1943) и работ, посвященных частным вопросам морфологии, им была подготовлена к печати обстоятельная «Морфология», которая, к сожалению, не увидела света.

Интенсивная исследовательская работа и неустанная преподавательская деятельность не помешали А. П. Поцелуевскому принять активное участие в культурном и языковом строительстве в республике. С 1935 по 1937 год А. П. Поцелуевский — ученый секретарь ЦКНА при Президиуме ЦИК ТССР. Он принял участие в организации I Туркменского лингвистического съезда (1936), на котором были приняты

разработанные А. П. Поцелуевским правила туркменской орфографии. В качестве члена Правительственной комиссии он участвовал в работе по созданию и внедрению нового туркменского алфавита, составленного на основе русской графики (1940).

В заключение Э. Р. Тенишев поделился также личными воспоминаниями о встрече с А. П. Поцелуевским в 1947 году, когда в группе ленинградских студентов он проходил практику в Туркмении.

Выступившие с коллективным докладом «А. П. Поцелуевский и вопросы туркменского языкознания» директор Института языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР Б. Ч. Чарыяров и заведующий фонетической лабораторией того же института С. К. Куренов (Ашхабад) сообщили, что 22 мая с. г. научная общественность Туркмении специальной научной сессией отметила девяностолетие со дня рождения А. П. Поцелуевского. (Текст доклада публикуется в настоящем номере).

Н. З. Гаджиева (Москва) в докладе «Вклад А. П. Поцелуевского в теорию синтаксиса тюркских языков» отметила, что фундаментальные разработки в области синтаксиса туркменского языка, осуществленные А. П. Поцелуевским, позволили ему сделать теоретические обобщения, которые могут рассматриваться как определенный вклад в синтаксическую теорию тюркских языков. Уже в начале 40-х годов, когда в тюркологии наметились различные точки зрения на природу причастных, деепричастных и глагольно-именных оборотов, А. П. Поцелуевский указывал, что причины таких разногласий коренятся в традиционном ориентировании на грамматические нормы синтаксиса индоевропейских языков. При этом он подчеркивал, что строй тюркских языков во многом отличается от строя индоевропейских языков. Одним из наиболее важных таких отличий, отмечал А. П. Поцелуевский, является весьма значительная (по сравнению с индоевропейскими языками) роль в них именных предложений.

С теорией первоначально преобладающего именного строя тюркской речи связана широко распространенная концепция относительно активизации субъекта действия. Основы теории о посессивной структуре предложения были заложены в работах И. И. Мещанинова и А. П. Поцелуевского. И хотя едва ли правомерно процесс развития синтаксической структуры тюркских языков сводить к преобразованию посессивного строя в номинативный, нельзя отрицать лексико-грамматическую подвижность тюркских образований, большой удельный вес в структуре тюркских языков глагольных имен, в определенной степени обусловивших пути их развития. Определительные конструкции с субъектом действия, оформленным родительным падежом, выделялись А. П. Поцелуевским в особый структурный тип предложений квазиэргативного

строения. А. П. Поцелуевский едва ли не первым в тюркологии стал говорить об особом синтаксическом построении тюркского предложения и дал его объективную характеристику, несмотря на устойчивую традицию сводить существо дела к особым свойствам тюркских причастий (нейтральности в отношении активности — пассивности).

А. П. Поцелуевскому принадлежит заслуга введения в теорию тюркского синтаксиса положения о трех типах связи между зависимым и главным предложениями: аналитическом, синтетическом и аналитико-синтетическом.

Э. А. Грунина (Москва) в докладе «А. П. Поцелуевский о происхождении форм настоящего времени в огузских языках» сказала, что работа А. П. Поцелуевского «К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы» по настоящее время используется всеми тюркологами, занимающимися проблемами сравнительно-исторической типологии, диалектологии, ареальной лингвистики.

Поддержав идею К. Фоя о связи настоящего времени в огузских языках с одним из вариантов глагола «ходить»: *йоры-/йору-, йүри-/йүрү-, йери-,* А. П. Поцелуевский привлек неизвестный до той поры обширный материал из туркменского языка и его диалектов и обосновал гипотезу о *йөр-* как исходной основе в становлении указанного форманта.

В работе впервые были сопоставлены все формы зоны настоящего-будущего в туркменском языке, показана роль вспомогательных глаголов *дур-, йат-, отур-, йөр-*, образующих периферию сферы настоящего по карлукско-кыпчакскому типу, увязано развитие форм презенса с угасанием функциональной сферы аориста *-(^o)р*. В докладе было подчеркнуто, что многие положения этой работы А. П. Поцелуевского стимулируют дальнейшие разыскания. Так, положение форм презенса неодинаково в огузских языках в силу разной степени устойчивости аориста *-(^o)р*; ранние огузо-кыпчакские связи имели следствием сдвиги в аористе и выделение *-ар/-ер* как формы будущего времени; в этом свете следует, очевидно, рассматривать и вопрос о характере азербайджанского настоящего времени *-ыр*; положение презенса *-йар/-йәр* в туркменском языке, типология семантической структуры зоны настоящего в этом языке вновь возвращают нас к известной гипотезе Ф. Е. Корша о роли глагола *йат-* «лежать» для решения вопроса об истоках становления формы туркменского настоящего общего; фонетическая вариативность глагола «ходить» в тюркских языках позволяет признать ее и в процессе формирования презенса, отделив вопрос о происхождении форманта, возникшего на основе полуслужебного элемента, от этимологии самого глагола.

На заседании выступили также Н. А. Бас-

каков, А. Курдов, Л. С. Левитская. *Н. А. Баскаков* (Москва) охарактеризовал А. П. Поцелуевского как крупнейшего отечественного ученого послеоктябрьского периода, для которого был характерен необычайно широкий круг научных интересов. Работы А. П. Поцелуевского отличает исчерпывающее знание истории вопроса, новизна подхода к разрешению научных проблем и четкость позиции. Особо были отмечены Н. А. Баскаковым такие работы А. П. Поцелуевского, как «Фонетика туркменского языка», «Основы синтаксиса туркменского литературного языка», «К вопросу о древнейшем типе звуковой речи». *А. Курдов* (Чарджоу) высказал свое мнение о значе-

нии трудов А. П. Поцелуевского для туркменского языкознания. *Л. С. Левитская* (Москва) привлекла внимание присутствующих к тому, что приоритет А. П. Поцелуевского во многих вопросах тюркологии еще не получил должной оценки. А. П. Поцелуевский еще в 1929 году в своем «Руководстве для изучения туркменского языка» отметил наличие первичных долгот в туркменском языке, первым выявил иранизированные диалекты (теперь их называют хорасанотюркским языком) и дал их общую характеристику, а также предложил периодизацию истории туркменского языка.

Г. Ф. Данько

НЕКРОЛОГИ

ЗУЛЕЙХА БАКИЕВНА МУХАМЕДОВА



7 мая 1984 года на шестьдесят третьем году жизни скончалась видный ученый-тюрколог, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки и техники Туркменской ССР, старший научный сотрудник Института языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР Зулейха Бакиевна Мухамедова.

З. Б. Мухамедова родилась 9 января 1922 года в селе Мульк-Юсуп Векильбазарского района Марьинской области Туркменской ССР в семье служащего. После окончания Ашхабадского педагогического института она училась в аспирантуре Института языка и мышления Академии наук СССР под руководством Н. К. Дмитриева. Защитив в 1948 году кандидатскую диссертацию «Язык астрабадской рукописи дивана Махтумкули», она с 1949 года являлась старшим научным сотрудником Института языка и литературы Туркменского филиала Академии наук СССР, в дальнейшем преобразованного в Институт языка и литературы им. Махтумкули Академии на-

ук Туркменской ССР, в котором работала до последних дней своей жизни.

Большие заслуги принадлежат З. Б. Мухамедовой в изучении истории туркменского языка XI—XIV веков на основе арабоязычных источников. Данной проблеме посвящена ее докторская диссертация (1969), изданная в качестве монографии (1973), представляющая собой ценный вклад в историческую лексикографию туркменского языка. Многочисленные исследования З. Б. Мухамедовой (более 100 статей), посвященные лексикографии, текстологии, грамматике, литературе, фольклору, несомненно, обогатили туркменскую филологию. Она является автором нескольких разделов подготавливаемой к изданию исторической грамматики туркменского языка.

В 1951 году З. Б. Мухамедова была избрана членом-корреспондентом Академии наук ТССР. Она первая туркменская женщина, удостоившаяся этого высокого ученого звания. Ее талант ученого-тюрколога развивался под влиянием и руководством таких известных востоковедов страны, как Н. К. Дмитриев, И. Ю. Крачковский, Н. А. Баскаков и др.

Обладая обширными познаниями в области туркменской и русской филологии, З. Б. Мухамедова плодотворно занималась художественным переводом. Ею были переведены на русский язык «Решающий шаг» Б. Кербабаева, стихотворный цикл Мятаджи, а на туркменский язык «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и др.

З. Б. Мухамедова являлась членом редколлегии журнала «Известия Академии наук ТССР. Серия общественных наук», членом Научного совета по лексикологии и лексикографии при Отделении литературы и языка Академии наук СССР и Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР. Она активно участвовала в работе многочисленных Всесоюзных и регио-

нальных научных конференций, совещаний, симпозиумов, международных конгрессов, на которых представляла туркменскую филологическую науку. В 1978 году З. Б. Мухамедова была избрана почетным членом Турецкого лингвистического общества.

Большую научно-исследовательскую работу З. Б. Мухамедова успешно сочетала с подготовкой научных кадров.

Заслуги З. Б. Мухамедовой перед наукой и культурой республики были отмечены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Туркменской ССР, ЦК ЛКСМТ и медалями СССР.

Светлую память о Зулейхе Бакиевне Мухамедовой навсегда сохранят ее благодарные ученики, коллеги и друзья — все кто ее знал.

Д. Мамедкулиев

ЗАКИР МАГРУФОВ



1 марта 1984 года на 72-м году жизни скончался видный узбекский языковед, заведующий отделом современной лексикологии и лексикографии Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР, заслуженный учитель республики Закир Магруфович Магруфов.

З. Магруфов родился 6 декабря 1912 года в городе Ташкенте, в семье рабочего. Окончив в 1930 году Ташкентский педагогический техникум им. Нариманова, З. Магруфов активно участвовал в открытии новых школ и ликвидации неграмотности в Гузарском районе Кашкадарьинской области.

С 1934 по 1937 год З. Магруфов обучался в аспирантуре Института истории, языка и литературы Комитета наук Узбекской ССР. Вся последующая жизнь ученого была посвящена разработке актуальных проблем узбекского языкознания, созданию школьных учебников по узбекскому языку, внедрению нового алфавита. Одновременно

он вел преподавательскую работу в Ташкентском госпединституте им. Низами.

После защиты в 1947 году кандидатской диссертации «Степени сравнения прилагательных в узбекском языке» З. Магруфов работал в Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина на должностях заместителя директора, заведующего сектором диалектологии и экспериментальной фонетики, заведующего сектором современного узбекского языка. С 1952 года и до последних дней своей жизни он заведовал отделом современной лексикологии и лексикографии этого института.

В течение пятидесяти лет З. Магруфов успешно трудился во многих областях узбекского языкознания. Его пособия и учебники по грамматике узбекского языка, а также созданный совместно с А. К. Боровковым, А. Г. Гулямовым и другими «Учебник узбекского языка» для 5—6 классов стали настольными книгами преподавателей и учащейся молодежи.

З. Магруфов был одним из видных ученых-лексикографов республики. Он участвовал в качестве автора или редактора в создании «Узбекско-русского словаря» (1941), пятитомного «Русско-узбекского словаря» (1950—1956), однотомного «Русско-узбекского словаря» (1954). По его инициативе и при его непосредственном участии были изданы «Русско-узбекский разговорник» (1969) и «Узбекско-русский разговорник» (1971). З. Магруфов главный редактор и один из составителей двухтомного «Толкового словаря узбекского языка» (1981).

Большие заслуги принадлежат З. Магруфову и в области подготовки языковедческих кадров республики.

Партия и правительство высоко оценили заслуги ученого, наградив его орденом «Знак Почета» и медалями СССР.

В сердцах тех, кто его знал, навсегда сохранится светлая память о трудолюбивом и скромном коллеге и друге З. Магруфове.

Группа товарищей

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Г. К. Кулиев (Баку). Глагол *sā-/sa-* и его дериваты в тюркских языках . . . 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Э. И. Будагова (Баку). К истории азербайджанско-армянских языковых контактов . . . 11
Г. Ф. Благова (Москва). Языковое контактирование в тимуридских государствах по данным ареального исследования . . . 16

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- Л. Л. Габышева (Москва). Цвето- и зоосимволика в якутском эпосе олонхо . . . 27

ОНОМАСТИКА

- А. А. Камалов (Уфа). Система обозначения, ареалы и терминология топонимии Башкирии . . . 31

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- Б. Чарыяров, С. Куренов (Ашхабад). А. П. Поцелуевский и вопросы туркменского языкознания . . . 41

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- А. А. Багиров (Баку). Порядок слов и семантика простого предложения . . . 47
А. Н. Нурманов (Андижан). Нейтрализация оппозиции по утвердительности-отрицательности синтаксических конструкций . . . 55
Г. Х. Ахатов (Брежнев). О природе двойного отрицания в тюркских языках кыпчакско-булгарской подгруппы . . . 63
Э. А. Умаров (Ташкент). О гласном *o < a* в староузбекском литературном языке . . . 67
Т. Ш. Кадыров (Ташкент). О словаре «Хулāса-йе 'Аббāси» Мухаммада Хуваййн . . . 72
А. Н. Кононов (Ленинград). Реорганизация Турецкого лингвистического общества. Новое научное общество в Турции . . . 75

РЕЦЕНЗИИ

- Э. Фазылов, Ш. Турдыев (Ташкент). М. К. Нурмухамедов. Сказки А. С. Пушкина и фольклор народов Средней Азии . . . 84
Р. Бердибаев (Алма-Ата). Яшар Караев. Этапы азербайджанского реализма . . . 85
И. М. Огаров (Нальчик). Р. К. Рэхимова. Татар теленең һөнәрчелек лексикасы . . . 87
И. Д. Велиев (Баку). Роза Ејвазова. Кишвәри «Диван»ынын дили . . . 88

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А. К. Алекперов (Баку). Всесоюзная конференция, посвященная научному наследию академика И. И. Мещанинова . . . 90
И. Я. Селютина (Новосибирск). «Исследования звуковых систем языков аборигенов Сибири и сопредельных регионов» . . . 91

PERSONALIA

<i>С. Османлы</i> (Баку). Мамед Ариф Магеррам оглы Дадашзаде	97
<i>Н. Дж. Мамедов</i> (Баку). Мамед Джафар Зейналабдин оглы Джафаров	98
<i>Т. Галиуллин, Ф. Ахметова</i> (Казань). Хамид Хуснутдинович Ярмухаметов	100
<i>А. Н. Кононов, С. Н. Иванов</i> (Ленинград). Виктория Степановна Гарбузова	101
<i>З. Ураксин</i> (Уфа). Ахнаф Ибрагимович Харисов	102

ХРОНИКА

<i>Г. Ф. Данько</i> (Москва). Памяти Александра Петровича Поцелуевского	104
---	-----

НЕКРОЛОГИ

<i>Зулейха Бакиевна Мухамедова</i>	107
<i>Закир Магруфов</i>	108

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>G. K. Kuliyeu</i> (Baku). The verbs <i>sā-/sa-</i> and its derivatives in Turkic Languages	3
---	---

LANGUAGES IN CONTACT

<i>Z. I. Budagova</i> (Baku). On the history of the Azerbaijanian-Armenian Language contacts	11
<i>G. F. Blagova</i> (Moscow). Language contacts in Timuride states on the areal study data	16

PROBLEMS OF FOLK-LORISTICS

<i>L. L. Gabysheva</i> (Moscow). Colour- and Zoo symbolics in the Yakut epos <i>olonkho</i>	27
---	----

ONOMASTICS

<i>A. A. Kamalov</i> (Ufa). Denotation system, areals and terminology of Bashkir toponimics	31
---	----

HISTORY OF NATIVE TURKOLOGY

<i>B. Charyygarov, S. Kurenov</i> (Ashkhabad). A. P. Potseluyevsky and the problems of the Turkmen Linguistics	41
--	----

REPORTS, SURVEYS

<i>A. A. Bagirov</i> (Baku). Word order and semantics of simple sentence	47
<i>A. N. Nurmanov</i> (Andizhan). Neutralization of affirmativeness-negativeness opposition in syntactical structures	55
<i>G. Kh. Akhatov</i> (Brezhnev). Nature of double negation in Turkic Languages of Kipchak-Bulgar subdivision	63
<i>E. A. Umarov</i> (Tashkent). Vowel <i>o < a</i> in the old-Uzbek literary language	67
<i>T. Sh. Kadyrov</i> (Tashkent). On the dictionary « <i>Khulāsa-ye 'Abbāsi</i> » by Muhammad Khuvaiji	72
<i>A. N. Kononov</i> (Leningrad). Reorganization of the Turkish Linguistic society. A new scientific society in Turkey	75

REVIEWS

- E. Fazylov, Sh. Turdyev* (Tashkent). М. К. Нурмухамедов. Сказки А. С. Пушкина и фольклор народов Средней Азии 84
- R. Berdibayev* (Alma-Ata). Яшар Караев. Этапы азербайджанского реализма 85
- I. M. Otarov* (Nalchik). Р. К. Рэхимова. Татар теленең һөнәрчелек лексикасы 87
- I. D. Veliyev* (Baku). Роза Ейвазова. Кишвәри «Диван»ынын дили 88

SCIENTIFIC LIFE

- A. K. Alekperov* (Baku). All-Union conference devoted to the scientific heritage of academician I. I. Meshaninov 90
- I. Ya. Selutina* (Novosibirsk). Phonetic study of Languages relating to aborigenes of Siberia and neighbouring areas 91

PERSONALIA

- S. Osmanly* (Baku). Mamed Arif Magerram ogly Dadashzade 97
- N. J. Mamedov* (Baku). Mamed Djafar Zeinalabdin ogly Djafarov 98
- T. Galiullin, F. Akhmetova* (Kazan). Khamid Khusnutdinovich Jarmukhametov 100
- A. N. Kononov, S. N. Ivanov* (Leningrad). Victoria Stepanovna Garbuzova 101
- Z. Uraksin* (Ufa). Akhnaf Ibragimovich Kharisov 102

CHRONICLE

- G. F. Danko* (Moscow). In commemoration of Aleksandr Petrovich Potseluyevsky 104

OBITUARY

- | | | |
|--------------------------------|-----------|-----|
| Zuleikha Bakiyevna Mukhamedova | | 107 |
| Zakir Magrufov | | 108 |

© «Советская тюркология», 1984 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев.*

Корректоры *А. А. Гусейнова, Л. Г. Гасанзаде.*

Сдано в набор 18.6.84 г. Подписано к печати 18.10.84 г. ФГ 18327. Формат бу

70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.

Заказ 4445. Тираж 2500. Цена 1 руб. 10 к.

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.